

М. Матоуш

ФРОНТ БЕЗ ПЕРЕМИРИЯ

32 и 92(4/8)
МЗ4

ЧЕХОСЛОВАКИЯ
В БОРЬБЕ
ПРОТИВ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ДИВЕРСИИ

Издательство
политической
литературы

Критика
буржуазной
идеологии
и ревизионизма

Предлагаемая вниманию читателей книга входит в серию «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма».

Создаваемая объединенными усилиями издательств социалистических стран, серия включает в себя работы, посвященные критике новейших концепций идейных противников социализма в важнейших областях общественной жизни — экономике, политике и идеологии.

М. Матоуш
**ФРОНТ
БЕЗ
ПЕРЕМИРИЯ**

ЧЕХОСЛОВАКИЯ
В БОРЬБЕ ПРОТИВ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ДИВЕРСИИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1977

Матоуш М.

М34 Фронт без перемирия. Чехословакия в борьбе против идеолог. диверсии. [Пер. с чеш.].
М., Политиздат, 1977.

263 с.

На примере «тихой» контрреволюции в Чехословакии в 1968 г. автор разоблачает деятельность антикоммунистических центров на Западе, формы и методы идеологических и иных диверсий империалистических сил в современных условиях, их непрекращающиеся попытки взорвать социалистическое содружество изнутри или, во всяком случае, ослабить его.

Перевод с чешского осуществлен с сокращением по книге: Milan Matouš. Fronta bez příměří. Praha, 1974.

10506—166

М $\frac{079(02)—77}{252—76}$

32И + 1ФБ

К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Когда я писал эти строки, в Москве завершил работу исторический XXV съезд КПСС, наметивший широкую программу дальнейшего строительства коммунизма в СССР. На XXV съезде КПСС, XV съезде КПЧ, съездах других братских коммунистических партий были подведены итоги успешного развития содружества стран социализма, рассматривались вопросы, связанные с дальнейшим укреплением их единства и сотрудничества, углублением социалистической экономической интеграции.

XV съезд Коммунистической партии Чехословакии подтвердил, что курс КПЧ, проводимый в жизнь ее руководством во главе с Генеральным секретарем ЦК КПЧ Густавом Гусаком, принес нашей стране новые успехи в экономике, в повышении материального уровня трудящихся, расцвет культуры, искусства, науки, образования. Укрепился международный авторитет ЧССР.

Успешное всестороннее развитие характерно для всех стран социалистического содружества, и прежде всего для Советского Союза. СССР — это торжество мирового революционного движения, главная сила международного рабочего класса в борьбе против капитализма, оплот народов развивающихся стран в борьбе за полное политическое и экономическое освобождение.

Итоги работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе представляют собой важный шаг на пути претворения в жизнь ленинских принципов мирного сосуществования. Теперь достижение прочного мира не просто пожелание, а вполне реальная задача.

В условиях, когда все больше проявляются позитивные тенденции международного развития, возникает вопрос: не утратила ли актуальности эта книга о борьбе против антикоммунизма и идеологической диверсии, о событиях 1968—1969 гг. в Чехословакии? Не являются ли делом прошлого враждебные подрывные и клеветнические кампании, подстрекательская пропаганда, антикоммунистическая деятельность оппортунистов, ревизионистов и им подобных ренегатов? Не означает ли мирное сосуществование, что между социализмом и капитализмом возможны взаимные уступки и послабления, в том числе и компромиссы в области идеологии? Опыт последних лет с новой силой подтверждает, что как не ослабевает в мире классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, так не ослабевает и идеологическая борьба между двумя противоположными системами. Мы вновь являемся свидетелями все новых и новых антикоммунистических и антисоветских кампаний. Что является главной причиной этих кампаний? Классовый враг охотно хватается за любое наше упущение, он раздувает его и использует против нас. Антикоммунизм — это результат непримиримого классового антагонизма, органической классовой ненависти мировой реакции к социализму, коммунизму, прогрессу вообще.

Что составляет суть нынешних антикоммунистических кампаний? Наши враги твердят об экономических неудачах социалистических стран. Пользуясь сфабрикованными «данными», они утверждают, что социалистическая экономика якобы переживает

кризис. Какова причина такой аргументации? Ведь даже ребенок знает, что девятая пятилетка в Советском Союзе, пятая пятилетка в ЧССР, а также экономические планы в других братских социалистических странах были выполнены успешно и знаменовали новый шаг вперед в развитии социализма, тогда как капиталистический мир с конца 1973 г. переживает самый глубокий после 30-х годов кризис. Буржуазная пропаганда пытается внушить трудящимся своих стран, что катастрофический спад производства, безработица и инфляция — это не результат капиталистической системы, частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком, а следствие какой-то всеобщей, охватившей в настоящее время весь мир волны проблем и трудностей, которых-де не удастся избежать и социалистическим странам. В сущности, это одно из проявлений кризиса буржуазной идеологии, которая не в силах указать реальный выход из накопившихся социальных проблем капитализма и пытается облегчить себе задачу, измышляя все новую и новую абсурдную клевету в адрес социализма.

Наши враги проявляют в последнее время «великую заботу» о демократических свободах и гражданских правах в социалистических странах. При этом они прибегают к новым методам идеологической диверсии, используют в своих целях ренегатов и предателей рабочего движения. Что это — действительно забота радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода», забота американской шпионско-разведывательной агентуры ЦРУ, забота военно-промышленных монополий США, забота сионистских центров, забота неофашистов из ФРГ, Италии, США и других стран о свободе и демократии для чехословацкого, польского, венгерского или советского народов? Конечно, нет. Это враждебная всему миру, агрессивная, подрывная деятельность, являющаяся

прямым следствием дальнейшего кризиса буржуазной демократии. События в Чили осени 1973 г., Греции времен «черных полковников» и другие свидетельствуют о том, что государства традиционной буржуазной демократии открыто выступают на стороне различных военных диктаторов, марионеточных деспотических правительств и фашизма. Кризис буржуазной демократии затрагивает как внутренние проблемы империалистических государств, так и их внешнюю политику. Борьба за осуществление демократических требований настоятельно выдвигается в повестку дня во многих капиталистических странах. Защита демократических прав и свобод народа становится неслужной задачей и в ряде стран, где буржуазно-демократическая революция одержала победу много лет назад, но где в настоящее время наиболее реакционные силы монополистического крупного капитала насаждают правительства твердой руки. И вот, при таком положении, буржуазная пропаганда стремится внушить общественности, что порядки в социалистических странах хуже, чем в капиталистических. Это очередная — и совершенно бесплодная — попытка очернить социализм, а заодно и дезориентировать демократическое, антиимпериалистическое движение во всем мире.

Антикоммунистические силы вновь прибегают к утверждениям о мнимой «советской угрозе» западному миру. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС справедливо назвал это чудовищной ложью от начала до конца.

Выпады против социалистических стран продиктованы ненавистью к социализму. Таким путем наши враги пытаются приуменьшить авторитет социалистических стран, и особенно Советского Союза, отвлечь внимание мировой общественности от новой мирной инициативы съезда советских коммунистов.

Они пытаются замолчать программу дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, провозглашенную XXV съездом КПСС. Эта программа вызывает у них безграничную классовую ненависть и тревогу за свои интересы.

С целью оказать давление на общественное мнение буржуазная пропаганда кричала вчера и твердит сегодня о «советской угрозе», и это в то время, как реакционные круги мирового империализма протаскивают рекордные военные бюджеты, увеличивают прибыли, перераспределяют национальный доход в пользу военных монополий и в ущерб трудящимся.

Запугивание общественности западных стран «советской угрозой» надо рассматривать как проявление контрреволюционных усилий империализма, его лихорадочных стремлений затормозить исторический ход мирового прогрессивного движения. Мир — это чаяние всех народов земли. Борьба за мир является самым насущным общедемократическим требованием, она составляет ядро антиимпериалистической борьбы. С каждым годом, с каждым месяцем растет авторитет и влияние социалистических стран и коммунистических партий, не прекращающих борьбу за упрочение мира на земле, за разрядку напряженности и утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Как в прошлом, так и теперь интенсивные действия антикоммунистической и антисоветской пропаганды — следствие углубляющегося общего кризиса капитализма и растущего авторитета и влияния идей социализма. Вот почему борьба против антикоммунизма и идеологической диверсии, борьба против буржуазной идеологии не теряет своей актуальности и своего значения. Выступая на XXV съезде КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ

Л. И. Брежнев отметил, что в нынешних условиях «проблемы идеологической борьбы все более выдвигаются на первый план, а правда о социализме — могучее оружие в этой борьбе»¹. Далее товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул: «В борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтрализму и компромиссам. Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям»².

В современных исторических условиях еще более возрастает роль таких субъективных факторов, как сознательность трудящихся, особенно рабочего класса, идеологическая зрелость коммунистических партий. Это связано с укреплением и ростом могущества стран социалистического содружества, с успехами борьбы народов против неокOLONиализма, с появлением новых исторических возможностей борьбы рабочего класса капиталистических стран за социальный прогресс. В этих условиях возрастает значение укрепления идейно-политического единства международного рабочего и коммунистического движения, решительной борьбы против реакционного влияния буржуазной идеологии, оппортунизма и ревизионизма.

* * *

С момента выхода чешского издания моей книги прошло совсем немного времени, но за этот короткий срок произошло очень много важных событий. Они вновь и вновь подтверждают, что основным вопросом современной идеологической борьбы является борьба за чистоту марксизма-ленинизма, за правильное понимание и правильную оценку роли Советского Союза и его ленинской Коммунистической

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 10.

² Там же, стр. 74.

партии, которая является оплотом международного революционного движения, богатейшим источником опыта и убедительнейшим примером претворения на практике марксизма-ленинизма в реальную действительность.

Генеральный секретарь ЦК КПЧ, президент Чехословацкой Социалистической Республики товарищ Густав Гусак, выступая на XXV съезде КПСС, подчеркнул: «Решающим условием социалистического развития Чехословакии, ее свободы, независимости, ее жизни в условиях мира являются дружба, союз и всестороннее сотрудничество с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества. Чехословацкий народ не забывает о великих жертвах, принесенных советскими людьми во имя нашей свободы, высоко ценит братскую помощь, которую Советский Союз как верный друг и союзник оказывает нам на протяжении всех 30 лет строительства социализма. Мы хотим и с трибуны XXV съезда выразить за это глубокую благодарность советским коммунистам и всему советскому народу.

Наши взаимные отношения, особенно в последние годы, широко и всесторонне развиваются на благо народов обеих стран. Мы сделаем все для того, чтобы и дальше углублялись всестороннее товарищеское сотрудничество, союз и дружба между нашими странами и народами, чтобы и дальше укреплялась боевая взаимосвязь чехословацких и советских коммунистов»¹.

Хочу выразить свое самое искреннее пожелание: пусть эта книга внесет свой скромный вклад в дело укрепления дружбы и братства между нашими народами.

М. МАТОУШ

¹ «Приветствия XXV съезду КПСС от коммунистических, рабочих, национально-демократических и социалистических партий». М., 1976, стр. 59—60.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В мои планы не входило писать сугубо историческую работу. Меня интересуют прежде всего актуальные проблемы борьбы с идеологической диверсией против ЧССР на современном этапе. Однако, если мы хотим дать более глубокий анализ сегодняшней действительности, необходим небольшой исторический экскурс. При этом речь не идет об анализе в исторической последовательности и со всеми подробностями. Попытаемся проследить развитие событий, отделить преходящее и случайное от сравнительно постоянно-го, изживающее себя от нового, понять исторические причины этого процесса и его структуру. При этом мы следуем ленинскому методологическому указанию: «...Не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Антикоммунистическая идеологическая диверсия есть проявление борьбы между двумя враждебными идеологиями: буржуазной и социалистической.

Идеологической диверсии присущи некоторые специфические черты. Ее суть составляет не какая-то теоретическая конфронтация противоположных идей, а стремление во что бы то ни стало разложить сознание населения социалистических стран и добиться ослабления позиций мирового социализма.

Другими словами, идеологическая диверсия характеризуется не столько определенной системой ка-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

ких-то взглядов, сколько стремлением поставить под сомнение не только марксистско-ленинскую идеологию, но и все прогрессивные, антиимпериалистические идеи.

И хотя в течение последних 15—20 лет буржуазия не раз пыталась создать теоретические «альтернативы» прогрессивному общественному развитию, вновь и вновь подтверждается, что речь шла не о реальных перспективах, а прежде всего о стремлении с помощью новых вариаций поставить под сомнение и «опровергнуть» научный социализм.

Итак, с помощью идеологической диверсии буржуазия стремится поколебать и разложить социалистическое сознание населения в социалистических странах. С этой целью используются пережитки буржуазной идеологии, остатки мелкобуржуазного мышления и даже игра на эмоциях.

Идеологическая диверсия против социалистических стран составляет неотъемлемую часть враждебных действий империализма. Как правило, она взаимосвязана с диверсиями разведывательной, экономической, дипломатической, военной и т. д. При этом стратегические цели и задачи диверсий, как правило, согласовываются.

Руководящую роль в диверсионных действиях играют разведывательные службы, военные штабы империалистических держав и различные антикоммунистические подрывные центры.

ГОДЫ ОГОЛТЕЛОГО АНТИКОММУНИЗМА

Когда началась идеологическая диверсия против Чехословакии в полном смысле слова? В то время, когда упрочилась политическая власть рабочего класса в стране, когда реакция утратила надежду на изменение общественного строя «легальными» средствами и когда перед Чехословакией открылась перспектива социалистического строительства.

Последующие годы принесли и приносят с собой многие изменения в формах идеологической диверсии, но пристального внимания заслуживает первоначальный период, поскольку некоторые его особенности до сих пор актуальны. В этот период вполне зримо проступают многие основные черты идеологической диверсии, которые позже империалистические силы постараются скрыть или затушевать. Созданный в тот период идеологический аппарат на Западе не только сохраняется, но и все более расширяется и совершенствуется. Его функции проявляются яснее, если их проследить в развитии за продолжительный отрезок времени. Ретроспективный взгляд полезен и потому, что многие общие методы подрывного идеологического воздействия антикоммунистических центров повторяются. Несмотря на лавирование классового противника, его главная стратегическая цель — уничтожение социализма — остается неизменной. Антикоммунистические силы, стремясь завоевать поддержку широких масс, сталкиваются с тем, что массы не приемлют их идей. Это неразрешимое противоречие порождает неустанные судорожные по-

пытки и стремление этих сил к поискам новых и новых «доктрин» и «политических концепций», которые должны хотя бы внешне чем-то отличаться от предшествующих. Однако им суждено возвращаться в порочном кругу, который обусловлен неизменно враждебной социальному прогрессу сущностью антикоммунизма, его конкретной классовой ограниченностью.

Идеологическая диверсия не представляла ничего нового в конце 40-х годов. Просто империалистические подрывные центры настроили против Чехословакии и других народно-демократических стран свою машину, которая действовала против Советского Союза уже со времен Великой Октябрьской социалистической революции. Однако и чехословацкие коммунисты, и другие прогрессивные силы также не впервые оказались лицом к лицу с классово враждебной идеологической диверсией. Это было продолжением борьбы, которую буржуазия вела против коммунистов в течение всего своего политического господства в Первой республике. В послевоенные годы вплоть до февраля 1948 г., хотя и в иных формах, эта борьба составляла содержание классовых схваток. Антикоммунизм представлял собой концентрацию усилий реакционных представителей правых политических партий, которые руководствовались одним принципом: свою деятельность нельзя оценивать по тому, что сделано, ее следует оценивать по тому, что сумели не допустить. Реакционные силы стремились помешать осуществлению Кошицкой правительственной программы, разработанной по инициативе КПЧ. Поскольку эта программа выражала подлинные чаяния народных масс, они не могли официально отвергнуть ее, а стремились воспрепятствовать расширению и упрочению народной власти, в которой видели роковую опасность для сохранения еще оставшихся позиций капитализма в Чехословакии.

Западные державы стремились разными способами вмешиваться во внутривластное развитие Чехословакии, всячески ограничить и подорвать влияние коммунистической партии и подкрепить политические позиции буржуазии, ее связи с Западом. Это проявилось, например, в поведении американской оккупационной армии в Западной Чехии по отношению к чехословацким политическим органам, в про-

волочках правительства США с возвращением чехословацкого золотого запаса (после поражения гитлеровцев он был вывезен в США и не возвращен по сей день), в нагромождении препятствий при осуществлении товарообмена, особенно с осени 1946 г.

Нарастающая враждебность империализма к Чехословакии была составной частью «холодной войны». Призывом западных империалистических стран, бывших союзников СССР в войне против нацизма, к политике открытого антисоветизма и антикоммунизма явилась речь, произнесенная У. Черчиллем 5 марта 1946 г. в г. Фултоне в Соединенных Штатах Америки. Одновременно, словно по приказу, впервые после окончания войны выступила с открытой антикоммунистической пропагандой и внутренняя реакция в Чехословакии. Особенно это проявилось в ходе избирательной кампании, в действиях национально-социалистической, народной и демократической партий Словакии, а также в поведении правых социал-демократов¹.

В последующие месяцы международная и внутренняя реакция действовали согласованно. Идеино-политическая борьба между Советским Союзом и империалистическим Западом находила свое отражение и в идеологическом конфликте между прогрессивной общественностью и реакцией в Чехословакии. Например, вопрос о том, присоединится ли Чехословакия к «плану Маршалла» и подчинится ли таким путем американскому политическому и экономическому диктату, стал в 1947 г. предметом ожесточенного столкновения внутренних политических сил. По мере того как возрастали авторитет и влияние Коммунистической партии Чехословакии, усиливалось также антикоммунистическое давление с Запада, который оказывал все более открытую поддержку внутренней реакции. Однако возможности империалистических кругов не были безграничными. Военная интервенция оказалась неосуществимой благодаря политике союзнических отношений и дружбы с СССР, которую последовательно проводила КПЧ во главе с Клемен-

¹ Первые послевоенные выборы в Учредительное национальное собрание Чехословакии состоялись 26 мая 1946 г.—
Прим. авт.

том Готвальдом. Эта политика получала полную и эффективную поддержку со стороны Советского Союза.

Происки империалистических кругов, их беззастенчивые попытки вмешаться во внутренние дела Чехословакии достигли своей кульминации в феврале 1948 г.¹ Западные дипломаты, прежде всего посол США Штейнгард, поддерживали прямые связи с представителями внутренней реакции и инструктировали ее. Ватикан пытался осуществлять вмешательство с помощью церкви и высшего духовенства. Дипломаты капиталистических стран помогали нелегальному переходу чехословацких граждан на Запад, а империалистические государства охотно предоставляли реакционным политическим главарям убежище и возможность развивать за границей античехословацкую деятельность.

После поражения реакции в феврале 1948 г. идеологическая диверсия извне приобретала все более острый характер и новые черты. Империалистические подрывные центры стремились не только вмешиваться во внутривнутриполитическую борьбу в Чехословакии, оказывать влияние на ее ход, но и добиться государственного переворота, с целью изменения политического строя в стране.

Но классовые схватки в Чехословакии нельзя рассматривать обособленно от международной обстановки.

Антикоммунизм в целом приобрел в тот период весьма острые формы. «Холодная война» вступила в новый этап. В течение последующих пяти лет империалистические круги неоднократно ставили мир перед угрозой третьей мировой войны.

И сегодня империалисты используют некие «аргументы», чтобы доказать, что обострение международной обстановки было вызвано февральскими событиями в Чехословакии. В определенном смысле

¹ «Попытка буржуазии осуществить открытый контрреволюционный путч в феврале 1948 г. была составной частью далеко идущих планов международного империализма, направленных на то, чтобы пересмотреть итоги второй мировой войны и сформировать антикоммунистический, антисоветский фронт» («Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». М., 1971, стр. 5).

это является признанием того, какую роль отводили Чехословакии международные империалистические круги в своих глобальных антикоммунистических планах. С другой стороны, это попытка переложить на страны, строящие социализм, ответственность за свою авантюристическую и опасную политику «балансирования на грани войны».

Откровенная агрессивность антикоммунистического курса империализма в конце 40-х годов имела глубокие причины. Планы западных держав, особенно Соединенных Штатов Америки, диктовать послевоенное устройство оказались нереальными. Советский Союз не только залечивал раны, нанесенные войной, но и сохранил экономическую и политическую независимость. Расширились границы социалистического мира как в Европе, так и в Азии.

Прогрессивное движение в мире необычайно усилилось. В Китае, Индии, Бирме, Индонезии, Индокитае, а также на Ближнем Востоке разгорелась освободительная антиимпериалистическая борьба, которая в ряде случаев развивалась под влиянием коммунистического движения. В результате этой борьбы родились новые независимые государства.

Возросли численность и влияние коммунистических и рабочих партий и в капиталистических странах. Коммунистические партии, особенно во Франции и Италии, завоевали сильную поддержку среди народных масс, добились участия в правительствах.

Борьба демократических, антиимпериалистических сил приводила весь мир в небывало динамичное движение.

Империалистические круги разрабатывали стратегию и тактику «ответных мер» на основе своей оценки ситуации, прикидки соотношения сил, изыскивали пути и методы, которые могли бы принести им наиболее благоприятные результаты. Они опасались развития народно-демократических революций, проникновения идей социализма в западноевропейские страны и в другие государства, которые возникали на развалинах бывшей колониальной системы. Империалистические круги сознавали, что подобное развитие таит для них серьезную угрозу.

С другой стороны, они полагались на превосходство своих экономических, технических и особенно

военных сил и на молодость появившихся после войны социалистических государств. Эти круги рассчитывали, что коммунистическим партиям в социалистических странах не удастся в обозримое время осуществить свои программные цели в области экономики и политики и завоевать поддержку большинства населения.

Империалисты считали, что необходимо без промедления остановить наступление революционных сил и мобилизовать все средства для борьбы против социализма. Они делали решающую ставку на военное и экономическое превосходство, отводили особую роль террору против прогрессивных сил на внутреннем и международном фронтах и экономической блокаде.

Грубые действия с «позиции силы» сочетались с подрывными методами, целью которых было разложение сил социализма изнутри. Для этого создавалась «пятая колонна», использовались дипломатические интриги. В этот период велась особенно интенсивная деятельность с целью использовать в своих враждебных планах факт ухудшения отношений Югославии с другими социалистическими странами.

Мировой империализм во главе с США усилил антикоммунистическую истерию и развернул подготовку новой мировой войны, которая должна была стать новым «крестовым походом» против сил социализма.

Американский империализм возглавил мировой антикоммунистический фронт по ряду причин: США вышли из второй мировой войны сильнейшей мировой державой, кроме того, они опасались, и не без оснований, постепенного ослабления своих позиций. Империалистические круги США стремились укрепить свои позиции с помощью гегемонии в новом «священном союзе XX столетия». В 1947 г. была провозглашена «доктрина Трумэна». Ее смысл состоял в неприкрытой поддержке реакционных правительств и режимов против революционного движения¹.

¹ Президент США Г. Трумэн 12 марта 1947 г. в послании Конгрессу США выдвинул программу помощи Греции и Турции, которую обосновал необходимостью защищаться от «коммунистической агрессии»: «Если бы мы заколебались в своей гегемонии, мы поставили бы под угрозу мир во всем

В Соединенных Штатах Америки началась широкая кампания по преследованию прогрессивных организаций, устрашению общественности. ФБР проводило «проверку» более двух миллионов государственных служащих. Правительство опубликовало список так называемых «подрывных организаций», в который были включены не только все коммунистические, но и многие либеральные и пацифистские организации. Был принят закон о национальной безопасности, который объединил все американские шпионские агентства под управлением и контролем единого центра — ЦРУ. Центральное разведывательное управление получило такие права, которых не имел ни один американский государственный орган. Осенью 1947 г. западные державы торпедировали на Лондонской конференции принятие совместных действий с СССР, касавшихся вопроса о послевоенном мирном урегулировании, и открыли путь к созданию сепаратного западногерманского государства.

С 1948 г. антикоммунистическая стратегия империализма разворачивалась в полном объеме. В 1949 г. был создан агрессивный Североатлантический союз (НАТО). Одновременно с этим по инициативе США появились различные центры идеологической диверсии, игравшие важную роль в течение ряда лет. Это были, прежде всего, комитет «Свободная Европа» и «Крестовый поход за свободу». Комитет «Свободная Европа», который первоначально назывался национальный комитет «Свободная Европа», выдвинул задачу «работать для освобождения от коммунистов народов за железным занавесом». «Крестовый поход за свободу» провозгласил, что его целью является борьба против коммунизма. Обе организации не считали даже нужным скрывать свой откровенный антикоммунизм. Тем более, что они формально фигурировали как «частные» институты, за которые американское правительство не несет международно-правовой ответственности. Этот трюк должен был дать правящим кругам США возможность в мирное

мире и, совершенно бесспорно, создали бы опасность благосостоянию собственного народа». См. В. Соляк. Мир после II мировой войны. Прага, 1962, стр. 80.— *Прим. авт.*

время использовать против социалистических стран методы идеологической войны. Вскоре после основания комитета «Свободная Европа» тогдашний американский государственный секретарь Дин Ачесон на пресс-конференции заявил: «Государственный департамент согласен с этим шагом и полагает, что его цели — правильны... он удовлетворен возникновением этой организации и предоставит ей свою помощь».

В июне 1950 г. американский империализм развязал агрессию в Корее. В том же месяце американский «Комитет обороны государства» принял закон Лоджа об оснащении вооружением и обучении иностранного легиона, сформированного из отщепенцев восточноевропейских социалистических стран. Позже было решено, что его численный состав должен быть увеличен. Не случайно, что именно в такой обстановке — через неделю после начала американской военной интервенции в Корее — 4 июля 1950 г. появилась пресловутая радиостанция «Свободная Европа». К маю 1952 г. уже работали все ее пять «национальных редакций»¹.

Американское законодательство тех лет, открытые заявления и, прежде всего, практическая и идеологическая деятельность правящих кругов США бесспорно свидетельствуют о том, что в империалистических планах ликвидации социалистического строя подготовка агрессивной войны, организация шпионажа, диверсий различного рода, экономическая блокада и идеологическая диверсия являлись организационно и функционально звеньями единой цепи.

Как составная часть социалистического сотрудничества, Чехословакия не могла не стать объектом этой деятельности. Острая ненависть к ней была вызвана помимо прочего поражением реакции в феврале 1948 г.

Империалистические подрывные центры рассчитывали, что социализм можно ликвидировать в сравнительно короткое время, возможно в течение нескольких лет, и что для этого достаточно надлежащим образом мобилизовать потенциал западного мира и реакционные элементы внутри социалистических

¹ Против Чехословакии, Польши, Венгрии, Болгарии, Румынии.

стран. Это определяло в решающей степени и классовую, социально дифференцированную направленность антикоммунистического воздействия на Чехословакию. Главная ставка в контрреволюционных расчетах делалась на представителей бывших эксплуататорских классов, бывшего старого буржуазного государственного аппарата, людей, которые до февраля 1948 г. активно поддерживали реакцию. Расчет был основан на том, что крестьяне окажут сопротивление кооперированию. Вместе с тем враждебная пропаганда стремилась сбить с толку возможно более широкие слои населения, внести смятение в их политическое сознание и лишить таким образом КПЧ массовой поддержки трудящихся.

Антикоммунистическая пропаганда тех времен носила в определенном смысле двоякий характер — интенсивный и экстенсивный. Она стремилась подбросить контрреволюционным силам какие-то идеи, конкретную программу действий и одновременно сбить с толку и дезориентировать широкие массы. Считалось приемлемым использовать для этого религиозные пережитки, националистические иллюзии о буржуазной масариковской республике, отношения между чехами и словаками, социальную демагогию.

В тот период антикоммунистическая пропаганда открыто нападала на социализм, политическую практику в социалистических странах и теорию марксизма-ленинизма. Главной мишенью была коммунистическая партия, ее конкретная политика. Вместе с тем открыто превозносились порядки домюнхенской республики.

Эта антисоциалистическая и прокапиталистическая схема получала свое отражение и в вопросах международной политики. Антисоветизм носил совершенно открытый характер и, по существу, доминировал в этой пропаганде. Аргументация строилась на нескольких основных тезисах. Западные пропагандисты тщились доказать, что Советский Союз якобы эксплуатирует Чехословакию, осуществляет в отношении ее политический диктат, удерживает в отсталости и препятствует более быстрому экономическому, социальному и культурному развитию республики. Другой стороной этой пропаганды было безудержное восхваление западного образа жизни.

Реакционные цели идеологической диверсии в ту пору еще просматривались. Наши противники были слишком уверены в силе традиционной инерции мышления населения в молодых народно-демократических странах. Они не верили, что КПЧ способна на деле решить основные задачи социалистической перестройки в области производственных отношений, материального и культурного уровня жизни населения и особенно в сфере общественного сознания. В течение ряда лет они исходили из ложной предпосылки, что значительная часть населения в Чехословакии не согласна с социалистической политической и экономической системой и желает возвращения к прежним, капиталистическим порядкам.

Не скрывали они и своих политических контрреволюционных замыслов, направленных к свержению государственного строя. Население открыто призывалось к сопротивлению государственной власти, повторялись обещания, что антисоциалистическим силам за «железным занавесом» будет оказана военная поддержка¹.

Радиостанция «Свободная Европа» помимо прочего регулярно передавала серию лозунгов, которые выполняли роль паролей для диверсионных групп и агентов. Эти лозунги агенты использовали для установления связи после нелегального перехода границы.

Идеологическая диверсия имела целью подготовить террористические акции и вооруженное свержение власти рабочего класса в социалистических странах.

¹ Бывший главнокомандующий сухопутными силами США в Европе и оккупационными частями в Западной Германии генерал Л. Д. Клей в 1952 г. заявил: «Мы способны подрывать авторитет местных коммунистических режимов и помогать подготовке ко дню освобождения тем, кто остался в западне за железным занавесом» («Нью-Йорк таймс», 19. III, № 52, стр. 4). 24 ноября 1951 г. корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Джек Рэймонд опубликовал заявление Чарльза Д. Джексона, директора радиостанции «Свободная Европа»: «Мы хотим создать условия для возникновения беспорядков в тех странах, где слушают наши передачи... Время для оказания соответствующей военной помощи в поддержку таких действий настанет тогда, когда народу этих стран-сателлитов удастся создать на собственной земле вооруженную организацию, пригодную для использования».

Этому соответствовали и ее методы. Людей стремились ввести в заблуждение, политику партии искажали и чернили, пытались подорвать к ней доверие широких масс. Примером подобной пропаганды была попытка запугать крестьян колхозами. В широкой степени использовались вымыслы и ложь; каждое мероприятие, каждое высказывание руководящих деятелей сопровождалось негативными комментариями. Отрицание или очернение всех сторон социализма составляло главную суть антикоммунистической пропаганды тех времен, широко использовались геббельсовские приемы и буржуазные довоенные антисоветские вымыслы. Не было, пожалуй, ни одного общественного органа или института в Чехословакии, которые бы не подвергались нападкам.

Немалое место в антикоммунистической пропаганде, особенно по радио, отводилось шельмованию людей. Под обстрел брались партийные работники, служащие национальных комитетов, председатели сельскохозяйственных кооперативов, молодежные активисты. Их называли «шпионами и доносчиками», им угрожали и открыто призывали к физической расправе с ними.

В течение ряда лет враждебная пропаганда пророчила «крах коммунистического режима». Объявлялись даже конкретные сроки, когда якобы должны были произойти перевороты и свержение социалистической государственной власти. Таким образом стремились создать обстановку неуверенности и нервозности.

Пытались вызвать разного рода панику, провоцировали «закупочную лихорадку». Несколько раз в год радиостанция «Свободная Европа» объявляла, что в Чехословакии готовится денежная реформа.

В конце 40-х — начале 50-х годов вдохновители империалистической идеологической диверсии против социалистических стран создали свой основной аппарат, который, по сути, действует и поныне. В принципе речь шла о комбинации официальных государственных органов с «частными» институтами. Буржуазные государства предоставляли необходимые средства и всевозможную защиту, контролировали этот аппарат и руководили им. Так называемые «частные институты» позволяли им вести борьбу и

такими средствами, которые в мирных условиях несовместимы с нормальными отношениями между государствами, хотя, впрочем, в период «холодной войны» империалистические державы нередко переходили эту грань.

Наиболее пригодным средством идеологической диверсии против социалистических стран западные антикоммунистические центры считали и считают радиопропаганду. С начала 50-х годов передачи на чешском и словацком языках с Запада ведет целый ряд станций. Число часов радиопередач колеблется в зависимости от степени политической напряженности в мире и интенсивности античехословацкой кампании.

Главным орудием античехословацкой пропаганды становится радиостанция «Свободная Европа», которая ведет передачи на чешском и словацком языках в нескольких диапазонах волн практически в течение всего дня. В последние годы ее руководители прилагают немалые усилия к тому, чтобы изобразить эту радиостанцию неким информационным центром, который не имеет иных интересов, кроме как давать нашей общественности всестороннюю информацию и объективный обзор по различным политическим, экономическим и культурным вопросам.

В то время подлинные цели и намерения «Свободной Европы» прокламировались совершенно открыто. Вскоре после начала деятельности РСЕ один из ее создателей и организаторов — американский генерал Клей так характеризовал стоящие перед радиостанцией задачи: «Самая важная задача этой организации будет состоять в следующем: с помощью пропаганды побудить чехов, словаков, венгров и румын нелегально покинуть свои страны. Если эта деятельность в указанных странах приведет к нелегальному движению, мы не будем удивлены. Для того, что делаем и будем делать, нет границ»¹.

В первой половине 50-х годов западные агентства организовали против Чехословакии и других социалистических стран широкую акцию с распространением листовок. Листовки распространялись разными

¹ Агентство Рейтер, 25 октября 1950 г.

способами, чаще всего с помощью воздушных шаров. Летом 1953 г., когда антикоммунистическая истерия приобрела небывалый размах, когда реакция решилась на открытое выступление против социалистического строя в ГДР, когда в Соединенных Штатах Америки были казнены супруги Розенберг на основе ложного обвинения в шпионаже, в Западной Германии под патронатом и при помощи американской оккупационной армии против Чехословакии была организована пресловутая операция «Просперо». В течение четырех дней запустили свыше шести с половиной тысяч воздушных шаров, которые занесли примерно 12 миллионов листовок в районы Праги, Пльзеня, Остравы и других чехословацких городов. В ходе операции «Вето» в 1954 г. в Чехословакию было доставлено до 41 миллиона листовок общим весом свыше 50 тонн. Запуск баллонов значительных размеров, наполненных легковоспламеняющимся газом, представлял собой в полном смысле пиратскую акцию, которая угрожала безопасности граждан и особенно авиационному сообщению. Уже сам по себе выбор такого средства идеологической диверсии свидетельствовал о ее циничном, грязном и антинародном характере.

Одновременно «Свободная Европа» организовала диверсию под патронатом «Объединенного комитета для американского единства» — так называемый «почтовый проект». С Запада в Чехословакию поступали миллионы посылок, адресованные общественным организациям и частным лицам. Они содержали письма, листовки, эмигрантские и буржуазные журналы, религиозные тексты, порнографию и т. д. Антикоммунистические подрывные центры стремились втянуть в эту враждебную акцию прежде всего родственников чехословацких граждан, живущих на Западе. Но часто адресаты избирались случайно, например по телефонным справочникам.

Значительную роль в идеологической диверсии против Чехословакии играет в течение ряда лет эмигрантская литература, выпускаемая буржуазными издательствами. Многие издания служат для политической дезориентации наших земляков на Западе; другие предназначены для нелегального распространения среди чехословацкого населения.

После февраля 1948 г. политическая эмиграция стала играть значительную роль в идеологической диверсии против ЧССР. Но и это не является некой чехословацкой спецификой. Западные подрывные центры со времени Великой Октябрьской социалистической революции по традиции используют реакционных эмигрантов в качестве своих идеологических рупоров. Они лучше знают язык, психологию, обычаи, традиции страны, против которой направлено острое идеологической диверсии. Многие из эмигрантов занимали те или иные политические посты, имели определенный круг своих единомышленников, на которых они стремятся и впредь оказывать влияние. Надежда на возвращение в страну и восстановление прежнего политического положения связана со свержением социалистического строя. Их враждебность к социализму продиктована прежде всего личными мотивами. Однако речь идет о людях, утративших социальные корни, полностью зависимых от антикоммунистических центров, на службе которых они состоят. Эти люди весьма подходят для осуществления реакционных антинародных целей. Если их взгляды или совесть даже и воспротивились бы требованиям работодателей, экономическое и политическое давление принудит их к послушанию.

На рубеже 40—50-х годов на Западе действовали, главным образом, две группы чехословацкой политической эмиграции: одна сформировалась непосредственно после второй мировой войны, а вторая — после февраля 1948 г. Первую группу составляли фашисты и коллаборационисты, которым в конце войны удалось уйти на Запад и избежать справедливого наказания. К ней присоединились и некоторые представители эмиграции, которым политическая обстановка, сложившаяся в Чехословакии непосредственно после мая 1945 г., казалась слишком «красной» и радикальной, и поэтому на родину они уже больше не вернулись.

Словацкие людаки, главари клеро-фашистского марионеточного режима Тисо сначала скрывались во франкистской Испании и в отдаленных латиноамериканских странах, но с началом новой антикоммунистической истерии в первые послевоенные годы им

стали находить практическое применение. При содействии Ватикана, реакционных американских и других кругов они проникали в организации словацкого землячества, прежде всего в США и Канаде.

Среди них были люди такого рода, как, например, Фердинанд Дурчанский — министр иностранных дел тисовского государства, заочно приговоренный после войны народным судом к смертной казни; Йозеф Киришбаум — генеральный секретарь глинковской словацкой народной партии, начальник глинковской гвардии, один из главных агентов гитлеровского нацизма в Словакии; Матуш Чернак — посол тисовского режима при Гитлере в Берлине; Йозеф Паучо — шеф-редактор людацкого органа «Словак», агент гестапо, и другие.

К этой группе примыкала также горстка чехословацких крайне правых политиков и представителей крупного капитала, таких, как, например, генерал Прхала, крупный предприниматель Батя, южночешский латифундист Шварценберг, фабрикант Зигмунд, бывший дипломат бенешевского лондонского правительства Оуский, и им подобные.

Послефевральскую эмиграцию кроме людей обманутых или жаждущих авантюры составляли, прежде всего, представители буржуазии, которые по праву считали себя обиженными социалистической революцией, и представители дофевральской реакции — сторонники восстановления буржуазных порядков в Чехословакии; они бежали на Запад, желая обрести базу, чтобы продолжать свою антикоммунистическую деятельность.

Между обеими группами эмигрантов были определенные различия как в степени реакционности, так и во взглядах, касающихся государственного устройства в Чехословакии. Ранняя послевоенная эмиграция склонялась к фашизму, послефевральская — скорее к буржуазной демократии. Среди словацкой части послевоенной эмиграции преобладали сепаратисты, в то время как среди послефевральских эмигрантов было сильным влияние «масариковского чехословакизма» — концепции, ориентированной на создание унитарного буржуазного чехословацкого государства.

Политическая и идейная дифференциация в среде эмигрантов вызывала многие взаимные столкновения. Усилия сделать антисоциалистическое движение эмигрантов единым были, по существу, скорее серией попыток отдельных групп добиться гегемонии. Почти каждый второй эмигрантский орган, едва возникнув, уже своей программой и, более того, самим названием заявлял о претензии на ведущие позиции в руководстве всем эмигрантским движением.

Послефевральские эмигранты, оказавшись на Западе, развили большую активность. Речь шла не только о выдвижении своих собственных концепций, но и об усилении «холодной войны» и активизации всего механизма идеологической диверсии империализма против социалистических стран. Различные советы, комитеты и общества быстро возникали и исчезали в зависимости от того, насколько им удавалось получить и сохранить материальную поддержку со стороны буржуазных покровителей.

Чехословацкие политические эмигранты были включены в эту борьбу посредством ряда политических и идеологических организаций. Возникали многочисленные новые эмигрантские группировки, а прежние земляческие организации усиливали свою политическую активность. К их руководству приходили люди, исповедовавшие крайние антикоммунистические взгляды.

Так, был создан «Совет свободной Чехословакии», руководимый бывшим председателем национально-социалистической партии Петром Зенклом. Его членами, согласно статуту, формально считались все министры и депутаты дофевральского чехословацкого правительства и Национального собрания, которые бежали на Запад. Программа предусматривала восстановление буржуазных порядков в Чехословакии.

Одной из наиболее крупных организаций являлся Чехословацкий национальный совет в США. В отличие от «Совета свободной Чехословакии», он опирался не только на послефевральскую эмиграцию, а пытался использовать представителей традиционных земляческих объединений и послевоенной эмиграции. Располагая сильными связями с официальными кругами США, он мог с помощью амери-

канских средств информации воздействовать на более широкие слои членов землячеств и эмигрантов.

Наряду с этим возникли и политические организации клерикального направления, финансируемые и руководимые Ватиканом, такие, как Христианская академия, основанная весной 1950 г. в баварском Прине и переселившаяся позднее в Рим, Кирилло-мефодиевская лига в Лондоне — организация чешских католических священников в эмиграции, создавшая постепенно свои филиалы в Канаде и Австралии и т. д. Появилось множество разных объединений и политических организаций, которые добивались финансовой поддержки со стороны западных буржуазных правительств и различных благотворительных фондов. Правые группы сформировали заграничные комитеты национальных социалистов и социал-демократов, в том числе «Постоянную конференцию словацких демократических эмигрантов», руководимую Леттрихом, и т. д. Одновременно активизировалась деятельность довоенных организаций, таких, например, как Словацкая лига в Америке, Канадская словацкая лига и т. п. Все они стремились сплотить и подчинить своему влиянию эмигрантов на Западе и вместе с тем — это главное — воздействовать на внутреннее развитие в Чехословакии. Их целью была реставрация капитализма и его политической власти в Чехословакии. Они весьма и весьма тесно сотрудничали со шпионскими организациями и антикоммунистическими идеологическими центрами Запада.

Следует отметить, что в ту пору в западных исследовательских антикоммунистических институтах и центрах при обсуждении вопроса об использовании эмигрантов исходили из того, что поражение коммунизма, по расчетам международной реакции, должно было быть делом ближайшего будущего и осуществиться, прежде всего, с помощью силы. Поэтому при анализе обстановки главную роль играли шпионские и военно-разведывательные сведения.

Политических эмигрантов использовали преимущественно для прямой идеологической диверсии, они должны были оказывать антикоммунистическое влияние на общественность в Чехословакии и в тех странах, в которых находились. За эмигрантскими

организациями и их акциями стояли международные подрывные центры, а чехословацкие эмигранты служили в качестве исполнителей приказов, инструментом для выполнения определенных заданий.

Наглядным примером служит деятельность «Свободной Европы». Идея и план создания этой радиостанции родились в комитете «Свободная Европа» в США. Эта деятельность направлялась и финансировалась с самого начала ЦРУ через посредство своего центра в Нью-Йорке. Оборудование для мюнхенской радиостанции поставили американские оккупационные войска. Мюнхенским центром до сего дня руководят американцы. Американская полиция охраняет здания, выдает и контролирует пропуска. И в рамках этого американского механизма действует с самого начала группа чешских и словацких эмигрантов, которые представляют собой так называемую «чехословацкую редакцию».

В 1950 г. чехословацкой редакцией «Свободной Европы» в Мюнхене руководил идеолог бывшей национально-социалистической партии Фердинанд Петроутка, который позднее был переведен в нью-йоркский центр. В 1951 г. программным директором чехословацкого вещания был назначен другой послефевральский эмигрант, на этот раз бывший правый идеолог Народной партии Павел Тигрид¹.

¹ Этот человек, настоящая фамилия которого Шенфельд, по своему политическому и моральному облику является характерной фигурой продажной политической эмиграции, находящейся на службе западной антикоммунистической пропаганды. Согласно данным, которые были раскрыты во время судебного процесса по его делу, состоявшегося в городском суде г. Праги в июле 1967 г., он был резидентом американской разведки уже в 1945—1948 гг., когда работал в Чехословакии в качестве главного редактора реакционных журналов «Обзоры» и «Вывой». После февраля 1948 г. эмигрировал в Западную Германию, жил на вилле американской разведки во Франкфурте-на-Майне, объезжал лагеря беженцев и выступал как председатель «Центрального комитета чехословацких эмигрантов». В начале 50-х годов, руководя чехословацкой редакцией «Свободная Европа», принимал участие в организации засылки воздушных шаров в Чехословакию. В 1953 г. был уволен из «Свободной Европы» за скандальные финансовые махинации, но несколько лет спустя вновь появился на политической сцене — в качестве главного редактора эмигрантского журнала «Сведецтви».

Политические эмигранты, находящиеся на службе империалистических подрывных центров, действуют не только в области идеологии. В конце 40-х — начале 50-х годов из их рядов пополнялись шпионские кадры, они использовались в борьбе против освободительного движения поработенных колониальных народов. Много чехословацких эмигрантов, служивших в иностранных легионах, погибло. Политические главари, однако, не подвергали себя риску ни в пограничных перестрелках, ни в военных операциях где-нибудь в Африке или Индокитае. Они проявляли и проявляют большую заинтересованность в антикоммунистических центрах, стараются попасть туда на службу, получить финансовую поддержку для подрывной деятельности против Чехословакии. У западных империалистических кругов имеются возможности выбора в среде эмигрантов. И это — один из самых главных мотивов их взаимных склок и интриг, которые изображаются как некие политические и идеологические споры. Предложение эмигрантами своих услуг превышает спрос. Участие в антикоммунистических, античехословацких кампаниях и акциях приносит для многих из них только сезонный заработок.

Империалистические антикоммунистические центры, используя в своих целях эмигрантов, меньше всего заботятся об их политических амбициях и источниках существования.

В этом убедились уже послефевральская эмиграция. Только немногие чехословацкие реакционеры имеют на Западе регулярный доход, например бывший председатель дофевральской национально-социалистической партии Петр Зенкл, которому американцы после его полного политического банкротства в 1956 г. определили месячную пенсию в 300 долларов. Однако даже его ближайшим сотрудникам обеспечивать свое существование было намного труднее. Например, печально известный до февраля 1948 г. антикоммунистический публицист Франтишек Клátil, который когда-то был депутатом от национально-социалистической партии, зарабатывал себе на жизнь в течение 20 лет — почти до самой своей смерти (в 1972 г.), работая моряком на американском судне. Бывший правый лидер социал-

демократической партии Вацлав Майер, который в эмиграции проявлял большую политическую активность (исполнял, помимо прочего, обязанности председателя Исполнительного комитета социал-демократии в изгнании, участвовал в работе Социалистического интернационала и так называемого «Объединения порабощенных народов Европы»), был вынужден работать кладовщиком.

Оголтелый антисоветизм и антикоммунизм в конце 40-х — первой половине 50-х годов имел целью укрепить позиции капитализма, развеять надежды, связанные с союзническими отношениями стран антигитлеровской коалиции, настроения, которые в период военного сотрудничества и борьбы против фашизма возникли среди общественности на Западе.

Классовый характер антикоммунистических акций никогда не был тайной, так же как и те, кто ими руководил. Типичный пример — Генри Форд — «автомобильный король» и один из капитанов американского крупного капитала, стоявший во главе «Крестового похода за свободу»; Аллен Даллес — шеф американской шпионской службы, действовавший в комитете «Свободная Европа».

Империалистические центры вплоть до середины 50-х годов вообще не стремились скрывать, что уничтожение коммунизма является их главной целью.

Что же дала им антикоммунистическая деятельность против Чехословакии?

Враждебная деятельность, особенно бесцеремонная и жестокая примерно в течение семи лет после февраля 1948 г., лишила многих людей жизни, причинила немалый материальный, политический и моральный ущерб стране. Многие солдаты и офицеры корпуса национальной безопасности и пограничных войск, работники партийных и государственных органов, общественных организаций пали жертвами политических убийств и отдали жизнь в борьбе с классовым врагом. Посредством саботажа и поджогов были уничтожены миллионные ценности. Часть населения порой охватывала паника, что создавало напряженную обстановку.

Однако антикоммунизм оказался не в состоянии остановить социалистические преобразования в Чехословакии.

Коммунистическая партия Чехословакии вела целеустремленную и систематическую борьбу с враждебными происками. После победы над реакцией в феврале 1948 г. партия не впала в самоуспокоение, напротив, она направляла активность трудящихся как на созидательную работу, так и на упрочение классового фронта рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции в целях противодействия попыткам враждебных классовых сил подрывать и нарушать социалистическое строительство.

Клемент Готвальд неоднократно подчеркивал: «То главное, что принес Февраль, состоит в ликвидации... возможности осуществить реставрацию капитализма внутренними силами реакции, ее политическими и экономическими силами. Реакция сегодня не имеет возможности совершить переворот своими собственными внутренними силами»¹.

Однако успехи не давали повода к пассивному созерцанию происходившего. Пожалуй, нет ни одного партийного документа той поры, ни одного выступления ведущих партийных деятелей перед чехословацкой общественностью, где бы не подчеркивались задачи, вытекающие из современного этапа классово-вой борьбы, значение политической бдительности.

На Пленуме ЦК КПЧ 17 ноября 1948 г. К. Готвальд подчеркнул: «При каждом затруднении, с которым мы столкнемся,— а с подобными трудностями мы всегда должны считаться — реакция будет снова поднимать голову, будет снова пытаться использовать трудности, и мы, следовательно, должны быть готовы, чтобы нас не застали врасплох, чтобы мы дали ей достойную отповедь»².

В докладе IX съезду КПЧ 25 мая 1949 г. К. Готвальд вновь уделил значительное внимание этому вопросу. Он, в частности, говорил: «Теперь реакция перешла в подполье, ее деятельность стала нелегальной. Часть главарей реакции бежала за границу, часть ее приверженцев работает внутри страны. В настоящее время основными методами ее деятельности являются шпионаж, саботаж, подрывная пропа-

¹ Клемент Готвальд. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 291.

² Там же, стр. 295.

ганда, террористические акты и различные реакционные заговоры. Перед всеми честными людьми, перед всеми составными частями возрожденного Национального фронта стоит задача — изолировать и обезвредить реакцию. Было бы при этом ошибочным считать, что это является делом лишь государственных органов. Ничего подобного! Необходимо одновременно пригвоздить реакцию политически к позорному столбу. После Февраля реакция прошла такой путь развития, что от нее должен теперь с отвращением отвернуться каждый честный чех и словак»¹.

Политика КПЧ завоевывала все большую поддержку трудящихся масс. Они убеждались в том, что курс на построение социализма, провозглашенный на IX съезде КПЧ и неуклонно проводимый в жизнь, отвечает интересам подавляющего большинства населения. За короткий срок была ликвидирована эксплуатация человека человеком, а основные средства производства стали общественной собственностью. Вся политическая власть перешла в руки трудового народа. Рабочий класс под руководством КПЧ завоевал ведущее положение в обществе, укрепил союз с крестьянством и интеллигенцией.

После преодоления разрухи, вызванной войной, начался небывалый подъем экономики. Основой ее развития стали социалистические принципы: планирование, добровольная трудовая инициатива и соревнование, вознаграждение по труду².

Деревня переживала решающий этап своего социалистического преобразования. Создавались кооперативы, осуществлялась механизация и модернизация сельскохозяйственного производства³.

¹ Клемент Готвальд. Избранные произведения, т. II, стр. 324.

² Объем промышленной продукции в 1955 г. был на 143% больше, чем в 1937 г. Удельный вес промышленного производства в совокупном общественном продукте повысился с 57% в 1937 г. до 70% в 1955 г. (См. «Общегосударственная конференция Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 11—15 июня 1956 года». М., 1957, стр. 72.)

³ На общегосударственной конференции КПЧ в июне 1956 г. отмечалось, что в начале года социалистический сектор имел уже более 40% всей пахотной земли. XI съезд КПЧ в 1958 г. констатировал, что социалистическому сектору принадлежит уже более 71% сельскохозяйственной площади.

Успехи индустриализации и культурного развития стали особенно заметны там, где при капитализме царила глубокая отсталость. Динамичное развитие Словакии являлось наиболее убедительным свидетельством превосходства социалистической современности над капиталистическим прошлым и в немалой степени содействовало росту экономического потенциала и жизненного уровня всего трудового народа республики.

Все это было прежде всего результатом целеустремленной политики Коммунистической партии Чехословакии. В эти годы наряду с вопросами социалистического строительства КПЧ уделяла большое внимание идеологическому воспитанию. Сотни тысяч членов партии осваивали в системе партийного обучения основы марксизма-ленинизма.

В деле формирования социалистического сознания возросла роль школы, средств информации, искусства, литературы.

Клемент Готвальд на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ в 1948 г. так определил основные задачи борьбы против антикоммунизма: «Наша борьба с реакцией протекает в следующем направлении: во-первых, в позитивной форме, прежде всего путем правильной политики во всех областях — экономической политики, политики цен и т. д.; убеждением ошибающихся честных людей и возвращением их к конструктивной работе. Далее, наша борьба с реакцией проявляется в том, что мы должны сорвать маску с подлого обличья эмигрантов и изменников, не допустить, чтобы реакционные элементы снова приобрели легальную базу, особенно в других партиях Национального фронта, в массовых организациях и не в последнюю очередь в церкви. Наконец, само собой понятно то, что против подпольной деятельности мы будем прибегать к справедливым, но суровым и жестким мерам. Мы убеждены, что при нашей правильной общей политике для реакции у нас не будет почвы и что авантюристов, которые прибегают к террору, покушениям, саботажу и в конце концов к войне, будет все меньше»¹.

¹ Клемент Готвальд. Избранные произведения, т. II, стр. 296.

В ходе социалистического строительства трудящиеся массы убеждались в преимуществах социализма, становились его сторонниками. Открытая антисоциалистическая пропаганда уже не давала ожидаемого эффекта. Антисоветизм разбивался о симпатии нашего народа к Советскому Союзу — освободителю нашей родины от нацистской оккупации, главной опоре в строительстве социализма. Очернение советской политики и негативная информация о положении в СССР вступали в явное противоречие с объективными данными, которые становились общеизвестными. Вместе с тем приукрашенная и идеализированная информация о капиталистическом Западе не подтверждалась фактами.

Все более очевидными становились успехи формирующейся социалистической системы, на большом подъеме находилось международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение. В Декларации московского Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран (ноябрь 1957 г.) констатировалось:

«Растущая и крепнущая мировая социалистическая система оказывает все большее влияние на международную обстановку в интересах мира, прогресса и свободы народов»¹. Расчеты западных капиталистических стран на то, что им удастся затормозить экономическое развитие Советского Союза и народно-демократических стран с помощью экономической блокады и эмбарго, не оправдались. Промышленность социалистических стран к середине 50-х годов превзошла довоенный уровень. В 1957 г. на долю этих стран приходилось 30% мирового промышленного производства, 25% производства металла и 37% добычи угля.

Коммунистические и революционные рабочие партии, которые ко времени созыва VII конгресса Коммунистического Интернационала (1935 г.) действовали в 43 странах и насчитывали около 3,2 миллиона членов, к московскому Совещанию 1957 г. уже имелись в 75 странах и насчитывали 33 миллиона членов, а революционные профсоюзы, объединенные во

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1964, стр. 5—6.

Всемирной федерации профсоюзов,— более 88 миллионов трудящихся.

Ослаблению империализма содействовала и национально-освободительная борьба народов колониальных и зависимых стран. К 1957 г. миллионы людей освободились от колониального ига, создавались независимые суверенные государства.

Милитаристская агрессивная политика западных держав встречала сопротивление широких слоев населения разных стран. Борьба Советского Союза и других социалистических государств, коммунистических партий за мир обрела все большую поддержку. Развернувшееся движение за мир стало важным фактором, тормозящим влияние антикоммунизма.

Тот факт, что западные реакционные силы ориентировались на войну, не встречал одобрения даже у многих из тех, кто не поддерживал идеи социализма. Они понимали, что военные действия Запада неизбежно расчистили бы дорогу западногерманскому реваншизму. В Чехословакию вновь вторглись бы нацистские недобитки, которые не примирились с поражением гитлеровской Германии. Каждый трезво мыслящий человек не мог не понимать, что перспектива такого «освобождения от коммунизма» — не только ликвидация политических и социальных завоеваний рабочего класса и всего трудового народа, но «в конце концов полная ликвидация республики как независимого государства»¹, смертельная опасность самому существованию народов Чехословакии.

Концепция оголтелого антикоммунизма оказалась в конечном итоге малоэффективной. Ее влияние было обратно пропорционально растущим успехам социализма в политической, экономической, социальной, культурной и — не в последнюю очередь — в военной областях.

Антинародность и реакционность деятельности империалистических подрывных центров были слишком явными. В духе «доктрины Трумэна» и в соответствии с классовыми интересами крупного капитала правительства империалистических государств,

¹ Клемент Готвальд. Избранные произведения, т. II, стр. 295—296.

в первую очередь Соединенных Штатов Америки, поддерживали самые реакционные режимы и силы во всем мире. Буржуазные идеологи повторяли традиционные буржуазные лозунги о свободе, демократии и гуманизме, в то время как правящие круги Соединенных Штатов Америки поддерживали режимы Франко в Испании, Салазара — в Португалии, Батисты — на Кубе, Чан Кай-ши — на Тайване, военных диктаторов — в Латинской Америке. Однако провалы, связанные с проведением откровенно антикоммунистического курса, порой вызывали недоверие к нему даже в рядах самой буржуазии. Годами мировая реакция звала в наступление, но решающие антикоммунистические акции закончились поражением. Так, потерпели провал военная авантюра США в Корее, контрреволюционная вылазка в Германской Демократической Республике в 1953 г., контрреволюционный мятеж в Венгрии осенью 1956 г.

США в то время следовали доктрине «освобождения» народов стран социализма. Согласно этой «доктрине», особая роль отводилась идеологической диверсии. Большая ставка делалась на реакционные элементы в социалистических странах, которые должны были при подходящих условиях начать антигосударственные действия. В этом случае Запад оказал бы вооруженную поддержку. Так, накануне и в ходе контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 г. западные радиостанции и буржуазная печать призывали контрреволюцию в Венгрии к восстанию и обещали всестороннюю помощь, включая военную интервенцию империалистических держав. Однако антикоммунисты просчитались. Они недооценили интернациональную силу социалистического содружества и взаимную помощь социалистических стран в борьбе против реакции и контрреволюции. В решающий момент империалистические государства были вынуждены считаться с этим.

После поражения контрреволюции в Венгрии многие враги социализма уже скептически смотрели на американскую доктрину «освобождения». Стало очевидным, что враждебность, открытое давление и террор против стран социалистического содружества, включая расчеты на войну и балансирование на грани вооруженного конфликта, безрезультатны.

Империалистические подрывные центры вынуждены были изыскивать новые, более эффективные средства и методы своей деятельности.

В течение многих лет велись споры о дальнейшей стратегии и тактике антикоммунизма. Можно сказать, что они продолжаются по сей день. Постоянно сталкиваются и переплетаются две основные тенденции. Это — упор на грубую силу и использование более гибких, более осторожных, но в то же время весьма коварных методов. В первой тенденции основное внимание уделяется террору, давлению, преследованию, преданию анафеме и угрозам, во второй — делается ставка на внутреннее разложение, дезориентацию, коррупцию, ренегатство и предательство. История рабочего движения знает не только казни, тюрьмы, буржуазные суды, использование полиции против бастующих, запрещение прогрессивных организаций, концентрационные лагеря, гестапо, происки ФБР и ЦРУ. Она знает также оппортунистическое загнивание II Интернационала, троцкизм, желтые профсоюзы, национализм и ревизионизм самого различного толка. Но решающим для реакционных сил было и остается то, что в данных условиях обещает им большую надежду на успех.

В 50-х годах полемические споры об антикоммунистической доктрине отразились и на борьбе двух основных политических партий в США. Крупные провалы в антикоммунистической политике в первой половине 50-х годов пришлось на период правления республиканцев. Доктрина «освобождения» была выдвинута во время избирательной кампании 1952 г. республиканским кандидатом на президентский пост Д. Эйзенхауэром. Годом позднее Эйзенхауэр провозгласил ее официальной частью внешней политики США. Демократы, которые в то время находились в положении оппозиционной партии, выступали за более гибкую линию. Для внешней политики правительства демократов, пришедшего к власти в 1961 г., стал характерным некоторый сдвиг в отношениях с социалистическими странами.

На первый взгляд могло показаться, что американские республиканцы являются сторонниками оголтелого антикоммунизма, а демократы — более мягкого антикоммунистического курса.

Но здесь необходимо сделать прежде всего две оговорки. Факты не подтверждают, что при правлении демократов в 60-х годах происходило какое-то существенное отклонение от продолжения политики силы в отношении социалистических стран и прогрессивного движения. В 1961 г. реакционные империалистические силы США осуществили неудавшуюся попытку вооруженной интервенции против Кубы. Затем Соединенные Штаты развязали агрессивную войну во Вьетнаме. Последующие годы отмечены американским военным вмешательством на Ближнем Востоке и в Доминиканской Республике. Военный бюджет, аппарат Пентагона, равным образом как и разбросанная по всему миру сеть американских военных баз, шпионско-разведывательная служба США не только не сократились, а, напротив, в тот период еще более увеличились.

Антикоммунистические центры, поставленные на службу диверсии против социалистических стран, продолжали функционировать так же, как и раньше. Антикоммунизм не исчез, просто менялись его некоторые устаревшие методы. Считалось, что антикоммунизм отныне должен основываться на долгосрочном, продуманном, «научно» обоснованном плане.

Политика «сдерживания», проводимая в тот период демократами, по существу мало чем отличалась от политики «освобождения», авторами которой были республиканцы. Открытая враждебность к коммунизму и расчеты на третью мировую войну были свойственны реакционным силам обеих американских политических партий. Даллесовская политика отличалась лишь тем, что в начале президентства Д. Эйзенхауэра наблюдалось стремление превзойти демократических предшественников и любой ценой сломить сопротивление прогрессивных сил, как в международном, так и во внутреннем плане. События в ГДР (1953) и Венгрии (1956), равным образом как и разгул маккартизма внутри Соединенных Штатов Америки, были показателем того, что тот курс, который провозгласили в конце войны демократы во главе с Г. Трумэном, в дальнейшем достиг своего апогея.

Нет смысла искать, кто несет бóльшую ответственность за проведение этого курса американского империализма. Изменения в стратегии и тактике антикоммунизма в конце 50-х — начале 60-х годов были продиктованы не столько субъективными соображениями и решениями правящих кругов США и других капиталистических стран, сколько результатом изменения в соотношении сил в мировом масштабе между капитализмом и социализмом, между мировой реакцией и международным прогрессивным движением, между империализмом и растущим антиимпериалистическим фронтом в пользу сил мира, социализма, социального прогресса.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА «ТИХОЙ» КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Тот антикоммунистический курс империализма в отношении европейских социалистических стран, который стал проводиться в конце 50-х — начале 60-х годов, определял и характер идеологической диверсии против Чехословакии.

Внимательное изучение этой проблемы представляется по ряду причин чрезвычайно важным. И прежде всего потому, что антикоммунизм вступил в новый этап. В рамках антикоммунистического курса постепенно формировалась идейно-политическая платформа «тихой», «ползучей» контрреволюции, которая обнажила свое ядовитое жало в 1968 г. Кризисное развитие в Чехословакии нельзя понять без знания стратегии и тактики антикоммунистического курса, проводимого империалистическими кругами против стран социалистического содружества.

Провал попытки осуществить контрреволюционный переворот в Чехословакии в 1968 г. не означает, что антикоммунизм сдал свои позиции. И хотя на рубеже 60—70-х годов стратеги антикоммунизма подвергают критической переоценке свои доктрины и настойчиво ищут новые, более эффективные методы и средства их проведения в жизнь, основные принципы антикоммунизма в политике остались неизменными. Таким образом, современную концепцию идеологической диверсии против ЧССР нельзя понять без внимательного изучения прежних концепций и их принципов. Нынешние концепции являются

продолжением старых, но вместе с тем и определенной их модификацией. Эти изменения происходят непрерывно, и хотя внешне они выглядят весьма пестро, однако за этим калейдоскопом просматривается весьма продуманная система, которая определяет содержание, направление и формы идеологической диверсии.

Что составляет ее основу? Это, прежде всего, общая цель империалистических кругов и их подрывных центров по отношению к социалистическому содружеству. Иными словами — стремление ликвидировать социализм, осуществить контрреволюционный переворот в социалистических странах.

Существенные изменения в методах идеологической диверсии происходят прежде всего в рамках общей антикоммунистической стратегии империализма и в конечном счете зависят от изменений в соотношении сил между капитализмом и социализмом, между прогрессом и реакцией.

Не следует также забывать о тех «исследованиях», которые проводят империалистические подрывные центры. Из всего этого они делают свои классовые выводы.

Таким образом, при рассмотрении данной проблемы необходимо проследивать в диалектическом единстве как процесс действительного развития соотношения сил между социализмом и капитализмом, так и теоретическое отражение этого в буржуазной идеологии и в империалистических антикоммунистических планах. Это исследование затруднено тем, что антикоммунистические центры предпочитают не афишировать свои планы. Часто они прибегают к обманным маневрам, которые должны прикрыть совершенно иные соображения и действия.

Важной предпосылкой для изучения средств и методов идеологической диверсии является выяснение ее системы. Это ответственная и серьезная задача, которую можно решить только с помощью научного марксистско-ленинского подхода к данному явлению, изучения исторического опыта ряда социалистических стран.

В определении существа идеологической диверсии важную роль играют следующие факторы: стратегические цели, соотношение классовых политиче-

ских сил, на основе которого противник выбирает соответствующие методы и средства, и т. д.

Старые, изжившие себя средства и методы не дают желаемых результатов, именно поэтому идеологи антикоммунизма лихорадочно ищут новые.

Изменения в послевоенной стратегии и тактике антикоммунизма

Не только существо, но и причины изменения тактики империализма по отношению к социалистическим странам, происшедшие в 50-х годах, объясняются по-разному. Главной причиной напряженности между Западом и Востоком антикоммунистические идеологи объявляли так называемый «твердый курс сталинской политики», а вовсе не агрессивные устремления империализма.

Подобная аргументация находится в кричащем противоречии с очевидными историческими фактами. Широко известно — и на Западе не пытаются этого отрицать, — что как внутренняя, так и внешняя политика в Соединенных Штатах Америки ужесточается во второй половине 50-х годов. Именно провалы этого чрезвычайно агрессивного курса американских правящих кругов (и здесь важную роль сыграли активные действия сил мира и прогресса) привели к некоторым изменениям в стратегии и тактике империалистической внешней политики.

Международное развитие в первом послевоенном десятилетии отмечено рядом важных событий. Социалистическая система не только сформировалась как новая политическая сила, но и всесторонне окрепла. Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 гг. свидетельствовали о небывалом численном росте и об идейном укреплении и усилении мирового коммунистического движения.

Движение широких народных масс в поддержку борьбы Советского Союза и других социалистических стран за обеспечение мира приобрело особый размах. Экономическое развитие социалистических государств по своим темпам превзошло все ожидания и прогнозы западных экспертов.

Большой сдвиг произошел и в соотношении военных сил между Востоком и Западом. После окончания второй мировой войны империалисты возлагали надежды прежде всего на ослабление мощи Советского Союза, который понес колоссальный ущерб за годы Великой Отечественной войны, и монополию на атомное оружие. Несмотря на огромные материальные и человеческие потери в годы войны, советский народ под руководством Коммунистической партии сумел уже в 1948 г. превзойти довоенный объем промышленного производства. И не только залечить раны, нанесенные войной, но за короткое время свести на нет временное преимущество США в самой современной военной технике.

В 1949—1953 гг. Советский Союз провел успешные испытания атомной и водородной бомб. 27 августа 1957 г. ТАСС опубликовал сообщение об успешных испытаниях межконтинентальной ракеты, способной достичь любой цели на земном шаре. Вскоре — 4 октября того же года — Советский Союз запустил первый искусственный спутник Земли. В середине 50-х годов обороноспособность стран социалистического содружества была упрочена благодаря подписанию Варшавского Договора.

В те же годы капитализм сотрясали удары углубляющегося кризиса. Империалистические военные, экономические и политические коалиции, созданные после войны под гегемонией Соединенных Штатов Америки, оказались не такими жизнеспособными и надежными, как ожидали их авторы. Неравномерность развития империалистических стран обостряла противоречия между ними, США постепенно утрачивали свои позиции в Западной Европе. Непрочность военной коалиции империалистических государств наглядно проявилась уже в период войны в Корее. Тщетно пытались Соединенные Штаты Америки организовать совместный «поход» капиталистических стран во имя «отбрасывания коммунизма».

Глубокие изменения в политической, экономической и социальной системе империализма были обусловлены и развивающимся национально-освободительным движением, неуклонным распадом колониальной системы.

В течение первой половины 50-х годов империалисты неоднократно могли убедиться в том, что политика силы в отношении Советского Союза, социалистического содружества и всего прогрессивного движения не дает ожидаемых результатов. Потерпел провал ряд военных авантур империализма — война в Корее, англо-франко-израильская агрессия на Ближнем Востоке осенью 1956 г.

Не удалось разложить социалистические страны путем организации вооруженных диверсий и антигосударственных путчей. В этих условиях мировой реакции не оставалось ничего иного, как искать иные пути контрреволюционного проникновения. И то, что она решила делать главный упор на разложение социализма изнутри, отнюдь не следует рассматривать как проявление их уступчивости или «миролюбия». Единственной причиной были провалы их прежних попыток и доктрин.

Реальные изменения в соотношении сил, происходящие в мировом масштабе, получили отражение в субъективных планах и деятельности различных западных подрывных антикоммунистических центров не вдруг и не сразу. С середины 50-х годов постепенно применялись новые приемы в антикоммунистической деятельности. Ранее всего они стали заметны в антикоммунистической пропаганде. От огульного охаивания и грубых нападок она переходила к «выборочному» поруганию. Идеологическая диверсия ориентировалась на внутреннее разложение социалистического строя уже с 1956 г.

В целом западные страны, и прежде всего США, стали проводить более гибкую внешнюю политику в отношении социалистических стран лишь в 60—70-х годах, в эти годы они стали шире прибегать к контактам и переговорам. Так, например, новая политика ФРГ в отношении социалистических стран постепенно пробивала себе дорогу в 1961—1966 гг. Переход западногерманских правящих кругов к этой политике не был простым. Воинствующий характер западногерманского антикоммунизма, основанного на старых экспансионистских националистических традициях, имел крепкие корни. Канцлер Конрад Аденауэр и его сторонники рассчитывали на быстрое восстановление позиций западногерманского империа-

лизм. Но события в мире перечеркивали многие замыслы реакции. Важным рубежом было 13 августа 1961 г. В этот день ГДР, используя естественное для каждого суверенного государства право на защиту своих рубежей, установила строгий контроль на границах с Западным Берлином. Наиболее реакционные круги ФРГ тщетно пытались побудить США предпринять в ответ на это авантюристические военные действия. На деле оказалось, что реальное соотношение сил между социализмом и империализмом имеет больший вес, чем желания и планы западногерманских монополий и их боннского генералитета. Сложная обстановка вылилась в 1966 г. в серьезный кризис в ФРГ, который проявился как в отношениях с союзниками (особенно с США), так и во внутренней политике. Новые веяния получили, в конце концов, отражение и во внешней политике западногерманского правительства большой коалиции, состоявшей из ХДС/ХСС и СДПГ.

Несмотря на некоторые модификации новой концепции антикоммунизма, проводимой в 60-е годы разными империалистическими государствами и антикоммунистическими подрывными центрами, можно выделить следующие ее основные черты.

Эта концепция в отношении социалистических стран была прежде всего составной частью глобальной стратегии реакционных и империалистических сил. Антикоммунистическая деятельность капиталистического лагеря должна была взаимно координироваться, с тем чтобы направить к единой цели различного рода подрывные акции. Но придание глобального характера антикоммунистической концепции имело еще и другую, более серьезную причину. США стремились использовать антикоммунизм для укрепления своей слабеющей гегемонии в капиталистическом мире. С помощью координированных действий всего империалистического альянса они надеялись на успешное осуществление собственных планов. Это не означает, что в предыдущий период империалистические державы не проводили свои враждебные акции против социалистических стран совместно и согласованно. То, что теперь США делали главный упор на глобальный характер антикоммунистической деятельности, имело свои основания.

Это объясняется прежде всего опасением Соединенных Штатов, как бы неравномерность развития в мире капитализма и рост контактов между социалистическими и капиталистическими странами не поставили бы под угрозу совместную антикоммунистическую деятельность последних. Диктовать капиталистическим партнерам свою линию и заставлять проводить ее в жизнь было уже не так просто. Поэтому одной из отличительных черт политики США в 60-е годы стало стремление упрочить западную коалицию под американской гегемонией.

В отличие от прошлой, новая концепция антикоммунизма исходила из долговременного характера политики, направленной против социализма. Ее инициаторы теперь уже не ставили задачи, так сказать, единым махом восстановить капиталистический строй в странах социализма. Отныне предусматривалось осуществление ряда этапов, которые в конце концов должны были привести, по расчетам авторов этих авантюристических планов, к ликвидации социализма. Западные реакционные теоретики расчленили этот процесс на ступени: ограничения, ослабления и постепенной «эрозии» социалистического общественного строя. Осуществление контрреволюционных диверсий должно было также иметь несколько градаций, наращиваться по мере предполагаемого изменения соотношения сил в пользу империализма и в ущерб социализму. Такой образ действий был назван «градуализмом».

Существовали различные теории на этот счет. Но во всех вариантах просматривалась идея проведения двух этапов. На первом этапе предполагалось основательное ослабление социализма, с тем чтобы на втором этапе можно было его окончательно ликвидировать. В отличие от старых представлений, первый этап в новой концепции рассматривался скорее как самостоятельная долговременная фаза идейно-политического разложения социалистических стран.

Отсюда вытекали новые взаимосвязи между идеологической и военной сторонами антикоммунизма в Европе.

И ранее считались с обоими аспектами. Однако каждому из них отводилась тогда иная роль. Прежние представления Запада о подчиненной и вспомо-

гательной роли идеологического воздействия при обсуждении в американском сенате проекта закона о так называемой «взаимной безопасности» (1951 г.) выразили словами «отбивание бифштексов». Затем их часто повторяли. В основу психологической войны был положен опыт деятельности специальных пропагандистских формирований американской армии в годы второй мировой войны. Первоначально она имела задачей морально разлагать противника и ослаблять его боеспособность.

В таком виде эта концепция теперь уже не считалась удовлетворительной. Идеологическая диверсия на первом этапе нового антикоммунистического стратегического плана имела более ответственные задачи. Как средству политического и морального разложения социалистических стран, ей отводилась решающая роль. Кроме того, явный упор на идеологическую диверсию должен был служить камуфляжем военных мероприятий. Запад пытался создать впечатление, что он не изменил своих планов, а лишь поменял формы — перешел от ставки на оружие к ставке на идеологию.

Именно на эту сторону «новой линии» отношений между Западом и Востоком делает сильный акцент буржуазная пресса с начала 60-х годов, что подчас не совсем правильно воспринимается. Представление, что современный империализм усиленным подчеркиванием значения идеологической диверсии якобы ограничивает тем самым роль насильственных и чисто военных средств в своей антикоммунистической деятельности, является упрощением, не имеющим ничего общего с действительностью.

Нет фактов, которые подтверждали бы такое представление. И в 60-х годах кривая военных расходов в бюджетах империалистических государств по-прежнему росла вверх. Военные интервенции Соединенных Штатов и стремление добиться монополии в самых современных, самых совершенных и дорогостоящих военно-технических средствах ведут к постоянному росту военного бюджета США и других стран НАТО. С 1956 г. создается западногерманский бундесвер. Империалисты прибегают к военной силе повсюду, где они надеются добиться этим успеха. Однако на Западе стремятся — в духе новой концеп-

ции — поднимать по возможности меньше шума вокруг своих военных приготовлений. А между тем военные штабы Североатлантического пакта играют все большую роль и в разработке концепции идеологической диверсии, ее направленности.

Упор на идеологическую диверсию был вызван отнюдь не «миролюбием» или гуманизмом правящих кругов Запада. Теперь уже не является секретом то обстоятельство, что во многих ключевых органах антикоммунистической пропаганды руководящую роль играют разведывательно-шпионские службы.

Западная пропаганда и официальные лица на протяжении двух десятков лет отрицали тот несомненный факт, что «Свободная Европа» финансируется и управляется центральной разведывательной службой США — ЦРУ. Этот факт был открыто признан в американском конгрессе только в 1971 г.

Ставшие известными материалы американских антикоммунистических центров позволяют выявить некоторые принципы и формы руководства «Свободной Европой» со стороны ЦРУ. Вкратце суть их такова. Служащие «Свободной Европы» следуют линии, разработанной в Вашингтоне. Она обязательна для всех. Встречи представителей ЦРУ и «Свободной Европы» периодически проводятся в Вашингтоне на высшем уровне. Центры «Свободной Европы» в Мюнхене и Нью-Йорке разрабатывают стратегию и важнейшие директивы, которые выносятся на одобрение ЦРУ. Кроме того, ЦРУ прямо набирает своих агентов из персонала «Свободной Европы». Информационная сеть и документация «Свободной Европы» являются составной частью организации ЦРУ.

Постепенно главной целью идейно-политического воздействия антикоммунистических центров стало разложение изнутри революционных, антиимпериалистических сил, внесение в их среду недоверия, парализация единства их действий и подготовка таким образом условий для последующего раскола прогрессивного движения, для контрреволюционных переворотов в социалистических странах. Подрывные усилия были направлены: во-первых, на расшатывание единства антиимпериалистических сил в широком демократическом, национально-освободительном движении и движении в защиту мира прежде всего

путем попыток подрыва ведущей роли и влияния коммунистических партий; во-вторых, на раздувание в отношениях между социалистическими странами всего того, что, по мысли руководителей этих центров, должно мешать единству этих стран, ослаблять их отношения с СССР, в-третьих, на разложение коммунистических партий социалистических стран, прежде всего в идейно-политическом плане.

Эта антикоммунистическая деятельность должна была парализовать влияние социалистической идеологии и тем самым расчищать путь для свободного проникновения и воздействия буржуазной идеологии на рабочее движение, коммунистические партии и социалистические страны.

В новой империалистической концепции по-иному выглядела взаимосвязь внешней и внутренней форм воздействия на социалистические страны, коммунистические партии и всех инакомыслящих.

В предыдущие годы реакционные силы в мире, и прежде всего в Соединенных Штатах, считали своими противниками всех тех, кто в любой форме критикует капитализм. В конце 40-х — начале 50-х годов все это квалифицировалось в США как антиамериканская и коммунистическая деятельность. Более того, некоторые антикоммунистические центры не делали существенного различия между коммунистами, социал-демократами, троцкистами и даже пацифистами и либералами¹ — словом, валили всех в один мешок.

Со второй половины 50-х годов подрывные центры стремятся более дифференцированно подходить к использованию различных форм подрывной деятельности и делают главный упор на то, чтобы подорвать изнутри прогрессивные силы и коммунистические партии.

Чтобы более эффективно воздействовать на внутренние процессы, происходящие в прогрессивном

¹ Когда в июле 1953 г. в Венгрии новый глава правительства Имре Надь, впоследствии открытый предатель венгерского народа и социализма, начал осуществлять свою подрывную «либеральную программу», западная пропаганда твердила, что речь идет о коммунистическом обмане и что между Надем и остальными коммунистами нет никакого существенного различия.

движении и в социалистических странах, империалисты Запада стремятся использовать в своей идейно-политической платформе сохранившиеся в этих странах и движениях буржуазные пережитки и мелкобуржуазные взгляды. Меньше стало открытых и оголтело враждебных выпадов против социализма, более сдержанно идеализировался западный образ жизни. Антикоммунистическая пропаганда не была уже столь схематичной и примитивной, как ранее. Ставилась задача создать впечатление, что речь идет о непредвзятой, объективной, чуть ли не научной оценке хорошего и плохого, преимуществ и недостатков обеих социально-экономических систем. Вместе с тем изменился и метод ведения пропаганды.

Новая буржуазная идеологическая концепция предусматривала установление контактов с представителями оппозиционно настроенных реакционных элементов в социалистических странах. Особо подчеркивались национальные особенности и специфические традиции отдельных наций. При этом предвзято освещались те периоды в истории, когда между отдельными странами возникали какие-либо конфликты. Всяческая поддержка оказывалась всё-тому тому, что вело к партикуляризму в любом проявлении, к ослаблению государственной власти и пренебрежению общими интересами социалистических стран.

Буржуазная пропаганда, направленная против социалистического содружества и прогрессивного движения, теперь стремилась избегать огульных нападок на социализм, как таковой, и все чаще создавала видимость более терпимого подхода к общей идее социализма, хотя и с некоторыми оговорками. Прикрываясь этой своеобразной ширмой, буржуазная пропаганда и впредь направляла главный удар против основных принципов революционной теории и практики: против марксистско-ленинского мировоззрения и авторитета марксистско-ленинской теории вообще; против принципов пролетарского интернационализма; против Советского Союза как ведущей силы коммунистического и рабочего движения; против ведущей роли рабочего класса и марксистско-ленинской революционной партии в борьбе за торжество социализма; против диктатуры пролетариата; про-

тив общественной собственности на средства производства и против общенародного социалистического хозяйствования; против марксистско-ленинских принципов строительства коммунистических партий, прежде всего против основных принципов их идейного и организационного единства.

Новая концепция антикоммунизма получила свое отражение и во внешнеполитической ориентации Соединенных Штатов Америки. В 1964 г. президент Джонсон провозгласил так называемую доктрину «наведения мостов»¹. В отношении социалистических стран это означало усиление дифференцированного подхода, маскировку враждебности мелкими тактическими уступками и, не в последнюю очередь, создание более благоприятных условий для подрывного идейно-политического проникновения. Американский сенатор Д. Фулбрайт в 1966 г. писал: «Наведение экономических и культурных мостов может проложить путь к повторному объединению Европы. Как только обеим сторонам станет ясно, что торговать безопасно и выгодно, идеологические преграды начнут распадаться. Как только идеологические преграды уступят место дружеским отношениям, основанным на общих интересах, как только жителям Восточной Европы будет ясно, что Федеративная Республика Германии является упорядоченным, достойным уважения, миролюбивым государством, можно будет также ожидать, что рухнут основы восточногерманского государства»².

Отныне антикоммунизм в небывалой ранее степени включает в свой механизм общественные нау-

¹ См. Е. Д. Модржинская. Доктрина «наведения мостов». Прага, 1970.

² Об исходной политической концепции автора говорит характеристика, которую Фулбрайт дает периоду истории после первой мировой войны: «...более чем пятьдесят лет назад потерпел крах весь мир — мир хотя и несовершенный, но цивилизованный и здоровый, в котором были порядок, преемственность и безопасность. Когда он обанкротился, настало время насилия, кризиса и революции, которое до сих пор не кончилось. Впервые после окончания второй мировой войны мы, вероятно, приближаемся к рубежу, с которого можно будет увидеть очертания нового европейского порядка, который заменит систему, так неосмотрительно уничтоженную пятьдесят лет назад».

ки. Прежде «исследования» ориентировались главным образом на проблемы военного и разведывательно-экономического характера. Общие вопросы коммунистической теории и практики принимались во внимание лишь с учетом задач подрывной деятельности. Теперь к этому было добавлено качественно новое и значительно повышенное требование — анализировать процессы развития международного коммунистического движения, изучать его теорию и сосредоточить особое внимание на социалистических странах с целью сбора материалов, позволяющих антикоммунистическим кругам выбирать наиболее эффективные подрывные меры.

Многие антикоммунистические подрывные центры были созданы вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. Так, например, Гуверовский институт войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Каролине был основан в 1919 г. с целью «разоблачать зло учения Карла Маркса». Многие годы работал в институте бывший глава временного правительства России А. Ф. Керенский. Западногерманские, так называемые «восточные институты» возникли позднее, но и они имели давние традиции, связанные со стремлениями германского империализма осуществить политику «дранг нах остен». К антикоммунистическим подрывным центрам примыкали вспомогательные исследовательские учреждения полупропагандистского, полушпионского характера, типа исследовательско-аналитического отдела «Свободной Европы».

Однако старые центры и организации не отвечали возросшим требованиям, и поэтому в течение 60-х годов почти во всех западных капиталистических странах были созданы десятки крупных и сотни мелких институтов и центров для «исследования» вопросов коммунизма, положения России, Советского Союза, «изучения» стран Восточной Европы, возникали различные учреждения по вопросам «марксологии», «кремленологии» и «советологии» и т. п. Наиболее известными среди них являются: «Институт по делам коммунизма», который был основан в 1961 г. при Колумбийском университете в Нью-Йорке; институт Гудзона, основанный в том же году (его директор — известный антикоммунистический идео-

лог Герман Кан); «Рэнд корпорейшн» в Калифорнии, который занимается военно-техническим и военно-стратегическим планированием, но разрабатывает также концепцию ведения психологической войны, и др.

«Исследования» коммунизма и положения в социалистических странах ведутся ими якобы на научной основе. Учитываются социально-психологические, социологические, экономические, философские аспекты, используются статистические данные и кибернетические методы.

В последние годы все эти центры издали множество самых различных книг и брошюр. Западный книжный рынок наводнен антикоммунистической литературой, далекой, разумеется, по своему содержанию от подлинных научных исследований, но главной целью антикоммунистических учреждений является, конечно, не издательская деятельность. Они предоставляют свои выводы и предложения антикоммунистическим руководящим центрам, а многие из них оказывают прямое влияние на формирование концепций империалистической государственной политики.

Представители этих так называемых «научно-исследовательских центров» играют значительную роль советников американского государственного департамента и непосредственно президента США. Приведем только три наиболее известных имени. К влиятельным советникам президента Кеннеди принадлежал профессор Массачусетского университета, специалист по вопросам экономики У. У. Ростоу, автор «Некоммунистического манифеста». С 1961 г. у того же президента работал в качестве советника по вопросам внешней политики профессор Збигнев Бжезинский — директор «Института по делам коммунизма» при Колумбийском университете в Нью-Йорке. При президенте Джонсоне Бжезинский был членом Совета политического планирования государственного департамента и участвовал в разработке концепции внешней политики США. Главным советником президента Никсона по вопросам национальной безопасности стал профессор политических наук Гарвардского университета Генри Киссинджер.

Наука, поставленная на службу антикоммунизму, не может помогать познанию объективных закономерностей общественного развития. Ее главное назначение — поиск любых противоречий внутри социализма, новых путей и средств, помогающих совершенствовать методы подрывной деятельности реакции. Из того, какую роль отводит отныне антикоммунизм идейному разложению изнутри сил социализма и прогресса, вытекает и изменение его отношения к центробежным тенденциям в этом движении. На первый план выдвигается прежде всего использование правых социалистов и ревизионистов разных мастей.

Изменение роли социал-демократии в капиталистических странах в послевоенный период вызвано рядом общих причин, и вместе с тем в каждой отдельной стране оно модифицируется в зависимости от специфических условий. Это изменение — прежде всего результат развития демократического движения и роста сопротивления масс политике и идеологии буржуазии. Общественность во многих западных странах видит в социал-демократии более прогрессивную альтернативу буржуазным политическим партиям.

Влияние социал-демократии вместе с тем свидетельствует о распространении реформистских иллюзий в связи с некоторым улучшением жизненного уровня небольшой части трудящихся в ряде развитых капиталистических стран. Социал-демократическая платформа «демократического социализма» является компромиссом между критикой современного империализма и буржуазным антикоммунизмом. Это — наиболее распространенный вариант «третьего пути», который традиционно привлекает неустойчивые средние слои и оппозиционно настроенную часть буржуазной интеллигенции.

Некоторые социал-демократические партии, находящиеся у власти в европейских капиталистических странах, завоевали поддержку общественности благодаря проведению политики нормализации отношений с социалистическими странами.

Ряд социал-демократических партий завоевывает также хотя бы временно — как правило, во время выборов — поддержку со стороны разных экстре-

мистских «левых» радикальных групп. В отношении их иногда ведется двойная политическая игра: пока требуется массовая поддержка, подчеркивается принцип «мировоззренческого нейтралитета» и к ним проявляется терпимость; когда же положение стабилизируется и нужно нести ответственность за деятельность этих групп, от них отмежевываются.

Между отдельными социал-демократическими партиями имеются и существенные политические и идейные различия. Они проявляются и внутри Социалистического интернационала и между различными течениями в одной и той же партии. Традиционное деление на правых и левых уже не выражает всей сложности положения.

Нельзя упускать из виду и то, что социал-демократический реформизм зачастую является для буржуазии желанным средством, которое помогает ей бороться с антиимпериалистическими выступлениями народных масс. Когда экономическая и социальная система капитализма переживает особые трудности, буржуазия совсем не против того, что социал-демократы выигрывают выборы и приходят к власти. В подобном случае она не несет прямой ответственности за непопулярные меры, а это облегчает социальную демагогию.

В. И. Ленин многократно характеризовал социал-реформизм как агентуру буржуазии в рабочем движении. Современные правые круги социал-демократических партий отвергают уже не отдельные стороны марксизма, а научное марксистско-ленинское мировоззрение и научный социализм в целом. Характерным в этом отношении является, например, съезд западногерманской СДПГ в Бад-Годесберге в 1959 г. Западногерманская социал-демократия, которая открыто отреклась от марксизма, представляет в Социалистическом интернационале.

Многие социал-демократические партии в настоящее время являются удобным орудием для проведения антикоммунистической пропаганды в духе квазисоциализма и лжегуманизма и прежде всего в духе антисоветизма. Не случайно был выдвинут лозунг «демократического социализма». Им прикрывались, проводя политику «внутренней эрозии» в отношении

стран социалистического содружества. В «демократическом социализме» хотят видеть альтернативу марксистско-ленинскому учению о социализме. Чем более устаревает и дискредитирует себя платформа «демократического социализма», а она в принципе тождественна с концепцией Бернштейна и Каутского, тем больше она нуждается в некоей модернизации, обновлении и «прогрессивности». «Речь идет по сути о конгломерате социал-демократических, ренегатских и троцкистских взглядов и представлений об общественном строе, который на практике нигде и никогда в мире не существовал и не существует»¹.

Идейная платформа правых социалистов тесно связана с ревизионизмом. Буржуазная идеология, правые социалисты и ревизионизм совместно ведут ожесточенные нападки на марксизм-ленинизм и революционное рабочее движение. Если правые социалисты стремятся вносить буржуазную идеологию и политику классовых компромиссов в рабочее и демократическое движение, то ревизионизм ориентируется главным образом на внутреннее разложение коммунистических партий. Ревизионизм формально заявляет о своей поддержке марксизма, но на деле подвергает его существенной ревизии с буржуазных и мелкобуржуазных позиций. Свои взгляды он выдает за единственно научное изложение и понимание марксизма, а подлинный марксизм-ленинизм считает консерватизмом, догматизмом. Так называемая «идейная основа ревизионизма», так же как и его классовая база, по существу, сходна с социал-реформизмом. Это — размывание революционной научной теории рабочего движения и прогрессивного развития путем привнесения буржуазной идеологии и подчинения рабочего движения стихийным мелкобуржуазным тенденциям.

С половины 50-х годов буржуазные пропаганда и средства массовой информации все более значительное внимание уделяют ревизионизму. Сначала на первый план выдвигался правый ревизионизм, который вносится в коммунистическое движение с помощью модных буржуазных теорий и правосоциа-

¹ «Антикоммунизм и идеологическая борьба». Прага, 1972, стр. 113.

листических концепций. Позже антикоммунистическая пропаганда все большее место отводит «левому» ревизионизму, в котором преобладают псевдорадикальные и анархистские тенденции.

Общими чертами как правого, так и «левого» ревизионизма является отход от научной теории марксизма-ленинизма, отрицание исторического опыта Советского Союза и других социалистических стран, воинствующий антисоветизм, подрыв организованности, идейного единства и единства действия в революционном рабочем движении, игра на националистических чувствах, противопоставление национальных интересов интересам интернациональным.

Новый этап идеологической диверсии против Чехословакии

Новый курс антикоммунистической политики против социалистических стран заставил изменить весьма основательно и методы идеологической диверсии против Чехословакии. На первый взгляд могло показаться, что подрывная деятельность империалистических центров смягчилась. Прекратилась кампания «листовок», реже стали грубые нападки. Однако аппарат идеологического воздействия не только не сократился, но, напротив, возрастал как количественно, так и особенно в смысле использования более продуманных и утонченных форм.

Новый курс проявился прежде всего в действиях главного орудия идеологической диверсии против Чехословакии — провокационных передачах радиостанции «Свободная Европа». Это отвечало общим изменениям в ориентации антикоммунистической концепции¹.

Открыто враждебная пропаганда, призывы к террору и мятежу против социалистического строя чехословацкой редакции «Свободная Европа» смени-

¹ Польский автор Януш Кольчинский в книге «Свободная Европа» подверг обстоятельному анализу антикоммунистическую деятельность этого органа с момента его возникновения до конца 60-х годов. Особое внимание он уделяет именно изменению функций и направленности «Свободной Европы» во второй половине 60-х годов.

лись «критической оппозицией». Она призывает все не к политическому перевороту и ликвидации социализма, а лишь к «исправлению ошибок и недостатков», к «совершенствованию» положения в стране.

В передачах подвергаются теперь нападкам и критике лишь отдельные мероприятия коммунистической партии, государственных и общественных органов, берутся под обстрел отдельные политические деятели, осуждаются отдельные стороны внешней политики и внешней торговли Чехословакии, особенно когда речь идет об отношениях с социалистическими странами, и в первую очередь с Советским Союзом. Наблюдается стремление по возможности избегать критики общих принципов социализма, равным образом как и общего курса внутренней и внешней политики страны. Враждебная пропаганда ведет теперь не фронтальную атаку, а косвенную, затрагивая отдельные вопросы. Критика и оговорки, касающиеся конкретных фактов, даются вперемежку со словесным признанием некоторых общих постулатов. Одним словом, эта пропаганда пытается проложить себе путь и к сознанию тех трудящихся, которые осуждают открытые нападки на социализм и политику партии. Однако постепенно, исподволь, антикоммунистическая и ревизионистская пропаганда пытается отрицать основополагающие принципы социализма, хотя все это маскируется псевдосоциалистической фразеологией.

Таким образом, возникает кажущееся противоречие между содержанием и формой антисоциалистической пропаганды. Но ее сутью и содержанием остаются нападки на социализм и такие его марксистско-ленинские принципы, как власть рабочего класса, общественная собственность на средства производства, интернациональное единство и социалистическая интеграция. Те, кто в 60-х годах в ЧССР отошел от этих принципов, нашли поддержку со стороны западных антикоммунистических сил.

Передачи радиостанции «Свободная Европа» становятся более дифференцированными, ориентирующимися на различные слои чехословацкого общества. Они нацеливаются прежде всего на определенные слои интеллигенции, с расчетом на их

склонность к либерализму. Такая либеральная интеллигенция вне партии и внутри партии должна, по расчетам «Свободной Европы», стать источником политической неуверенности, постепенного ослабления и подрыва социалистических принципов Чехословакии.

Значительное внимание стало уделяться также воздействию на кооперированное крестьянство. Западные антикоммунистические центры полагают, что большая часть земледельцев не примирилась с кооперативным способом хозяйствования и мечтает о возвращении частной собственности. Кооперированное крестьянство, по их расчетам, является потенциально наиболее уязвимой частью чехословацкого общества. Если либеральной интеллигенции отводилась роль «бикфордова шнура», то крестьянству в планах западных подрывных центров отводится роль «бочки с порохом», которая в подходящий момент должна взорвать социалистическую систему.

Особое внимание уделяет западная пропаганда верующим. Она предполагает, что таким образом можно более широко воздействовать и на сельское население.

Нападки на теорию марксизма-ленинизма и практику социализма не ограничиваются только лишь политическими сообщениями, комментариями и заметками. Все большее место отводится аполитичным передачам и сообщениям о «привлекательных» сторонах жизни в западных странах, тенденциозной информации о технике, спорте, искусстве, модах и т. п.

Приемы косвенного идеологического воздействия особенно применяются в передачах «Свободной Европы», предназначенных для молодежи. В одной из американских инструкций говорилось: «На радиостанции «Свободная Европа» высказывались примерно такие соображения: было бы лучше, если бы 19-летние венгры или поляки слушали спокойные, серьезные политические комментарии 55-летнего эмигранта. Пусть они слушают в них хоть что-нибудь, чем не слушают вообще ничего. На помощь пришла музыка... Новая музыка, которую предложил Элвис Пресли, своей кульминации достигла у битлзов, Роллинг Стоунс и других групп, явилась сначала успехом

по многим мотивам... Вероятно, наиболее характерной чертой новой музыки было то, что она выразила отчуждение молодежи. Ни одна группа в передачах «Свободной Европы» не пела песни протеста против жизни при коммунизме. Однако многие из песен звучали как протест против мира, который молодые люди получили в наследство на Западе и Востоке. Они не должны были выражать протест против государственных органов или партийных работников. Мишенью был мир взрослых».

С этой целью «Свободная Европа» в своих ежедневных передачах, за исключением воскресных дней, ввела трехчасовое прослушивание битлмузыки, которое было предназначено в основном для молодежи в возрасте от десяти до двадцати лет. Отфильтрованные политические сообщения перемежались привлекательными передачами о западных музыкантах, певцах и кинозвездах, туризме и новых фильмах, о спортивных автомобилях и западной технике.

«Свободная Европа» перестала ориентироваться только на противников социализма и всячески стремилась расширить круг своих слушателей. Далеко не последнее место в ее передачах занимала оперативная информация.

Антикоммунистическая пропаганда была теперь нацелена в первую очередь на «лояльного гражданина», на человека, который не является противником политического строя в стране. Она уже не призывает и не подталкивает его к бунту, к организации нелегальных групп, к саботажу и террору против партийно-государственных работников. Вместо этого она пытается осторожно и незаметно внести в его сознание сомнения, культивировать сохранившиеся пережитки прежнего буржуазного мышления, воздействовать на эмоции, поддерживать и пропагандировать идеи правого оппортунизма и ревизионизма — и все это под предлогом заботы об «усовершенствовании» социализма.

Для нового этапа идеологической диверсии против Чехословакии характерна позиция эмигрантского журнала «Сведецтви». Его начали издавать в Нью-Йорке в конце 1956 г., позже главная редакция была перемещена в Париж. Послефевральский эмигрант

Павел Тигрид стал основателем и главным редактором журнала. «Сведетви» финансируется американским комитетом «Свободная Европа». За ним стоит американская разведывательная служба — ЦРУ. Из редакции «Сведетви» было по существу создано антикоммунистическое агентство, которое оказывало большое влияние на общую направленность подрывной работы против ЧССР.

Журнал «Сведетви» с самого начала ориентировался на «эрозию социализма», на постепенное завоевывание либеральных и колеблющихся элементов, особенно из рядов чехословацкой интеллигенции.

Он всячески пропагандировал «возрожденный» социализм, «национальный» коммунизм и «новый» капитализм. «Возрождение» социализма, согласно планам идейных вдохновителей издания, должно было происходить в двух направлениях — демократическом и национальном. Измышления о политических процессах 50-х годов в ЧССР были с самого начала главной темой, с помощью которой журнал стремился дискредитировать коммунистическую партию, ее политику, ее представителей. В качестве позитивных образцов для процесса «демократизации» предлагаются некоторые стороны политической системы Запада и домюнхенской буржуазной республики. Кроме того, почти в каждом номере «Сведетви» пропагандируется система самоуправления на предприятиях. Система самоуправления в интерпретации журнала выдвигается как альтернатива руководящей роли коммунистической партии.

Национальные проблемы «возрожденного» социализма строились в трех аспектах. Во-первых, так называемый «чешский вопрос», то есть по существу резкое противопоставление чешской национальной специфики принципам социалистического интернационализма, общим принципам строительства социализма и особенно принципам сотрудничества и единства с Советским Союзом. Во-вторых, положение Словакии. Касаясь этого, журнал стремился использовать имевшую место непоследовательность в решении национальных проблем в 60-х годах и связать оправданные требования словацких трудящихся, словацких коммунистов с реакционными тенденциями буржуазного национализма и сепаратизма. Треть-

им вопросом, который дополняет и объединяет оба предыдущие, является вопрос о так называемой «европейской федерации». Его суть в том, что в духе буржуазных идей об «интегрированной Европе» Чехословакия должна бы стать составной частью многонациональной федерации — своеобразной наследницей Австро-Венгрии, но восстановленной в более широком масштабе; при этом сознательно игнорируется антагонистическое противоречие между капиталистическим и социалистическим строем. Пропагандируемые подобные нереальные идеи являются не чем иным, как попыткой создать буржуазную космополитическую альтернативу социалистическому патриотизму и пролетарскому интернационализму.

В экономических заметках «Сведецтви» всячески преувеличивались чехословацкие экономические трудности 60-х годов. Они изображались как фатальный кризис социалистической экономики, и в качестве единственно возможного выхода выдвигался отказ от экономических принципов социализма. Подчеркивался доместицизм, то есть приоритет узко понимаемых национальных интересов и противопоставление их социалистическому международному сотрудничеству, а также партикуляризм в руководстве экономической жизнью страны. Рабочие советы должны были стать сепаратистскими органами управления хозяйством отдельных предприятий.

Журнал «Сведецтви» публиковал не только собственные статьи. Сознательным, целеустремленным отбором и публикацией самых различных материалов из других западных изданий он стремился поддерживать все то, что отвечало его идейно-политической подрывной платформе.

Примечательно, что Тигрид — представитель дофевральского реакционного политического клерикализма — создал в «Сведецтви» альянс с правыми деятелями бывшей чехословацкой социал-демократии. Официальным издателем «Сведецтви» был сначала в Нью-Йорке д-р Йиржи Горак, бывший молодежный функционер социал-демократии. Позднее к нему присоединился в качестве издателя д-р Радомир Лужа, в прошлом заместитель председателя центральной комиссии организации социал-демократической молодежи, а после бегства на Запад — член комитета

Социалистической унии молодежи и других правосоциалистических организаций. Заведующим венским филиалом редакции «Сведецтви» сначала был Йозеф Йонаш, также бывший деятель организации социал-демократической молодежи. После эмиграции он обосновался в Вене, стал функционером австрийской социалистической партии и в течение ряда лет подвизался в Социалистическом интернационале молодежи. Несколько социал-демократов было представлено также в редакционном совете «Сведецтви». Роль правых социал-демократов в этом журнале связана с их программой «возрождения» социализма, основанной на традиционной социал-реформистской концепции «демократического социализма».

«Сведецтви» уделял исключительное внимание пропаганде ревизионизма. В журнале систематически публиковались статьи на такие темы, как «марксизм и предпосылки современного мышления», «кризис марксизма», «демократическая оппозиция в коммунистических партиях», «перспективы ревизионизма», «призрак ревизионизма», «ревизионизм в исторической перспективе», «ревизионизм вчера и сегодня» и т. д.

В книге «Маркс на Градчанах», впервые опубликованной в журнале, П. Тигрид писал: «В течение последних лет в мире и у нас, видимо, выявилось, что единственная реальная политическая надежда чехословацкого народа на более терпимую, достойную, свободную жизнь состоит в либерализации внутри КПЧ, в изменениях в ее руководстве и ее ключевых организациях. Непосредственное будущее чехословацкого народа тесно связано с тем, удастся ли ревизионистским силам проникнуть глубже и шире в органы партии, массовые организации, профсоюзные и молодежные союзы и в конце концов в самый оплот власти в государстве, в руководство КПЧ... Каждый пост в руках ревизионистов — это еще одно оружие в борьбе за исправление, еще один опорный пункт на до сих пор девственной и не исследованной почве собственного, национального и социалистического деяния».

На страницах «Сведецтви» публиковались не только статьи Милована Джиласа, Лешка Колаковско-го, но все большее место занимали отрывки из статей

Ивана Свитака, Ярослава Клофача, Ота Шика и им подобных. Например, «Свидетства» в 22-м номере за 1963 г. выразил признательность Эдуарду Гольдштюккеру и Иво Флейшманну как «выдающимся знаменитостям творчества Кафки», в 23-м номере за 1964 г. журнал воздал хвалу статье Зденека Млынаржа, опубликованной в «Литерарных новинах», и т. д. Западные антикоммунистические центры пытались таким образом привить собственные моральные и политические взгляды нашей интеллигенции, одних хвалить, других критиковать, а вместе с тем сеять взаимное недоверие и нарачивать идеологическое давление.

Это особенно проявилось в отношении чехословацкой творческой интеллигенции. «Свидетства» присоединился к общим усилиям Запада навязать чехословацкому творческому фронту буржуазные идеологические и эстетические критерии. На страницах журнала перепечатывались отрывки и публиковались похвальные рецензии на писания Йозефа Шкворецкого, Арношта Люстига, Милана Кундеры, Ладислава Мнячки, Павла Когоута и других. Одновременно с этим чернилось позитивное социалистическое художественное творчество. Отдельные произведения подвергались «критическому» разбору, в котором принижалось все, что было социалистическим и реалистическим. Напротив, нигилизм и тенденция к художественному и мировоззренческому иррационализму всячески и необоснованно превозносились.

Просто поразительно, сколько здесь использовалось перелицованных взглядов и точек зрения, которые постепенно проникали в художественную критику Чехословакии тех лет и становились ее нормой. Речь шла не только об общих идейно-эстетических подходах, но во многом и о выборе объектов для нападок и осмеяния. Например, уже в 1963 г. «Свидетства» начал атаку на так называемую «фучиковскую легенду». В последующие годы некоторые из чехословацкой творческой интеллигенции предали забвению революционные традиции и литературные заветы Юлиуса Фучика, а затем избрали их объектом своих нападок. «Литерарны новины» зашли так далеко, что поставили провокационный вопрос: не является ли

фальсификацией «Репортаж с петлей на шее» — книга, которая из всего чехословацкого литературного творчества получила наибольшее признание во всем мире? Ревизионисты, таким образом, подключились к мировому фронту крайней реакции, которая тщетно пытается притупить и ослабить влияние Ю. Фучика. Его произведение убедительно свидетельствует о моральной силе коммуниста и грозно обвиняет не только гитлеровский фашизм, но и империализм вообще.

Примерно четыре десятка номеров журнала «Сведецтви», которые вышли с середины 50-х годов до 1968 г., отражают идейный арсенал, использованный для развития впоследствии платформы «пражской весны».

Было бы, однако, ошибкой переоценивать влияние журнала «Сведецтви» и приписывать Тигриду и его окружению в большей мере, чем они заслуживают, авторские права и оригинальность идей. В принципе это было не что иное, как разработка применительно к чехословацкой специфике общей линии антикоммунизма, которая в то время формировалась на Западе. «Сведецтви» в этом отношении по существу ничем не отличался от чехословацкой редакции «Свободной Европы», от эмигрантского журнала «Виденьске свободны листы», который издавал руководитель венского филиала «Сведецтви», правый социал-демократ Йозеф Йонаш, от американских еженедельников «Америцке листы» и «Ньюйоркски денник», которые контролирует американский центр «Свободной Европы», от «Гласа домова» в Австралии и «Нового домова» в Канаде, которые связаны с этими еженедельниками сильными узами и перепечатывают их статьи и комментарии, и т. д. Речь идет не о случайном сходстве взглядов, а о влиянии единого руководства, осуществляемого через американские антикоммунистические центры.

Идеологическая диверсия, которую в то время проводили против Чехословакии, по своему содержанию была сознательной комбинацией западной антикоммунистической пропаганды и либеральных взглядов правых оппозиционеров внутри страны. Как «Свободная Европа», так и журнал «Сведецтви» все больше и больше использовали в своих целях любые

спорные вопросы и критические высказывания, они сопровождали их своими комментариями, тенденциозно искажали, поддерживали и развивали одни взгляды и принижали другие. При этом стремились создать впечатление, что во всех их акциях отсутствует какая-либо предвзятость и тенденциозность, что лишь всеобщие гуманные и культурные интересы побуждают их к этому.

Контрреволюционная антисоциалистическая и ревизионистская платформа в ЧССР не возникла лишь путем компиляции и восприятия западной антикоммунистической идеологии. Ее представители (а их реакция на конкретную ситуацию в ЧССР с каждым днем все усиливалась) сознательно или бессознательно помогали конкретизировать, уточнять и актуализировать общую диверсионную платформу. Так, в течение ряда лет формировались взаимосвязи поддержки международной реакции и внутренних колеблющихся элементов, которые все более явно становились орудием идеологической и политической диверсии.

Особую роль в своих планах западные антикоммунистические центры отводили развитию научных и культурных связей. В документе внешнеполитической комиссии сената США, названном «Идеология и внешняя политика», говорится: «США должны стремиться развивать широкие контакты с интеллигенцией в странах социалистического лагеря и с политиками среднего и высшего уровня с целью усиления влияния на их идеологические убеждения». Главная роль в реализации этой части доктрины «наведения мостов» принадлежала комитету по делам просвещения и культуры государственного департамента США, созданному в 1960 г.

Задачи, которые ставили антиимпериалистические центры при установлении контактов, были различными. Самым важным было получение научных и технических сведений и информации о секретных исследованиях, прежде всего стратегического характера. Что касается некоторых чехословацких ученых и деятелей культуры, то особенно важным было поддержать их симпатии к Западу, связать их мелкими обязательствами и добиться личного дружеского отношения к зарубежным коллегам, окутать их тонкой

психологической сетью, которая шаг за шагом становилась бы этих людей с идеологических позиций марксизма-ленинизма, навязывала бы им негативное отношение к социализму. Люди со слабым характером и нечистой совестью, честолубивые, страдающие манией того, что их недооценивают, или жадные на деньги становились легкой добычей западных подрывных центров.

Западные круги пытались любой ценой ограничить роль государственных и общественных организаций в международных связях. Они стремились установить прямые контакты с отдельными лицами и некоторыми институтами. Однако это не значит, что каждый чехословацкий гражданин, который принимал участие в этих контактах, имел злые умыслы.

Значительную роль, помимо прочего, играли стипендии. Их выделяли с 1963 г. в повышенных размерах чехословацким работникам в области общественных, естественных и технических наук. Число лиц, получающих такие стипендии, постоянно росло. В 1966 г. было принято постановление чехословацкого правительства, которое разрешило работникам культуры, науки и образования свободный выезд на безвалютной основе за границу. В 1968 г. был почти полностью ликвидирован контроль со стороны государственных органов при выездах в капиталистические страны чехословацких граждан, командированных туда за счет полученных стипендий.

Первое место в научных связях Чехословакии с Западом заняла Федеративная Республика Германии. Главными организаторами научных командировок были так называемая «западногерманская обменная служба», Общество Макса Планка и несколько частных фондов, основную роль среди которых играл фонд Гумбольдта. С весны 1968 г. эти организации практически решали, кто из Чехословакии поедет в Западную Германию в научные командировки. Судьба чехословацких ученых во многих случаях определялась людьми, сотрудничество которых с западными антикоммунистическими центрами не вызывало сомнений. Например, в руководстве фонда Гумбольдта действовал профессор П. Шейнберг, бывший офицер нацистской разведки, который во время войны служил в Минске. В Вене в тече-

ние ряда лет работал в качестве советника американского фонда «The Educational Fund» активный чехословацкий послевоенный эмигрант и один из издателей журнала «Свидетства» — Радомир Лужа. Фонды такого рода в большинстве своем служили целям, не имеющим ничего общего с наукой.

Западные учреждения тратили на контакты с чехословацкими учеными значительные материальные средства. В Западной Германии каждому выплачивалась стипендия 1100—1500 марок в месяц. За чтение лекций чехословацкому ученому платили ежемесячно около 2200 марок. Таким образом, определенная часть людей подкупалась с целью их социального разложения и в итоге оказалась под влиянием антисоциалистической идеологии.

В 1968 г. в краткосрочных командировках в капиталистических странах находилось около полутора тысяч работников Чехословацкой академии наук. Долгосрочные стажировки проходили более 350 лиц. В 1969 г. их число возросло — только в ФРГ находилось более 100, а в США почти 150 человек на долгосрочной стажировке. Объем этих связей сам по себе еще не являлся доказательством их вредности, если бы речь шла действительно о научных интересах, если бы командировки были мотивированы действительно культурными и научными интересами ЧССР, а не корыстными антикоммунистическими и другими целями западных буржуазных учреждений и институтов, как это было в действительности.

Такая же ситуация сложилась и в области культурных связей. Гастроли, постановки пьес на западных сценах, переводы книг, присуждение премий и другие формы материального поощрения становились постепенно средством идеологического проникновения буржуазного Запада в культурную жизнь Чехословакии. Содержание некоторых произведений вызывало естественный вопрос, для кого они, собственно, предназначены: для чехословацкой общественности или западной критики и буржуазных боссов в области культуры. Для некоторых работников чехословацкой культуры постепенно становилось более важным то, как их фильмы будут оценены на западных фестивалях, купят ли их западные фирмы, будут ли их пьесы поставлены в ФРГ или будет

ли их книга издана на английском языке, чем то, какое моральное и эстетическое влияние они оказывают на нашего зрителя, как они помогают социалистическому воспитанию.

Идеологическое и моральное разложение определенной части творческой интеллигенции проявлялось и в некритическом восприятии западного буржуазного искусства. Во второй половине 60-х годов киноэкран, театры, телевизионные программы и книжный рынок постепенно наводнялись произведениями буржуазных авторов. Идейное разложение ряда писателей шло столь быстро, что в конце 60-х годов по существу не было различия между произведениями, созданными в Чехословакии за счет средств социалистического общества и импортированными с Запада.

Идейное разложение ряда представителей научной и творческой интеллигенции затронуло и сферу образования. Воспитание молодежи, особенно в высшей школе, все меньше находилось под влиянием теории марксизма-ленинизма, и молодые люди оказывались в плену псевдомодерных, по существу буржуазных мировоззренческих и политических течений.

Конечно, прогресс науки и техники, образования и культуры на современном этапе развития человеческого общества неизбежно требует широких и интенсивных международных связей. Их значение с развитием социалистического общества, с прогрессом научно-технической революции в дальнейшем еще более возрастет. Однако речь идет о связях, обусловленных прежде всего общественными интересами, именно они должны играть главную роль. Желательны и полезны такие контакты, которые обогащают наши знания и культуру, которые служат социализму и международному прогрессивному развитию. Не в интересах ЧССР поддерживать любые связи, поддерживать спекулятивные расчеты одиночек и тем более предоставлять таким образом возможности для враждебного воздействия, направленного против народа Чехословакии и его общественного строя.

Характерно, что свободных связей с Западом в 60-х годах домогались в первую очередь те чехословацкие деятели, кто последовательно игнорировал

контакты, сотрудничество и научный обмен с братскими социалистическими странами, прежде всего с Советским Союзом. Эти люди разглагольствовали о преодолении «чехословацкого провинциализма», о мировом и международном значении чехословацкой культурной жизни. В действительности речь шла о переориентации международных связей и контактов Чехословакии с Востока на Запад, с социалистического содружества на капиталистические страны. Год от года возрастали контакты с Западом и происходил все больший сдвиг в этом отнюдь не прогрессивном направлении.

Никто, разумеется, не собирается отрицать необходимость и полезность научных и культурных связей Чехословакии с Западом. Несомненно, что в предстоящие годы это сотрудничество будет расширяться. В этом состоит одно из важных условий мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Однако такие связи выполняют свою миссию только в том случае, если с чехословацкой стороны они будут развиваться так, как этого требует развитие социалистического общества, в соответствии с принципом социалистического гуманизма, в интересах прогресса.

На формирование ревизионистской платформы в Чехословакии влияли западная буржуазная идеология, антикоммунистическая пропаганда и общие оппортунистические тенденции; поэтому ревизионизм в стране не был «чехословацким явлением» ни в целом, ни в отдельных его проявлениях, хотя всячески подчеркивался его «творческий национальный характер». Ревизионизм, который особенно проявил себя в Чехословакии в 1968 г., имеет более длительную историю.

В начале 60-х годов происходит сильная международная активизация ревизионистских тенденций. В этот период ревизионисты, проникшие в ряды коммунистических партий некоторых стран, фактически объединились с буржуазными теоретиками либерального толка. Тогда, возможно впервые в послевоенной истории, ревизионисты в разных странах, словно по команде, открыто выступили с осуждением теории марксизма-ленинизма и практики международного коммунистического движения, оказывая при

этом друг другу взаимную поддержку. Свитак и Косик в Чехословакии отстаивали те же взгляды, что Колаковский в Польше, Гавеманн в ГДР и т. д.

Некоторое оживление ревизионизма связано с первыми послевоенными годами. Подчеркивание национальных моментов в противовес интернациональным, отрицание международного опыта социалистического строительства в Советском Союзе, стремление посредством критики «сталинизма» оспорить и очернить основные ленинские принципы классовой политики и руководящую роль партии в строительстве социализма, подменить научное марксистско-ленинское мировоззрение лозунгом деидеологизации и свободы научного исследования — эти и другие подобные взгляды совпадают вплоть до отдельных формулировок с теориями, которые с конца 40-х годов развивали некоторые ревизионисты, такие, например, как Милован Джилас.

Но и им нельзя приписать авторство и приоритет в разработке ревизионистских взглядов. Основы «классического» ревизионизма, который, как известно, подверг уничтожающей критике В. И. Ленин, сформировались уже в 90-х годах прошлого столетия. После Великой Октябрьской социалистической революции были предприняты попытки провести своего рода «модернизацию» ревизионизма. К ним относился прежде всего троцкизм с его «левой» фразеологией. В период между двумя мировыми войнами появились различные буржуазные теоретические школы, которые пытались ликвидировать марксизм путем его «дезинтеграции». Это было особенно характерно для так называемой франкфуртской школы. Не случайно ее представители, такие, как Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно, Юрген Хабермас, Герберт Маркузе и другие, стали авторитетами для ревизионистских течений последующих лет.

У буржуазных «марксологов» и чехословацких «прогрессистов» обнаружилось поразительное сходство в аргументации и методологическом подходе. Диалектика подменяется механическим противопоставлением (методом «контрпозиций»): идеология противопоставляется науке, молодой Маркс — зрелому Марксу, Маркс — Ленину, эмпирическое позна-

ние — теории, классовая структура общества — научно-техническому прогрессу, общие принципы социализма — национальным интересам и особенностям и т. д.

Ревизионисты разных стран и их буржуазные теоретические попутчики не только отстаивали сходные взгляды, но и основательно поддерживали друг друга. Чехословацкие ревизионисты систематически приглашали на теоретические конференции, симпозиумы и для чтения лекций зарубежных гостей определенных политических взглядов. Точно так же поступали при издании переводной литературы. За все это им оказывали соответствующие услуги. Косику и Стринке, Маркузе, Блоху, Колаковскому, Гольдману и другим было предложено сотрудничать в международном редакционном совете ревизионистского журнала «Праксис». Книга Косика «Диалектика конкретного» превозносилась ревизионистскими кругами как вершина «чехословацкой марксистской» философии.

Постепенно среди чехословацких ученых в области общественных наук образовалась элита, популяризируемая и признаваемая на Западе. Создавалось впечатление, что марксистского философа, экономиста, социолога или историка по достоинству могли оценить только буржуазные идеологи.

Ревизионизм и антикоммунизм во второй половине 60-х годов все больше сближались. Оригинальный вклад «творческих» и «прогрессивных» чехословацких ревизионистов был весьма незначителен. Речь шла по сути о более или менее умелом плагиате.

Ревизионизм в КПЧ имел также свои исторические корни и причины. Партия после войны испытывала трудности с кадрами. Гитлеровцы и людацкие клерофашисты свой главный удар направляли в первую очередь против руководящих партийных работников и физически ликвидировали половину довоенного состава партии. Сотни тысяч новых членов КПЧ, вступивших в партию после войны, только еще закалялись в острой классовой борьбе за упрочение народной власти и победу социалистической революции.

Успехи, одержанные КПЧ в классовой борьбе, растущие симпатии к Советскому Союзу, разгромившие-

му гитлеровский нацизм и освободившему республику от фашизма, и особенно поражение реакции в феврале 1948 г. привлекли в партию мелкобуржуазных и интеллигентствующих попутчиков. Когда же возникли сложные классовые политические проблемы, когда международное коммунистическое движение подвергло открытой критике отдельные ошибки, многие из попутчиков, которые имели лишь упрощенное представление о теории марксизма-ленинизма, не выдержали и впали в панику и скепсис. Западная антикоммунистическая пропаганда использовала такую ситуацию и стимулировала упаднические настроения мелкобуржуазных кругов, особенно элементы правого ревизионизма.

Недостатки в идеологической работе КПЧ косвенно способствовали тому, что политически незрелые люди вновь обратились к буржуазным традициям и стереотипам. В результате началась ревизия марксизма-ленинизма с мелкобуржуазных позиций.

Эмиграция как союзник антисоциалистических и ревизионистских сил внутри Чехословакии

Изменения в антикоммунистическом курсе империализма отражались и в его требованиях, которые предъявлялись к чехословацким политическим эмигрантам.

Провалы и кризис империалистической политики «освобождения» отразились и на деятельности многих эмигрантских организаций. Например, «Совет свободной Чехословакии» переживал одну реорганизацию за другой. От него отделялись различные группы и создавались фракции, которые стремились навязать свои концепции всей организации и захватить руководство ею.

От «чехословакистов», которые открыто отстаивали программу восстановления буржуазной Чехословакии в духе масариковско-бенешевских традиций, в середине 50-х годов отделились группы, которые находились в наиболее близких отношениях с американскими антикоммунистическими центрами. В 1956 г. от «Совета свободной Чехословакии» откололась группа Фердинанда Пероутки — эксперта

американского центра «Свободная Европа», действующего против Чехословакии. В этом же году американцы прекратили финансовую помощь «Совету свободной Чехословакии». В результате эта организация развалилась.

Новая тактика антикоммунизма стимулировала возникновение новых эмигрантских организаций. Чехословацкий национальный совет в США создал в 1958 г. Чехословацкое зарубежное общество науки и искусства. Эта организация выдавала себя за своего рода «академию наук и искусств в изгнании». Ее политическая платформа внешне выглядела весьма либеральной, что должно было привлечь к себе возможно большее число работников культуры, которые либо родились в Чехословакии, либо были чехами или словаками по национальности.

В эту организацию были привлечены, например, художник Оскар Кокошка, дирижер и композитор Рафаэль Кубелик, актер Йиржи Восковец, литератор Макс Брод, а также такие ярые антикоммунисты, как писатель Ян Чеп, Эгон Гостинский и другие¹.

Чехословацкое зарубежное общество науки и искусства действовало на основе американской тактики: сначала устанавливались тесные контакты с представителями интеллигенции в ЧССР, затем стремились воздействовать на их социалистическое мировоззрение. Эта специальная эмигрантская организация была создана для осуществления доктрины «наведения мостов».

О том, какую роль буржуазные антикоммунистические круги, и особенно американские подрывные центры, отводили чехословацкой политической эмиграции, весьма красноречиво рассказывает журнал «Сведецтви». Даже отдельные абзацы, рассматриваемые сегодня через призму исторического опыта 1968 г., свидетельствуют о той опасности, которую создает взаимная поддержка внешних и внутренних антикоммунистических и ревизионистских сил.

¹ Явно не случайно антисоциалистические и ревизионистские силы в Чехословакии стремились, помимо прочего, в 60-х годах популяризировать этих людей среди чехословацкой общественности и искусственно раздувать их авторитет.

В то время издатели журнала осуждали прежние взгляды эмигрантов об открытых враждебных действиях и рьяно восхваляли преимущества новой тактики.

В книге П. Тигрида «Маркс на Градчанах» содержится признание: «И хотя об этом не говорилось всегда во весь голос и в полной мере, военное столкновение между Западом и Востоком представлялось неизбежным и вместе с тем единственным способом, с помощью которого могут быть в обозримом будущем восстановлены демократические свободы в Чехословакии... В течение десяти лет Совет свободной Чехословакии объединял, пестовал, реорганизовывал, умножал путем деления (одно время было два Совета) и побуждал к ответственной работе. Это ничего не дало, кроме горстки обращений, нескольких празднований 28 октября¹, бесчисленного множества гектографированных сообщений, которые никто не читал, и полдюжины журналов, которые возникали и исчезали!»

Далее П. Тигрид делает вывод, что «чехословацкая политическая эмиграция без особой драматизации разделяется» на два течения — «непримиримых» и «градуалистов». Они отличаются друг от друга лишь представлением о возможных путях ликвидации современного политического строя в Чехословакии и взглядами относительно пользы контактов с «оппозиционными» политическими течениями внутри страны. «Непримиримые» видят только «коммунистов» и «демократов» и отвергают контакты с теми, кто носит партийный билет или занимает партийный пост, даже если они стремятся к ревизии как теории, так и практики коммунизма. «Градуалисты» не отвергают этих контактов, напротив, они приветствуют их, так как считают, что контакты могут вести к полезному взаимопониманию.

В чем видели они смысл этих контактов и как представляли себе своих партнеров в Чехословакии, с каждым годом становилось все яснее. Весьма откровенно написал об этом и Тигрид в статье «Политическая эмиграция в атомный век»:

¹ 28 октября 1918 г. была провозглашена Чехословацкая Республика.— *Прим. перев.*

«Эта эмиграция (и не только чехословацкая) оказалась неспособной сообразоваться с глубокими изменениями в своей собственной структуре, вызванными, как и все остальное, технической революцией нашего времени и атомным веком, в который вступило человечество. Традиционные концепции и действия были преодолены, поскольку оказались неэффективными: на их место приходят новые — новые и неортодоксальные, способные оказать влияние на возникновение общественных и политических процессов возрождения, начинающих в странах, из которых эта эмиграция произошла».

Автор основывается на буржуазных модных теориях постиндустриального общества и других, им подобных. Он выдвигает главную задачу политической эмиграции — осуществлять непосредственное вмешательство в процессы внутреннего развития в социалистических странах. Через два года Тигрид развивает эти соображения: «...наилучшим образом организованная, полная решимости и единая эмиграция в конце концов обычно терпит поражение, если все ставит на карту вмешательства извне, — военной интервенции своего патрона и союзника. Напротив, — и в этом смысл данных размышлений — естественный, надежный, бесспорный и в конечном счете победоносный союзник каждой действительно демократической и либеральной (или социалистической) политической эмиграции — или эмигрантов — это общественные изменения в направлении к открытому, плюралистическому, парламентскому, демократическому обществу. Помогать этому эволюционному — или революционному — процессу, действительно его усиливать, оказывать на него влияние, соединиться с ним означает соединиться с главной общественной и политической силой нашего времени».

Все уже преподносится на таком языке, который свойствен новой антикоммунистической стратегии.

«Открытая, плюралистическая, парламентская демократия» — это уже понятие, хорошо известное по словарю антисоциалистических и ревизионистских сил 1968 г. Его реакционный политический смысл еще ранее нашел свое выражение в тезисах так называемого «коллектива Млынаржа», которому в 60-х годах была доверена задача разработать проект «усо-

вершенствования социалистической политической системы» в ЧССР. Идея «открытой, плюралистической демократии» была использована против руководящей роли в социалистическом обществе революционной марксистско-ленинской партии рабочего класса.

В дальнейшем Тигрид указывает, в каком направлении должны идти «модификация и деформация» социалистической политики в ЧССР. По его мнению, необходимо «возобновить диалог, который в 1948 г. был насильственно прерван и который тогда происходил в основном между демократическими социалистами и коммунистами». Здесь выражены мысли, которые позже стали главными в контрреволюционной политической концепции.

Тигрид указывает, на кого должна эмиграция прежде всего нацеливаться. «Послефевральская эмиграция сегодня является активным партнером тех сил, которые внутри страны разоблачают ошибки, грехи и жестокость той несчастной эры и более того — часто бессмысленность и тщетность действий мужей прошлого, которые находятся у власти. Она пытается развеять тщетность, утомление, изоляцию, которые охватывают как молодежь, так и образованных людей — ведь на их плечи легла главная тяжесть этой борьбы. Все это — часть важного общественного процесса национального возрождения, без которого нельзя себе представить будущего Чехословакии».

И эту формулировку — «разоблачать ошибки, грехи и жестокость той несчастной эры» — нельзя понимать иначе, как применение новых принципов идеологической диверсии: не атаковать открыто социализм, а становиться в позу «критической оппозиции», брать под обстрел «отдельные ошибки и недостатки» социализма, якобы с целью его «совершенствования».

В полном соответствии с классовой политической ориентацией «Свободной Европы» подчеркивается прежде всего ключевое значение идеологического воздействия на «молодежь» и «образованных». Отмечается, что главный источник потенциального социального взрыва в Чехословакии состоит в «поспешной, насильственной коллективизации», — другими словами: реакции следует искать своего союзника среди кооперированных крестьян.

Условием и перспективой победного возвращения послефевральской политической реакции должно быть «возвращение... гуманистического и демократического социализма».

Соображения западных антикоммунистических теоретиков могли показаться абсурдными, но историческое развитие событий в 1968 г. показало их опасность (вплоть до угрозы национальной и социальной катастрофы). Они представляют собой вместе с тем в полном смысле обвинительный акт ревизионистам, которые взхлеб кричали о прогрессе, гуманизме и «человеческом лице», а на деле объективно помогали осуществлять планы империалистических и эмигрантских антикоммунистических подрывных центров.

Новая, более гибкая стратегия и тактика антикоммунизма отразилась не на всей чехословацкой политической эмиграции. По-прежнему продолжали свою деятельность в 60-х годах ультрареакционные эмигрантские организации, например влиятельные клерофашистские людацкие организации в США и Канаде.

Империалистическая антикоммунистическая стратегия не исключала, а прямо предполагала параллельные акции различных и даже враждующих организаций. Воинствующий антикоммунизм и изощренная тактика, направленная на внутреннее разложение социализма, на усиление правосоциалистических и ревизионистских течений, дополняли друг друга.

«Эрозия социализма» и кризис общества в Чехословакии

Новая тактика, направленная на то, чтобы изнутри идейно-политически разложить социалистическое общество в Чехословакии, в конкретных условиях 60-х годов оказывала более сильное воздействие, чем открытые военные угрозы Запада непосредственно после февраля 1948 г.

Но не следует переоценивать возможность этой тактики и тем более рассматривать ее в качестве единственной причины возникшего кризиса. Суще-

ствовали внутренние и внешние причины, которые сыграли свою роль, и некоторые объективные и субъективные факторы.

Тактика антикоммунизма строилась в соответствии со спецификой социальной структуры Чехословакии и традиций ее недавнего прошлого. Она была рассчитана прежде всего на использование мелкобуржуазных элементов и их настроений, источник которых — социально-экономическая структура бывшего чехословацкого буржуазного общества, в котором имела сравнительно сильная прослойка городской и сельской мелкой буржуазии.

Мелкобуржуазная и псевдосоциалистическая антикоммунистическая пропаганда оживляла в сознании некоторой части населения Чехословакии реакционные иллюзии и мифы. Среди интеллигенции, вышедшей из мелкобуржуазных слоев, сохранялись иллюзии относительно масариковского псевдогуманизма и либерализма. Проникновение реформистского «демократического» социализма воскрешало сравнительно сильные традиции социал-демократического оппортунизма. «Националистический провинциализм» сочетался с естественными для него жадным и неразборчивым тяготением к «модным» направлениям, стремлением к «мировому признанию» и наивным преклонением перед Западом.

Недооценка идеологической и теоретической работы в партии стала тормозом в борьбе против империалистической идеологической диверсии и внутреннего ревизионизма. Это имело особенно негативные последствия для самой КПЧ, и прежде всего потому, что «в партию в годы после освобождения и особенно после февраля 1948 г. вступило много представителей других политических партий и людей с иным мировоззрением, а также потому, что с течением времени при низком уровне идейной и политической работы не были преодолены чуждые идейные течения, широко вносившиеся в партию»¹.

Что касается борьбы с внутренним ревизионизмом, то эпизодически применявшиеся против него меры сменялись примиренческим настроением, а по-

¹ Густав Гусак. Избранные статьи и речи. М., 1969, стр. 318.

степенно — и беспомощностью. Характерным примером может служить положение в области философии. В начале 1957 г., после того как ревизионисты в 1956 г. предприняли первую атаку против марксизма-ленинизма и политики КПЧ, против СССР и принципов социалистического интернационализма, была создана комиссия, которая подготовила критический анализ. Двумя годами позднее — в марте 1959 г. — было принято постановление ЦК КПЧ, которое подвергло критике ревизионистские тенденции, имевшие место среди чехословацких философов, и наметило задачи по исправлению положения. Однако в начале 60-х годов активность ревизионистов в области философии вновь усилилась. В 1965 г. по проблемам философии было принято новое постановление ЦК КПЧ, которое отмечало непоследовательность в выполнении постановления 1959 г. В определенном смысле содержание этих документов легло в основу постановления ЦК КПЧ о журналах по вопросам культуры в 1967 г. Все три постановления содержали критику и предупреждения в адрес ревизионистов. Однако отсутствовала действенная система идейно-политических мер, которые устраняли бы причины и предупреждали бы повторение критикуемых явлений. Не пытались обеспечить партийное влияние с помощью профессионально подготовленных марксистов. В практической деятельности колебались между принципиальностью и терпимостью к либерализму. Коммунисты, которые активно выступали против проявлений ревизионизма, не получали нужной поддержки. Административные меры не были достаточно последовательными. После принятия первого постановления некоторых явных ревизионистов отстранили от занимаемых постов, но практически им создали еще более выгодные условия для беспрепятственной деятельности. Официальная критика сделала их популярными и притягательными в известных кругах личностями. Например, философа Карела Косика несколько раз подвергали критике в партийных документах, а его книгу «Диалектика конкретного» выпустили тремя изданиями в течение пяти лет. Подобным образом обстояло дело с книгами Роберта Каливоды, Милана Маховца, Йиржи Цвекла и других. Напротив, оценка подлинно марксист-

ских трудов зачастую оставлялась на милость тех, против когò они были направлены¹.

Отношение к ревизионистским силам, особенно в культурно-просветительных учреждениях, носило скорее характер либерального примиренчества. В решениях критиковались разные недостатки, руководящие работники подчас говорили о них в докладах; но в то же время антимарксистские и антипартийные силы постепенно прибирали к своим рукам творческие союзы, научные институты.

В области искусства и науки создавалась система «самоуправления». Это практически означало, что социалистическое общество финансирует эту область, но распределение денежного вознаграждения; а также предоставление различных выгод отдается на откуп тем, кто, по существу, руководит этой сферой. Антисоциалистические и ревизионистские силы все сильнее определяли развитие и направление науки и искусства. Уже задолго до 1968 г. в отдельных областях идеологии создавались «вторые центры», в действительности оказывавшие большее влияние, чем центральные партийные и государственные органы, на деятельность в сфере искусства и науки. Вместе с тем действеннее становилось влияние неконтролируемых связей с капиталистическим Западом.

Антикоммунистическое идеологическое влияние косвенно способствовало пропаганде потребительского понятия социализма. Одностороннее подчеркивание значения лишь материальной стороны жизни

¹ В качестве примера можно привести книгу Владимира Румла «Основные вопросы логического позитивизма», которая в 1962 г. вышла в издательстве Чехословацкой академии наук. В то время как за границей она получила большой отклик и была издана в ГДР, философы-ревизионисты в Чехословакии, влияние которых в то время расширялось, намеренно преуменьшали ее научное значение и заваливали негативными отзывами. Это и неудивительно, ибо Румл не только подверг теоретической критике влиятельное течение современной буржуазной философии, но и доказал, что оно становится одним из методологических орудий современного правого оппортунизма и ревизионизма. Эта проблематика не утратила значения и в современной идеологической борьбе, о чем свидетельствует статья В. Румла «Позитивистская «философия науки» против науки» («Проблемы мира и социализма», 1972, № 9, стр. 61—65).

населения, преувеличение технических достижений Запада, его показателей в сфере потребления в сравнении с социалистическими странами вели к ослаблению классового подхода. Вместе с тем все это усиливало безразличие к вопросам идеологии, а тем самым и терпимость к ревизионистским и антимарксистским взглядам разного толка.

Недооценка идеологической и политико-воспитательной работы отрицательно сказалась и на отношении к новым методам антикоммунистической пропаганды.

Только со второй половины 60-х годов стали изучать проблему борьбы против империалистической идеологической диверсии. Основные усилия неизменно направлялись против зарубежного идеологического влияния, в то время как противник уже давно проводил подрывные действия на внутреннем фронте. Главной угрозой для социализма в стране постепенно становились активные действия ревизионистских и антисоциалистических сил.

Требовалась особая смелость, чтобы критически оценить создавшееся положение, так как приверженцы либерализма и ревизионизма немедленно поднимали шум и любой ценой стремились подавить в самом зародыше такую попытку. Предостережение об опасности расценивалось как якобы возвращение к ошибочной формуле об обострении классовой борьбы при социализме. В то время всячески абсолютизировалось классовое единство общества. Выступая на октябрьском пленуме ЦК КПЧ в 1967 г., Дубчек осмелел само упоминание об идеологической диверсии.

Никто не занимался систематически научным исследованием антикоммунистической подрывной пропаганды против Чехословакии, не было продуманной системы контрмер. Многие из важных идеологических учреждений, без которых нельзя было вести действенную борьбу против антикоммунистической идеологической диверсии, в течение ряда лет находились в руках лиц, которые позже открыто и активно выступили на стороне правых.

Вплоть до последнего момента некоторые руководящие деятели не сознавали серьезности и степени опасности контрреволюционной угрозы. Борьба

против ревизионизма велась пассивно и выглядела как перебранка между отдельными интеллектуалами. Например, газету «Литерарны новины» чаще критиковали за то, что она иронизировала над некоторыми работниками или небольшими политическими мероприятиями, чем за то, что этот еженедельник превратился в теоретическую базу противников марксистско-ленинского мировоззрения.

Аналогичным образом антикоммунизм действовал и против других социалистических стран, но степень его влияния была весьма различной. Его проникновение в Чехословакию было связано с объективными и субъективными трудностями, которые в то время проявлялись в стране. Принципиальная оценка их была дана в документе «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». «Путь строительства социализма,— говорится в этом документе,— не был легким, встречались препятствия и трудности. В процессе бурного и сложного развития нашего общества, в ходе которого наша партия и рабочий класс еще только осваивали умение руководить и управлять, были допущены ошибки и трагические заблуждения. Наряду с трудностями, вытекающими из новизны характера и сложности задач, строительство социализма сопровождалось и некоторыми субъективными ошибками. Они выражались в самоуспокоенности, в непоследовательном осуществлении ленинских принципов в жизни и работе партии, в неудовлетворительном обобщении практики и накопленного опыта масс, в пренебрежении классовым подходом к общественным проблемам, в попытках опередить развитие, в нарушении принципов демократического централизма и внутрипартийной демократии»¹.

В КПЧ и чехословацком обществе сформировались в принципе два направления взглядов на характер ошибок и трудностей и на пути их решения. «Здоровое марксистско-ленинское течение в партии сознавало всю серьезность положения. Оно искренне стремилось к решению возникших проблем, требовало устранения недостатков и готово было от-

¹ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». М., 1971, стр. 8—9.

дать этому все силы. Указанное течение выражало взгляды решающего большинства партии. Однако руководство партии не поняло и не поддержало искренние стремления этого течения и не возглавило его»¹.

С другой стороны, «начала формироваться праворевизионистская группа, которая под предлогом исправления ошибок пыталась ревизовать генеральную линию партии, подорвать идейные и организационные принципы строительства партии, разложить политическую структуру социалистического общества с целью развязать мелкобуржуазную стихию и изменить внешнеполитическую ориентацию ЧССР»².

Ситуация осложнялась тем, что антикоммунистические центры изворотливо использовали в своей подрывной деятельности личные качества, непопулярность и ошибки А. Новотного.

Уже в 1963 г. журнал «Сведецтви» в передовой статье выдвинул лозунг «покончить с новотновщиной». Это был призыв к своего рода чехословацкому применению антикоммунистического лозунга «десталинизации». Те, кто провозгласил этот лозунг, вовсе не были, разумеется, заинтересованы в том, чтобы Новотный был заменен более способным, подготовленным и принципиальным коммунистом. Передовая «Сведецтви» выдает стремление персонифицировать в Новотном не только ошибки, но вместе с тем некоторые основополагающие принципы социализма в Чехословакии. Например, «покончить с новотновщиной» в экономике означало ликвидировать кооперативный строй в сельском хозяйстве, «подвергнуть твердой ревизии внешнюю торговлю» — переориентировать ее на Запад, ограничить сотрудничество с развивающимися странами и т. д. В «идеологической, политической и вообще этической» областях выдвигалось требование «покончить с самозванной деспотией», под которой подразумевались кадры партийных и государственных работников. События 1968 г. показали, что с помощью подобных

¹ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 11.

² Там же, стр. 14.

демагогических формулировок иногда удается расчистить дорогу для контрреволюционной программы. А конечная цель всего этого заключалась, в частности, в том, чтобы заменить весь состав партийных, государственных и хозяйственных работников, которые якобы утратили доверие. Примечательно, что эмигрантский журнал «Сведетцви» в 1963 г. выдвинул концепцию, которую проводили правые силы в период «пражской весны», — вплоть до употребления выражения «утратили доверие...». По существу, это было подстрекательство к борьбе против партийного и государственного аппарата социалистического общества.

Действия антикоммунистической пропаганды, направленные на то, чтобы разложить социализм изнутри, усиливались ошибками и недостатками, собственными прежнему руководству. Враги социализма использовали также хозяйственные трудности, критику и самокритику партии в отношении допущенных просчетов и т. д. Они стремились любыми средствами добиться своих целей — оказывать влияние на внутреннее развитие, устанавливать контакты, завоевывать на свою сторону союзников на внутреннем идеологическом фронте, поддерживать ревизионизм и таким образом внедрять в ЧССР свои враждебные теории и взгляды, с тем чтобы в конечном счете разложить социалистический строй.

«Партия не была в достаточной степени вооружена и подготовлена к этому концентрированному, хорошо организованному, координированному и руководимому наступлению внутренних и внешних ревизионистских и правооппортунистических сил. Недооценивалась опасность проникновения правого оппортунизма и ревизионизма, в идеологической работе проявлялась недопустимая пассивность и терпимое отношение к ним. На словах часто говорилось об опасности идеологической диверсии, но конкретных шагов не предпринималось»¹.

¹ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 10.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕРОСЛО В БОРЬБУ ЗА ВЛАСТЬ

Основной вопрос, который рассматривается в этой главе, можно было бы сформулировать примерно так: какова была роль антикоммунистической идеологической диверсии в чехословацких событиях 1968 г.— весны 1969 г.?

По этому вопросу имеются разные, порой взаимно исключающие взгляды.

Если говорить о буржуазных и ревизионистских теоретиках, то там сталкиваются две противоположные тенденции. Сторонники одной пытаются принижать, отрицать и упрощать влияние каких-либо идеологических факторов на развитие «чехословацкого возрождения». Это вытекает из стремления представить антисоциалистические действия как «стихийное выражение воли народа», «общественного мнения», и вместе с тем полностью отрицать вмешательство западных идеологических центров.

Сторонники другой тенденции прежде всего преувеличивают заслуги «идеологических спасителей», якобы новых «будителей нации», «интеллектуальной элиты», которым, дескать, принадлежит главная заслуга в развитии «пражской весны». В ревностном споре о первенстве в этом деле принимают участие не только правые писатели, но и кинематографисты, журналисты, философы, социологи, экономисты, юристы и т. д. Сколько книг о 1968 г., вышедших из-под пера чехословацких политических эмигрантов, столько и версий о «движущих силах», о «персональных заслугах» и «главном влиянии» на ход событий.

Можно услышать и скептические голоса некоторых буржуазных теоретиков. Высказываются суждения, что «излишний и непродуманный радикализм антисоциалистических сил помешал успешной деформации» социалистического строя; в связи с этим не оправдались и надежды на постепенный выход Чехословакии из социалистического содружества. По их мнению, контрреволюционные цели требовали весьма осторожной тактики, которую лучше всех осуществляла группа правых в тогдашнем руководстве партии — люди типа Дубчека, Смрковского, Шпачека, Цисаржа, Млынаржа и им подобных. Другие буржуазные авторы обвиняют представителей чехословацкой «интеллектуальной элиты» — писателей, журналистов и т. п. — в том, что они своим «неразумным радикализмом спровоцировали» акцию пяти социалистических стран и таким образом в конечном счете явились виновниками поражения контрреволюционных сил.

Эти споры на Западе продолжаются до сих пор. Чехословацкие политические эмигранты отстаивают и всячески преувеличивают свои политические заслуги, чтобы добиться высокой оценки своей деятельности и гарантировать себе на службе антикоммунистических центров обеспеченное будущее. Западные антикоммунистические идеологи руководствуются другим. Прошлое интересует их лишь как урок для будущего. Они прежде всего ставят вопрос: как в следующий раз сделать лучше и эффективнее?

Империалистические круги придерживаются противоречивых мнений относительно идеологического влияния в ходе чехословацких событий. Когда речь идет о предназначенных для узкого круга стратегических и тактических соображениях и разработке новых перспективных планов, итоги и уроки антикоммунистической идеологической интервенции в Чехословакии оцениваются более откровенно и критически. Для успокоения общественности, особенно когда вопрос касается пропаганды на социалистические страны, они отмежевываются от всякой интервенции, в том числе от идеологического вмешательства в чехословацкие события. Они готовы согласиться

лишь с тем, что «объективно» информировали население Чехословакии.

Марксистско-ленинская оценка чехословацких событий 1968 г. — весны 1969 г. ясна с самого начала. Констатируется контрреволюционный характер идеологической платформы правых в ЧССР. Установливается сильное влияние антикоммунистической идеологической диверсии, раскрываются реакционные политические цели и роль подрывных центров.

Вместе с тем очевидно, что контрреволюция в ЧССР не была вызвана исключительно внешней империалистической диверсией. Столь наивные взгляды коммунистическим партиям пытаются — но безуспешно — приписать лишь их идейные противники в своих пропагандистских фальсификациях.

Идеологическое воздействие извне нельзя рассматривать в отрыве от общественно-политического и экономического положения в Чехословакии в те годы¹.

Принципиальная оценка событий 1968 г., включая рассматриваемые проблемы, дана в «Уроках кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». Этот обстоятельный анализ причин кризиса и контрреволюции в Чехословакии был сделан ЦК КПЧ в декабре 1970 г. и подтвержден XIV съездом партии. Своим принципиальным, классовым подходом этот документ дал решающие критерии, он содержит основную оценку, помогающую понять отдельные стороны интересующих нас проблем.

Товарищ В. Биляк в докладе на октябрьском (1972 г.) пленуме ЦК КПЧ определил, что главная задача идеологических работников состоит в том, чтобы сделать выводы из «Уроков кризисного развития» и для всех областей общественной деятельности. «Ведь каждый его тезис дает вдохновляющий импульс для научной работы».

¹ Марксистско-ленинская оценка ситуации, характера и причин контрреволюции в ЧССР отражена уже в некоторых материалах, опубликованных в 1968 г. Сошлемся, например, на следующее: «Марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение», вып. I—V. М., 1968.

Этапы развития контрреволюции

Возникает вопрос: почему, рассматривая антикоммунистическую идеологическую борьбу против ЧССР, мы выделяем период 1968 г.— начала 1969 г. до апрельского пленума ЦК КПЧ? Конечно, в это время произошло существенное изменение в методах идеологической диверсии, но первопричину следует искать прежде всего в другом.

В чехословацком обществе имели место принципиальные сдвиги в идеологической сфере. Основные звенья политической общественной системы постепенно теряли свой классовый характер, свою социалистическую роль. Ее классовые функции были поставлены сначала под сомнение, а затем сводились на нет. Навязывалось надуманное противоречие между «прогрессивным и консервативным». Практически в ЧССР не велась борьба против буржуазной идеологии. Даже существование антикоммунистической идеологической диверсии отрицалось и объявлялось вымыслом тех, кто таким образом якобы «хотел оправдать собственные недостатки».

В такой ситуации быстро активизировались классово враждебные силы и одновременно открывались широкие возможности для политической и идеологической интервенции. Мнимое противоречие между «прогрессивным и консервативным» стало в конечном итоге классовым оружием реакции против социализма, против рабочего класса, против руководящей роли КПЧ и принципов пролетарского интернационализма. Реакционное выдавалось за прогрессивное, и наоборот.

Антикоммунизм приближался к своей политической цели. В качестве главной задачи были намечены подрыв социалистического общественного строя с помощью оппортунистического разложения и изоляции Чехословакии от социалистического содружества. «Ползучая» контрреволюция, теоретические основы которой были заложены стратегами антикоммунизма уже во второй половине 50-х годов, перешла в ЧССР из стадии подготовки в стадию реализации.

Идеологическая диверсия тем более опасна, коль прибегает к тактике «тихой», «ползучей» контрре-

волюции, при которой сначала делают упор не на кровавый террор, а на дезориентацию общественности. Все это соответственно аргументируется. Главное составляет поддержка оппортунистической политики, создание ситуации давления, которую развивают в желательном направлении. Зарубежные средства пропаганды, которые более десяти лет поддерживали внутренний ревизионистский фронт в Чехословакии, в еще больших масштабах воспринимали его аргументацию и совместно с правооппортунистическими силами ориентировались прежде всего на отсталые слои населения, используя пережитки мелкобуржуазного мышления.

Эти пережитки всячески поддерживались зарубежной и внутренней ревизионистской пропагандой. Ожилились как теоретические и культурные течения буржуазного прошлого, так и мелкобуржуазные националистические и реформистские традиции. Для того этапа осуществления идеологической диверсии было характерно, что старую буржуазную идеологию преподносили как новую, современную и прогрессивную. И кое-кто действительно так ее и воспринимал.

В центре внимания оказались внутренние средства массовой информации. Возникла парадоксальная и в то же время трагическая ситуация: главные идеологические средства социалистического общества становились оружием антикоммунистических подрывных центров. Сотни журналистов, пропагандистов и других работников идеологического фронта сознательно или бессознательно, действуя по заданию или стремясь приспособиться, побуждаемые прямыми или косвенными умыслами, оказались оружием антисоциалистической идеологии и контрреволюции. Ситуация была тем более критической, что оппортунисты в руководстве партии и государства этот курс в целом поддерживали.

Период с января 1968 г. по апрель 1969 г. является весьма важным и сложным в общественно-политическом развитии Чехословакии и требует особого анализа.

21 августа 1968 г. было своеобразным рубежом в развитии контрреволюции. До 21 августа происходило быстрое усиление контрреволюции, сопровож-

давшееся подрывом марксистско-ленинских принципов и оттеснением социалистических сил. Интернационалистская помощь братских социалистических стран означала создание преграды на пути контрреволюционного развития. Она не позволила реакции окончательно захватить в свои руки политическую власть и ликвидировать социалистический строй в ЧССР. После 21 августа начался другой этап. Для него было характерным создание коалиции правооппортунистических сил и открытых противников социализма; однако одновременно начались внутренний кризис и разложение контрреволюции. Причина перелома состояла в утрате реакционными силами перспективы на коренное изменение общественно-политического строя, а главное — в усилении дифференциации внутри партии и в обществе. Этот процесс обуславливался прежде всего преодолением распыленности и политическим укреплением марксистско-ленинских сил.

Какую роль играла антикоммунистическая идеологическая диверсия на этих двух этапах?

На первом этапе она прежде всего поощряла разложение социалистического общества и его ведущей силы — коммунистической партии. Ее целью было оторвать Чехословакию от социалистических союзников, прежде всего от СССР, и всячески поддерживать правооппортунистическую линию на сепаратизм, отход от марксистско-ленинских принципов, на постепенную политическую, экономическую и идеологическую «эрозию» социализма.

На втором этапе, когда контрреволюция утратила перспективы достижения своих основных целей, идеологическое разложение общества стало, в конце концов, единственной надеждой реакции. Враждебная пропаганда стремилась отравить сознание чехословацких граждан и вместе с тем использовать чехословацкие события в антикоммунистических целях в международном масштабе.

В период между январем и августом 1968 г. наиболее важным рубежом были апрельские события.

Между январем и апрелем выявилась новая ориентация идеологической диверсии. Старые методы предшествующего этапа переплетались с поиском

новых, с тщательным изучением сложившейся ситуации.

Буржуазная пропаганда не сразу сориентировалась в январских событиях 1968 г. в ЧССР. Некоторые газеты и радиопередачи в первые дни стереотипно повторяли свой обычный аргумент, что перестановка кадров не внесла ничего нового. Правда, в таких газетах, как швейцарская «Нойе цюрхер цайтунг» и французская «Монд», появились намеки о возможном принципиальном изменении в политической ориентации Чехословакии. Внимание читателей обращалось на возможные последствия такого развития для аппарата государственной безопасности, армии и народной милиции. Не лишено интереса то обстоятельство, что эти буржуазные газеты уже в первой половине января начали получившую позднее широкое распространение кампанию травли: руководящих партийных работников Чехословакии делили на «прогрессивных» и «консервативных», навешивая последним уничижительные ярлыки. В буржуазных средствах информации появились также свои прогнозы послеянварского развития, своя интерпретация результатов январского пленума ЦК КПЧ. Причем все это появилось на Западе раньше, чем в Чехословакии выступили в таком же духе представители правых в руководстве партии — Смирковский, Кригель, Шик, Прхлик и другие.

Антисоциалистические силы внутри Чехословакии постепенно переходили в наступление. Правые среди писателей начали пропагандировать свой ревизионистский IV съезд, состоявшийся в 1967 г., который был осужден руководством партии; журналисты обостряли тон выступлений по радио, телевидению и в печати. Вместо решительного отпора они встречали поддержку некоторых новых руководителей партии.

Постепенно развертывалось фронтальное идеологическое наступление ревизионистских и антисоциалистических сил. Под сомнение ставились все ценности социализма, наращивались усилия по разложению социалистического сознания населения. На общественность страны обрушился поток сенсационных «разоблачений». Одни воспринимали это как волнующее развлечение, другие утрачивали поли-

тическую ориентацию. С помощью ошеломляющих «сенсаций» и драматических репортажей враждебные силы наносили удар по партии, государственным органам и союзническим отношениям с СССР.

На этом этапе не только правооппортунистическая пропаганда дезориентировала общественность. В руководстве КПЧ группа правых сознательно пыталась парализовать внутрипартийную жизнь. Ревизионисты открыто критиковали и отвергали ленинские принципы демократического централизма, нарушали их в практике партийной жизни. Они своевременно не информировали членов партии о принимаемых решениях. Одновременно правые в партийных органах разных уровней формировали свой актив, распространяли собственные инструкции, проводили собрания, читали лекции, инспирировали резолюции и протесты, которые должны были выражать взгляды «снизу». Другими словами, правые создавали своего рода партию в партии. Устав КПЧ сразу стал для них нежелательным, поэтому антисоциалистические силы добились ускоренной разработки проекта нового устава, который должен был быть одобрен «чрезвычайным» съездом партии. Проект содержал ряд ревизионистских отклонений от ленинских принципов строительства революционной партии рабочего класса.

Главную атаку правые повели против коммунистов, которые отстаивали классовые позиции, защищали принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, политику КПЧ и дружбу с СССР, предостерегали об опасности контрреволюции и критиковали оппортунизм и ревизионизм. Таких коммунистов правые называли «догматиками» и «консерваторами», утверждали, что это — люди, которые в основном борются за посты, власть и привилегии. Подобными беспочвенными обвинениями они пытались создать определенные настроения у общественности. Нападкам подвергались все честные коммунисты как в центральных органах, так и в первичных организациях — десятки тысяч товарищей.

Идейно-политическое и организационное единство партии было серьезно подорвано, что делало практически невозможным осуществление руководящей роли партии в обществе. Несмотря на это, большин-

ство партийных организаций стремилось выполнять свои задачи в соответствии с принципами марксизма-ленинизма и бороться против правых. Однако их усилия становились все менее эффективными. Многие считали это состояние переходным и ожидали, что новая «Программа действий КПЧ» позволит стабилизировать положение в стране и партии.

В апреле 1968 г. была принята и опубликована «Программа действий». В ней нашла свое отражение активизировавшаяся подрывная деятельность правых в КПЧ. Теперь, закрепившись на захваченных позициях, они перешли к новому этапу контрреволюционного наступления.

Для периода между апрелем и августом 1968 г. было характерно новое соотношение сил между правыми и сторонниками марксизма-ленинизма. На общественно-политические сдвиги влияли прежде всего кадровые изменения, которые проводились во всех партийных органах — от центральных до районных и местных. Правые стремились захватить решающие посты и заменить «непослушных» первых секретарей в обкомах и райкомах партии. В начале апреля было сформировано новое правительство во главе с О. Черником, пост председателя Национального собрания занял Й. Смирковский, председателя ЦК Национального фронта — Ф. Кригель. Правые ликвидировали Чехословацкий союз молодежи и проникали во вновь созданные организации. В их руках оказались решающие позиции в Национальном фронте. Таким образом велась подготовка к решающему этапу — ликвидации социалистического строя. Пока «партийные» теоретики Млынарж, Йичинский, Быстршина, Клокочка, Лакотош и другие вели полемику о том, должна ли демократия в ЧССР гарантироваться системой плюрализма, должна ли оппозиция выступать от имени партий, существующих в рамках Национального фронта, или же нужно создавать новые политические партии, в течение марта и апреля на политическую сцену вступили организации, которые никто не разрешал официально, но никто и не пытался запретить. Это были известные клубы К-231, КАН, Общество человеческих прав, подготовительные Комитеты социал-демократии, политические клерикальные учреждения

типа Комитета действий греческо-католической церкви, деятельность которого очень скоро привела буквально к кровопролитию в Восточнословацкой области, и другие.

«Программа действий», по существу, тормозила нормализацию положения в стране. В ней содержались туманное и беспринципное толкование руководящей роли партии и принципов социалистического государства, негативная оценка прошедших двадцати лет социалистического строительства в ЧССР, внеклассовое определение общества как «гражданского общества», в котором все имеют якобы равную заинтересованность в строительстве социализма. Что касается тезисов об идеологии, экономике, внешней политике, то и они носили оппортунистический и ревизионистский характер. Однако, хотя «Программа действий» содержала принципиальные уступки ревизионистским требованиям, она уже не удовлетворяла антисоциалистические круги, которые выдвигали все новые и новые требования и день ото дня углубляли политическую и идеологическую деформацию социализма. В это время их главные усилия были направлены на то, чтобы захватить власть в свои руки, но на их пути стали здоровые силы КПЧ. Об этом свидетельствовали районные конференции, проходившие в марте 1968 г. Правым не удалось навязать делегатам осуждение всей предшествующей политики КПЧ и овладеть ключевыми позициями в районных комитетах партии. Их яростные нападки открывали глаза честным, политически зрелым коммунистам, которые не потеряли ориентировки в сложной обстановке и потребовали дать решительный бой антисоциалистическим силам. Это подтвердило и совещание секретарей обкомов партии, состоявшееся 12 и 13 мая 1968 г.

Марксистско-ленинские силы сохраняли значительное влияние прежде всего в руководстве Коммунистической партии Словакии, Центральной контрольно-ревизионной комиссии КПЧ и в самом Центральном Комитете КПЧ. На пленуме ЦК, состоявшемся 29 мая — 1 июня, было принято решение, в котором говорилось о наличии правой опасности и необходимости принятия действенных мер по защите социализма.

В такой ситуации антисоциалистические силы, сосредоточив свои удары прежде всего против марксистов-ленинцев в партии, все настойчивее стремились полностью подчинить своему влиянию КПЧ. Эта задача связывалась с подготовкой «чрезвычайного» съезда партии.

Однако на пути враждебных сил возникли серьезные препятствия и в некоторых государственных органах. Избрание генерала армии Людвика Свободы Президентом Республики срывало планы правых, которые выдвигали своих кандидатов, таких, как Й. Смирковский, Ч. Цисарж, Ф. Шорм, Й. Ганзелка и им подобные. В правительстве, которое возглавлял О. Черник, правым удалось занять ряд ключевых постов, особенно в министерстве внутренних дел, но и здесь они должны были считаться с позицией принципиальных коммунистов.

На многих различных постах в партии, в национальных комитетах, государственных органах, хозяйственных организациях, школах работали в то время тысячи граждан, которые, несмотря на сложную ситуацию, сохраняли верность марксизму-ленинизму, социализму и принципам интернационализма. Контрреволюция стремилась убрать их со своего пути, это стало задачей следующего этапа.

Правые постепенно занимали решающие позиции на идеологическом фронте. 4 марта Й. Шпачек возглавил руководство идеологической работой, 14 марта Ч. Цисарж стал заведующим отделом образования, науки и культуры ЦК КПЧ, 4 апреля М. Гюбла назначили ректором Высшей политической школы ЦК КПЧ, а 29 мая З. Млынаржа — секретарем Центрального Комитета КПЧ по идеологии.

В условиях всеобщего наступления правого оппортунизма, когда в руках антипартийных сил оказались почти все средства информации, «Руде право» вплоть до 21 августа 1968 г. оставалась единственной газетой, на которую в той или иной мере могли опираться марксистско-ленинские силы в партии.

Главный редактор О. Швестка и группа честных коммунистов вели борьбу против давления правых извне и против правых авантюристов внутри редакции. Некоторые члены партийного руководства (Смирковский, Кригель, Славик, Цисарж, Шпачек)

через голову главного редактора и за его спиной пытались руководить редакцией.

Вплоть до августа 1968 г. в материалах «Руде право» отражалась идейно-политическая борьба в партии и внутри самой редакции.

В июне 1968 г. был принят закон, отменявший какой-либо контроль за печатью. Несколькими неделями раньше центральное управление по вопросам печати было распущено. Практически же его деятельность была приостановлена еще в конце февраля. Однако анархия в средствах массовой информации была вызвана не только этим обстоятельством; главное состояло в том, что партийное руководство перестало управлять ими. В действительности контроль над средствами массовой информации перешел в руки правых, антисоциалистических и открыто реакционных сил.

Средства массовой информации, издательства, учебные заведения, творческие и журналистские организации заполонили активные ревизионисты и реакционеры. Преступные действия против социалистической республики, нарушение обязанностей члена коммунистической партии — вот что, по существу, стало критерием для определения квалификации работника.

Решающие позиции на идеологическом фронте заняла сионистская группа. В нее входили З. Млынарж — секретарь ЦК КПЧ по идеологии, Э. Гольдштюккер в Карловом университете и Союзе писателей, В. Кашпар в организации журналистов, Й. Пеликан на телевидении, а также А. Лим, Г. Лауба, Б. Роган, В. Фухс и десятки других лиц, занимавших важные посты в области культуры, журналистики и искусства. С помощью методов, которыми когда-то Франца Кафку возвели в величину чешской и европейской истории и литературы, ныне они создавали друг другу известность и авторитет.

Анализ выступлений правых сил за период с апреля по август 1968 г. свидетельствует, что контрреволюция на этом этапе вела борьбу прежде всего по двум направлениям. Главным политическим препятствием для нее были марксистско-ленинские силы в КПЧ. Под натиском правых коммунистическая партия тогда практически перестала осуществлять руко-

водящую роль в обществе. Правые ставили задачу законодательно закрепить это положение и захватить власть. КПЧ должна была навсегда утратить марксистско-ленинский характер, превратиться в реформистскую мелкобуржуазную партию националистического толка.

Другой задачей было: изолировать Чехословакию от социалистического содружества, прежде всего разорвать союзнические связи с СССР. Антисоветизм и национализм все более доминировали в идеологическом наступлении контрреволюции летом 1968 г.

Враги социализма, ревизионисты всех мастей признавали, что интернационалистское сотрудничество, прежде всего единство с Советским Союзом, и марксистско-ленинский характер КПЧ являются двумя взаимосвязанными, дополняющими друг друга и неотделимыми сторонами. Поэтому антисоветская националистическая пропаганда являлась главным направлением идеологической диверсии на этом этапе. Все готовилось для политического переворота, провозглашения сепаратистского политического курса и обеспечения победы правых сил на «чрезвычайном» съезде КПЧ.

Буржуазная пропаганда за рубежом приспособилась к тактике внутренней реакции; западные средства массовой информации высказывали то, что правые силы внутри страны еще не могли позволить себе сказать открыто, но они с радостью перепечатывали все это под предлогом «всесторонней информации общественности».

Глашатаи «Свободной Европы» выступали якобы за «возрождение» и «демократический социализм», и другие органы империалистической пропаганды заняли такую же позицию, будто бы им импонировали «чехословацкий эксперимент», «новая модель социализма, ее гуманистические и демократические черты».

Средства массовой информации внутри страны преподносили населению даже представителей монополистического капитала как людей, которые с восхищением взирают на преобразования в ЧССР, с пониманием относятся к «возрождению», готовы его поддержать. Тем самым старательно популяризировали оппортунистическую политику, пытались насаж-

дать симпатии к миру капитализма. Одновременно разжигались антисоветизм, неприязнь к братским социалистическим странам. Критические замечания в связи с действиями контрреволюции в Чехословакии, высказывавшиеся в этих странах, исподволь и расчетливо противопоставлялись дифирамбам Запада.

Чехословацким оппортунистам буржуазная пропаганда создавала широкую международную рекламу с целью поднять их авторитет внутри страны в противовес марксистско-ленинским силам в КПЧ и ЧССР и содействовать распространению ревизионизма в соответствии с антикоммунистическими планами.

Антикоммунистические силы на Западе в это время не только поддерживали антисоциалистическую направленность развития чехословацких событий, но и трезво рассчитывали и продумывали собственные тактические действия. Именно летом 1968 г. с Запада раздавались многочисленные голоса, призывавшие внутреннюю реакцию к осторожности, терпеливости, постепенному устранению социалистических принципов, обдумыванию каждого шага, чтобы не выдать тайных планов и не получить решительного отпора. Поэтому и Збигнев Бжезинский, находясь в Праге в июне 1968 г., был озабочен тем, чтобы «не перегрели котел».

В последней декаде августа контрреволюционные силы должны были приступить в соответствии с планами западных стратегов идеологической диверсии к активным, решительным действиям.

Помощь братских социалистических стран опрокинула политические расчеты контрреволюции захватить власть. Вместе с тем антисоциалистические силы, которым уже нечего было терять, необычайно активизировались.

Некласовое, антиинтернационалистское заявление Президиума ЦК КПЧ, опубликованное 21 августа, придало видимость «законности» антисоциалистическим, антигосударственным действиям этих сил в стране. Прикрываясь этим заявлением и авторитетом партийного органа, силы контрреволюции навязывали свою платформу и вводили в заблуждение население.

Враги социализма в первые часы после вступления братских войск изыскивали наиболее действенные формы поведения в новых условиях. Самозванный «президиум ЦК КПЧ», рожденный «высочанским съездом», назначил главным редактором «Руде право» Й. Секеру. Было заменено также руководство ЧТК. Верные марксизму-ленинизму коммунисты фактически не имели возможности ни публиковаться, ни выступать; истерическая клеветническая кампания, организованная против них, создавала угрозу их безопасности и безопасности их семей.

В течение нескольких дней окончательно нивелировались различия между западной антикоммунистической пропагандой, действующей из-за рубежа, и правой пропагандой в Чехословакии. Ложь и вымыслы ставились в те дни превыше всего. Все было нацелено на крайнее разжигание эмоций и создание невыносимой, накаленной атмосферы.

Систематическая массовая идеологическая диверсия, направлявшаяся военными предписаниями штабов Североатлантического пакта о ведении психологической войны, создавала в Чехословакии атмосферу страха, ужаса, террора и бесправия. Все это соответствовало западным теориям о создании так называемых «психических стереотипов». Заранее предусмотрели, что, хотя лживость провокационных сообщений скоро станет очевидной, в сознании людей останется еще на долгое время чувство пережитого ужаса. С понятием «август 1968 г.» должно было прочно ассоциироваться все то, что в те дни внушали средства массовой информации, листовки на стенах домов и в витринах магазинов и страшные истории, передаваемые из уст в уста.

Эта «психологическая операция», или «психологическая акция», как подобные мероприятия называются в западной специальной литературе по проблемам ведения психологической войны, была связана с осуществлением террора против политически стойких коммунистов, честных граждан, с активизацией преступных и антисоциальных элементов, которые представлялись как авангард «патриотизма»¹.

¹ Годом позднее, при выступлениях контрреволюционных сил в августовские дни 1969 г., 1/4 задержанных составляли лица, осужденные ранее за преступные действия.

Тонко и умело руководимая идеологическая диверсия выдавалась за проявление «стихийной воли народа». Истерическая демагогия была направлена на то, чтобы дезориентировать население, помешать понять классовый смысл событий, раздуть националистические настроения. Антисоветизм стал главным кредо и целью идеологической диверсии. Он никогда еще не распространялся с такой интенсивностью, как в те дни.

После окончания чехословацко-советских переговоров в Москве и после пленума ЦК КПЧ в стране постепенно восстанавливался порядок. Присутствие союзнических войск и обязательства, которые взяли на себя партийные и государственные органы, ограничили возможности идеологических диверсий в Чехословакии. Интернационалистская помощь друзей вернула ЧССР ее конституционные принципы¹.

Однако правые продолжали занимать ведущее положение в органах власти, их позиции в области идеологии еще более упрочились, а основная ориентация, как с точки зрения содержания, так и методов, не изменилась, лишь формы и средства ее выражения стали более тонкими.

Эта пропаганда создавала у общественности впечатление, будто бы свободу мнений парализовало «внешнее вмешательство». Средства массовой информации и главные идеологические учреждения по-прежнему находились в руках правых и контролировались ими. Они пытались доказать, что своим антисоветизмом, национализмом и правым оппортунизмом выражают мнение большинства граждан страны. Правые журналисты настойчиво твердили, что не делают ничего иного, как повторяют высказывания отдельных граждан и выражают интересы разных групп общества.

В Праге в числе задержанных нарушителей было 60 иностранцев, среди них 14 американцев.

¹ Не случайно, что именно основные принципы социалистической конституции ЧССР уже вскоре после января 1968 г. стали предметом нападок и со стороны представителей правых. Например, Й. Смирковский в журнале «Репортер» (21 февраля 1968 г.) заявил, что там, где конституция не будет устраивать (разумеется, «прогрессивные» силы), она будет просто-напросто изменена.

Первые шаги к восстановлению позиций марксистско-ленинских сил предпринимались без участия печати и остальных средств массовой информации. Текст выступлений членов Президиума и секретарей ЦК КПЧ, ЦК КП Словакии и рядовых честных коммунистов размножали на ротаторах, переписывали от руки и распространяли тайно, преодолевая сопротивление представителей правых. Марксисты-ленинцы имели возможность выражать свои взгляды только через радиостанцию «Влтава» и газету «Зправы». Правые круги, которые так ратовали за демократию и свободу взглядов, в действительности создали непреодолимую стену вокруг средств информации, а всякого, кто пытался воспротивиться их диктату, превращали в мишень систематических изощренных нападок.

Всем тем, кто с марксистско-ленинских позиций выступал против антисоциалистических и оппортунистических планов в последнюю неделю августа, стали наклеивать ярлыки «предателей» и «коллаборантов». Теперь эти понятия времен нацистской оккупации использовались против всего, что, по мнению правых, могло привести к укреплению социалистического общественного строя в Чехословакии.

Вопреки политическому и идеологическому террору, развернутому правыми, в партии и ее руководстве продолжалась внутренняя дифференциация, что проявилось на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ (1968 г.). В острой дискуссии родилась резолюция, которая сыграла весьма позитивную роль. И хотя она еще во многих отношениях была компромиссом, а некоторые тезисы оказались противоречивыми, она явилась первым официальным партийным документом, ставшим легальной опорой марксистско-ленинских сил в КПЧ. Резолюция явилась не только результатом и выражением политической дифференциации в партии, но и, что весьма важно, предпосылкой и импульсом ее дальнейшего развития.

В период между ноябрем 1968 г. и апрелем 1969 г. антикоммунистическая идеологическая диверсия осуществлялась в новых, изменившихся условиях. В этот период правые были уже лишены монополии в руководстве идеологией, но все еще сохраняли

решающее влияние в средствах массовой информации. По мере того как в борьбе укреплялись позиции марксистско-ленинских сил, антисоциалистическая пропаганда перешла к демагогическим акциям и кампаниям. Если в последние августовские дни речь шла о массовой психологической кампании, с использованием всех средств и методов идеологической диверсии, то ныне применялись более сложные, более продуманные и искусные ее формы. Контрреволюция стремилась разжечь низменные страсти и политический ажиотаж.

Западная пропагандистская машина оказывала внутренним антисоциалистическим силам поддержку прежде всего тем, что создавала видимость проявления симпатий к их действиям со стороны зарубежной общественности. Пропаганда внутри страны делала все, чтобы такое мнение распространялось в мелкобуржуазных и политически дезориентированных кругах населения. Людей должны были охватить безысходность, нигилизм и скепсис, и в то же время у них должно было сложиться впечатление о поддержке со стороны мировой общественности. Так создавалась атмосфера для политического ажиотажа.

Марксистско-ленинские силы в партии, однако, уже мобилизовали свои ряды. Их влияние расширялось также благодаря тому, что правооппортунистическая группа в руководстве партии ясно показывала свою неспособность и нежелание вывести общество из глубокого кризиса. Многие граждане, которые в 1968 г. поддались иллюзиям «демократического социализма с человеческим лицом» и связывали с ним возможность быстро исправить ошибки и недостатки прошлых лет, убеждались в том, что оппортунистическое руководство не способно решить ни одной проблемы. Все бо́льшая часть населения созревала для понимания того, что правая пропаганда лишь разжигает эмоции и не имеет никакой позитивной программы.

Кадровые изменения в составе Президиума и Секретариата ЦК КПЧ на апрельском пленуме ЦК КПЧ 1969 г. создали решающую предпосылку для преодоления затяжного кризиса в партии и обществе и для процесса консолидации. С избранием

Густава Гусака на пост Первого секретаря ЦК КПЧ открылись широкие горизонты для деятельности партийных и общественных сил, стремившихся к восстановлению марксистско-ленинских принципов в партии и обществе.

Принципиальный поворот в политике руководства партии покончил с антикоммунистической идеологической деятельностью в Чехословакии. Вытеснение правых сил из идеологических учреждений и восстановление марксистско-ленинских принципов в политической жизни ЧССР являлось наиболее сложной задачей, которую к тому же нужно было решить в крайне сжатое время.

Было покончено с антисоветизмом и разгулом шовинизма в стране. Постепенно разворачивалась широкая разъяснительная работа по разоблачению реакционного характера правого оппортунизма и существования контрреволюции. Это способствовало очищению и укреплению партийных рядов и создавало необходимые предпосылки для полной консолидации в партии и обществе.

О методах идеологического разложения

Несмотря на определенные различия в идейно-политических течениях, проявившихся в ЧССР в 1968 г., основная тенденция контрреволюционного развития была общей. Можно сказать, что эволюция правых шла в одном направлении: от отдельных расхождений по вопросам марксистско-ленинской теории и политической практики КПЧ к глубокому политическому разложению партии.

Такова логика ревизионизма и политического ренегатства, выраженная в известной ленинской формулировке: буржуазная идеология или социалистическая, середины тут нет. Развитие событий в Чехословакии еще раз подтвердило, что попытка найти какой-то «третий путь» логически и исторически означает постепенное сползание на позиции буржуазной идеологии. Нередко это происходило даже помимо воли тех, кто шел на компромиссы в идеологии. На антимарксистские, антипартийные позиции скатился и ряд ортодоксальных догматиков, которые

часто оказывались в одном лагере с правыми совершенно случайно.

Как действовал механизм идеологической диверсии в период кризисного развития 1968 г. и начала 1969 г.?

Правые силы систематически организовывали взаимосвязанные кампании. Обычно в качестве предлога использовали какой-нибудь частный случай, который представлялся как типичное явление, и ему придавалась соответствующая идейно-политическая окраска. У этих целенаправленных акций имелись некоторые общие черты. Незначительное событие расписывалось с захватывающими подробностями, при этом основной акцент делался на том, что придавало ему определенное идеологическое значение. Так воздействовали на политически не подготовленных людей, которые даже не сознавали, что стали объектом систематической изощренной манипуляции.

Правая пропаганда стремилась создать впечатление, что происходит борьба мнений с целью найти истину. Так маскировали заранее продуманную тенденцию, реакционную по своей сущности.

Парадокс того периода состоял в том, что пропагандистские фальшивки и небылицы распространялись под лозунгом права общественности на всестороннюю «объективную информированность». В действительности же под прикрытием этого привлекательного лозунга протаскивались реакционнейшие взгляды и откровенные вымыслы антикоммунистической пропаганды.

* * *

Во всей этой деятельности принимали участие представители всех враждебных социализму идейно-политических течений, хотя и в разной мере и с разной степенью инициативы. Постепенно решающая роль от более умеренных, «либеральных» кругов переходила к воинствующим контрреволюционным силам.

Кампании правых были различными по масштабу: локальные, адресованные определенным слоям общества и ограниченные местом действия, и рассчитанные на все общество. Чем основательнее велась

кампания, тем более общим было ее назначение и тем бóльшая роль принадлежала в ней зарубежной пропаганде, у которой заимствовались темы, идейные схемы и аргументация.

Тенденциозной интерпретации решений январского пленума ЦК КПЧ (1968 г.) придавалось особенно важное значение. В «Уроках кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» отмечается:

«Самые активные в то время представители правых сил в ЦК КПЧ О. Шик, Ф. Кригель, Й. Шпачек, В. Славик, Й. Смрковский, Ф. Водслонь, Й. Боровка, В. Прхлик и др. начали выступать перед общественностью с ревизионистским толкованием смысла январского пленума и окружать себя фальшивым ореолом «людей января». Эти выступления, являвшиеся нарушением принципов демократического централизма, послужили одновременно толчком для организации кампании в средствах массовой информации»¹.

На первый взгляд могло показаться, что произвольное толкование решений январского пленума свидетельствовало только о недисциплинированности некоторых членов Центрального Комитета партии. Однако последующие события убедительно доказали, что все это делалось сознательно.

Ревизионистское и оппортунистическое толкование решений пленумов Центрального Комитета партии (в октябре и декабре 1967 г. и в январе 1968 г.) быстро подхватили некоторые журналисты, писатели, идеологические работники и другие — ударная группа правой пропаганды в средствах массовой информации. Особенно активную роль на первом этапе играло радиовещание в силу его оперативности и возможности охватить широкие массы.

Со второй половины января 1968 г. с субъективистскими взглядами и оценками внутривнутриполитической ситуации, а вскоре и с ревизионистскими требованиями и призывами к общественности по радио стали выступать представители правых — Эдуард Гольдштюккер, Йозеф Смрковский, Мартин Вацу-

¹ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 17.

лик, Душан Гамшик, Ярослав Шабата, Эвжен Лебл, Милан Гюбл, Ота Шик, Иван Свитаек и другие.

Сейчас, оглядываясь назад, просто диву даешься, до чего же похожи были лица, получившие возможность влиять на широкие круги населения в тот острый период. Уже тогда, в начале 1968 г., их лексикон, их политические позиции поразительно совпадали. И это не случайно. В то время руководство партии во главе с А. Дубчеком в силу своей неоднородности, отсутствия политического единства и общей слабости, а также в связи со все более активной фракционной деятельностью оппортунистов было не в состоянии разрешить кризис в КПЧ и повести партию и общество по пути стабилизации. Выступила правая оппозиция, она оказалась лучше подготовленной.

Несмотря на некоторые различия во взглядах, правые были едины в главном: отрицали все достижения в строительстве социализма и призывали к отказу от существующего строя, к огульной критике всех завоеваний социализма и, разумеется, сами подавали в этом пример. Ревизионисты и оппортунисты развернули свою пропаганду на страницах газет и журналов. «Студент», «Лидова демократия», «Земедельске новины», «Репортер», «Праце», «Свободне слово», «Культурны живот» старались перещеголять друг друга в сенсациях и грубых антисоциалистических выпадах.

Целью этой кампании было активизировать оппозиционные силы в обществе, не допустить реализации усилий партийного актива, направленных на позитивное, конструктивное решение отдельных проблем социалистического развития.

Именно в этот период группа правых оппортунистов, окружавших Дубчека, парализовала руководство партии и решающих звеньев государственного аппарата. По нескольку недель не собирался даже Президиум Центрального Комитета КПЧ, в то время как правые развернули чрезвычайно активную и реакционнейшую деятельность, поскольку располагали полной свободой действий. Только 6 марта 1968 г. Президиум Центрального Комитета партии решил более подробно информировать низовые партийные организации о решениях состояв-

шихся пленумов. Но было уже поздно. Среди общест-венности все шире распространялось толкова-ние создавшейся политической ситуации, угодное правым силам. С начала марта средства массовой информации взахлеб расписывали так называемую «аферу Шейны». Эта пропагандистская кампания имела весьма завлекательную форму. Все рисо-валось самыми яркими красками и каждый день по-новому.

На первый взгляд это могло показаться лишь беспардонным соперничеством бульварных репорте-ров в погоне за сенсацией. Однако эта кампания была целенаправленной и продуманной, а не слу-чайной и наивной. И хотя речь шла только о Шейне, который оказался политическим авантюристом, мож-но было разглядеть и истинную цель — дискредити-ровать партийные и государственные органы, армию, юстицию.

Прикрываясь этой трескотней, правые захваты-вали господствующие позиции и проводили серьез-ные кадровые изменения в партии. Даже самые ре-акционные органы печати на Западе признают не-посредственную связь «аферы Шейны» с компромета-цией неугодных лиц. «На следующий день после официального сообщения о бегстве Шейны пражское радио впервые открыто критиковало А. Новотного. С этой минуты мешок был развязан...» — писал не-безызвестный Павел Тигрид.

Но речь шла уже не только о Новотном. Путем кадровых перестановок правые добивались измене-ния в соотношении сил с целью захвата власти в стране. Они осуществляли заранее запланированный и подготовленный нажим с помощью средств массо-вой информации, инспирированных резолюций и т. п. Поэтому кризис в обществе не только не уменьшал-ся, а, напротив, углублялся, и тем самым готовилась почва для контрреволюции.

Точную характеристику сложившейся ситуации дает журналист Йржи Гаек в книге «Миф и реаль-ность января 1968 года»: «В эти мартовские дни средства массовой информации развязывают стран-ную кампанию, направленную якобы только на от-странение Новотного, но на самом деле совсем на другое и намного большее. Что касается Новотного,

то это дело давно перестало быть политической проблемой номер один: все уже убедились, что он не способен справиться с возникшим положением. Оставаясь на посту президента до второй половины марта, он тем самым невольно дает предлог правым для спекуляции «антиновотновской» пропагандистской акцией для того, чтобы все более открыто дискредитировать партию, перечеркнуть все ее исторические заслуги, парализовать ее влияние на государственный аппарат и инструменты власти»¹.

Шумиха вокруг «аферы Шейны» явилась первой акцией, имевшей целью скомпрометировать КПЧ и социалистическую государственную власть. Кем в действительности был Ян Шейна, которого правые выдавали за типичного партийного работника, выяснилось позднее, после его бегства из Чехословакии. Он был принят шпионскими службами США и включился в антикоммунистическую пропаганду. Его «воспоминания» сразу же стали использоваться буржуазной печатью и подрывными радиостанциями.

* * *

Через некоторое время «заработала» новая мощная кампания, связанная с именем Масарика. Это произошло как раз в те дни, когда ЦК КПЧ обсуждал, а затем опубликовал «Программу действий».

Эта кампания носила еще более продуманный характер и исходила из западных антикоммунистических центров. Общественности навязывалась старая выдумка о том, что Ян Масарик, чехословацкий министр иностранных дел в послефевральском правительстве К. Готвальда, не покончил жизнь самоубийством, а был якобы убит коммунистами. Эта легенда родилась на Западе в годы «холодной войны» подобно многим другим измышлениям. В марте 1968 г. Иван Свитак вытацил ее снова на свет. Он использовал статью трехлетней давности из западногерманского журнала «Шпигель», автором которой

¹ И. Гаек. Миф и реальность января 1968 года. Прага, 1970, стр. 59.

под псевдонимом Михаэль Ранд был шпион и мошенник Бено Вейгель.

Эта кампания напоминала захватывающий уголовный детектив: телевидение пыталось «воспроизвести события», перед телекамерой «свидетели» давали «показания», и не беда, если эти показания не совпадали, — сюжет от этого становился еще занимательнее и давал еще большую иллюзию поисков истины.

О наглости и беспардонности антисоциалистических сил говорит тот факт, что Свитак преподнес «утку» западной прессы в форме вызова генеральной прокуратуре, хотя широкой общественности хорошо было известно политическое лицо Б. Вейгеля. Органы прокуратуры, якобы по требованию возмущенной общественности, должны были расследовать обвинение, сделанное автором буржуазного журнала, человеком, который всего несколько лет назад был выпущен из чехословацкой тюрьмы, где отбывал наказание за шпионаж и валютные махинации. Примечательно, что некоторые государственные органы, в том числе и органы юстиции, поддерживали эту демагогическую кампанию.

Острые идеологической акции направляли непосредственно против органов безопасности, в то же время фальсифицировали Февраль, выдвигали нелепые, необоснованные обвинения против Клемента Готвальда, использовали самые грязные «аргументы» и вымыслы для создания атмосферы недоверия и опасений в отношении Советского Союза. При этом чехословацкие граждане должны были довольствоваться ролью наивных простачков. Пропаганда самого низкого пошиба проводилась в массовом масштабе, делалась ставка на низменные интересы и жажду сенсации. Типичным явлением стало привлечение деклассированных элементов типа «майора Хлунского». Этот человек — настоящая его фамилия Кадлачек — выступал по радио, телевидению, в печати, а судебными органами был принят, как это ни странно, за главного свидетеля в «деле». В результате проверки основных данных его биографии выяснилось, что он аферист, который сочинил все, вплоть до фамилии и воинского звания. Таким образом, и у «пражской весны» был свой «гетман из Ко-

пеника»¹. Разоблачение авантюриста правая пропаганда, однако, обошла тогда полным молчанием.

Пропагандистская шумиха, связанная с именем Масарика, была в определенном смысле увертюрой к одной из основных идеологических кампаний, направленных против социализма, — кампании по реабилитации незаконно осужденных лиц. И. Свитак в своем так называемом «вызове», брошенном генеральной прокуратуре, назвал расследование обстоятельств смерти Яна Масарика предпосылкой и дословно: «главным вопросом престижа возможных будущих реабилитаций».

Правые силы выдвинули лозунг «полной реабилитации». Этот лозунг они не только прокламировали, но и, в меру сил и возможностей, осуществляли как программу оправдания всех лиц, которые совершили преступления против социалистического общества и по закону были привлечены к ответственности. Мишенью ожесточенных нападков оказались работники органов безопасности, пограничной охраны, национальных комитетов, партийных органов, а героями дня и «невинными жертвами» стали шпионы, террористы и саботажники.

Речь шла не только об очернении честных коммунистов, патриотов и возвеличивании врагов социализма. Это была попытка перечеркнуть все основные моральные ценности социализма. Правые вбивали в головы людей мысль, что за годы социалистического строительства все делалось «совершенно не так». Кампания по поводу так называемых «политических процессов 50-х годов» должна была стать главным средством разложения социалистического сознания людей, подрыва доверия к социалистической системе, Коммунистической партии Чехословакии и политике, основанной на союзе с СССР.

К этой кампании была вновь подключена вся пропагандистская машина. Телевизионные программы вели репортажи из тюрем, в печати публиковали подробности отдельных судебных процессов, причем обвиняемый превращался, как правило, в обвинителя с априорной монополией на правду. В такой обста-

¹ Портной из этого германского города одурачил власти, выдав себя за офицера.— *Прим. пер.*

новке уже одно то, что «привлекался к ответственности», создавало авторитет. Дело дошло до абсурда: враги социализма, осужденные и приговоренные к наказанию, создали открыто действующую политическую организацию. Это был пресловутый клуб К-231.

Стремление честных коммунистов в руководящих органах партии провести проверку судебных процессов и реабилитировать ошибочно осужденных лиц было использовано правыми для того, чтобы поставить под вопрос все ценности социализма. Цели реакции выразил К. Освальд, один из идеологов пресловутого клуба К-231. В июне 1968 г. на инструктаже активистов клуба он заявил следующее: «Членам клуба следует поощрять требования демократизации, требования свободы слова, союзов и демонстраций, отмены цензуры. Мы должны приспособить свою тактику к демократическому процессу, мы должны, используя средства массового воздействия и другие формы, дискредитировать министерство внутренних дел, заставить органы государственной безопасности перейти к обороне, нам надо требовать, чтобы КПЧ открыто обсуждала прошлые деформации и процессы, мы должны подорвать доверие к КПЧ, уменьшить ее авторитет среди рабочих, мы должны добиться чистки коммунистической партии, наша тактика должна быть приспособлена к взятию власти без выстрелов»¹.

В марте 1968 г. средства массовой информации в Чехословакии развязали мощную кампанию против выступления секретаря ЦК СЕПГ Курта Хагера на конгрессе философов в Берлине. Акция ловко инспирированных протестов послужила сигналом к нападкам на братские партии. Отдельные намеки, выпады делались уже давно. Теперь началась фронтальная атака при официальной поддержке.

Предлогом послужило замечание товарища Хагера о том, что западногерманская пропаганда использует антисоциалистические высказывания, появляющиеся в чехословацких средствах массовой информации. Он указал на то, что реакционные круги

¹ «К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев». М., 1968, стр. 73.

в ФРГ цитируют выдержки из некоторых выступлений Йозефа Смрковского¹.

В этом совершенно справедливом замечании правые круги в ЧССР усмотрели «вмешательство во внутренние дела» и «угрозу суверенитету Чехословакии». Правая пропаганда в ЧССР уже не раз дезориентировала население о положении в братских социалистических странах. Она отличалась особой тенденциозностью и высокомерными поучениями, когда речь касалась ГДР и Польши.

Кампания, развязанная в ответ на выступление Курта Хагера, имела целью очернить ГДР, представить ее как источник догматизма, как препятствие в деле достижения урегулирования в Европе. В противовес этому Западная Германия должна была предстать в глазах общественности социалистических государств как страна с высоким жизненным уровнем, с демократическими свободами и т. д. С помощью таких пропагандистских средств пытались притупить бдительность народов социалистических стран, обелить западногерманский империализм.

Выступление товарища Хагера использовалось для того, чтобы показать, что в социалистических странах «не понимают» процесс «демократизации». Настойчиво повторялось утверждение о том, что в Чехословакии с уважением относятся к западноевропейским традициям и пытаются освободиться от «азиатского деспотизма», под влиянием которого находятся-де социалистические страны. Именно в этом, в расхождении между «европейским» и «азиатским» социализмом, уверяла антисоциалистическая пропаганда, кроются причины непонимания процесса «демократизации» в ЧССР. Это был косвенный выпад против Советского Союза в духе старой антисоветской пропаганды. В то время правые еще не решались, по тактическим соображениям, развязывать открытую, широкую кампанию против СССР. Атака на ГДР казалась им более выгодной.

Особую роль в развитии и разжигании антисоветизма сыграли выступление Ч. Цисаржа по случаю 150-летия со дня рождения Карла Маркса и последо-

¹ Выступление К. Хагера было опубликовано в газете «Нойес Дойчланд» 27 марта 1968 г.

вавшая за этим полемика Цисаржа с академиком Ф. В. Константиновым.

6 мая 1968 г. Цисарж, бывший в то время секретарем ЦК КПЧ, выступил в Праге с докладом по случаю 150-летия со дня рождения основоположника научного коммунизма К. Маркса. 14 июня в газете «Правда» была опубликована теоретическая статья академика Ф. В. Константинова «Марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение». В ней был дан критический анализ ревизионистских утверждений, содержащихся в докладе Цисаржа. Цисарж ответил статьей под демагогическим названием «В чем сила живого марксизма-ленинизма. Ответ академику Ф. Константинову».

Академик Константинов критиковал Цисаржа в первую очередь за попытку оторвать ленинизм от марксизма и их противопоставление. В статье «Правды» говорилось: «И в прошлом, и в наши дни можно встретить попытки обвинить ленинизм в так называемой «монополии» на интерпретацию марксизма. Недавно, к сожалению, такую попытку совершил тов. Ч. Цисарж... Выступая в Праге с докладом о 150-летию со дня рождения Карла Маркса, он заявил: «Нельзя отрицать некоторые негативные стороны того... что ленинизм стал со временем монопольной интерпретацией марксизма».

Прежде всего отметим, что Ч. Цисарж в такой трактовке совсем не оригинален. Подобные утверждения коммунисты слышали от Каутского, от русских меньшевиков — Мартова, Дана и К⁰, от правых социал-демократов из ФРГ, от правых социалистов из других капиталистических стран. Начав с критики Ленина и ленинизма, с критики того нового, что он внес в марксизм, все они в конечном итоге порывали с марксизмом. Теперь правые социал-демократы выбрасывают из своих программ даже упоминание слова «марксизм».

Попытки дать иное, не ленинское, толкование марксизма, марксистской философии, марксистской политической экономии, научного коммунизма стали модой среди современных ревизионистов»¹.

¹ «Марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение», вып. I. М., 1968, стр. 29.

Далее Ф. В. Константинов писал: «Идеологи буржуазии и реформисты в рядах рабочего движения давно пытались и пытаются ныне представить ленинизм как только русское явление. Так, например, философ-иезуит Бохенски, ректор Фрейбургского университета, пишет, что ленинизм имеет «чисто русский» характер, что он есть производное от русской культуры, «чуждой западноевропейцам».

Для Бохенски и ему подобных это невежество простительно. Но трудно понять людей, которые стремятся пропагандировать марксизм и вместе с тем пытаются представить ленинизм как явление, связанное только с русскими условиями жизни. С таких позиций выступает, к сожалению, и тов. Ч. Цисарж»¹.

Цисарж пытался на словах отклонить критику академика Ф. В. Константинова, но не смог опровергнуть ее какими-либо аргументами. Напротив, своим ответом он только подтвердил ее полную обоснованность.

Цисарж не считал марксизм-ленинизм единой и цельной идейно-политической основой международного коммунистического и рабочего движения современной эпохи. Признавая, что «в ленинских произведениях можно и сейчас найти много ценных анализов и выводов», он тут же фактически отрицал значение и общеприменимость ленинского идейного наследия.

Цисарж стремился уверить в существовании альтернативы: либо принять ленинское учение, либо изучать объективную реальность.

Трудно представить, что у такого человека, как Цисарж, речь шла о непонимании или недоразумении. Это был открытый идеологический выпад, стремление рассматривать актуальные чехословацкие проблемы в духе политики ревизионистской и оппортунистической фракции в руководстве партии и в отрыве от теоретических положений марксизма-ленинизма.

С характерным для него высокомерием Цисарж стремился принизить всю теорию марксизма-ленинизма, восхваляя так называемое «чехословацкое

¹ «Марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение», вып. I, стр. 31.

возрождение». Он писал о «ренессансе социализма», об «экспериментальном характере» так называемой «новой политики», которая «идет по непроторенному пути».

Вместе с другими ревизионистами Цисарж толковал ленинизм как один из «временных», «национальных вариантов» марксизма. Я. Фойтик в докладе на московской теоретической конференции в январе 1970 г. сказал: «Утверждение Цисаржа следует считать попыткой опровергнуть тезис, что ленинизм — это марксизм нашей эпохи, что без ленинизма нет современного марксизма»¹.

В газете «Руде право» Цисарж писал: «Я мог бы усмотреть политический умысел в статье Константинова, которая направлена, конечно, не только против моего доклада о Марксе, но косвенно затрагивает и мою ответственность за современную политику нашей партии — в чем я безоговорочно признаюсь — и мою полную политическую приверженность...» «Усматривать» этот умысел не требовалось. Политический смысл статьи академика Ф. Константинова был совершенно ясен. Его критика отражала опасения по поводу ревизионистских тенденций в политике той части руководства КПЧ, к которой как раз принадлежал Цисарж. Ревизионистская позиция секретаря Центрального Комитета КПЧ вызывала понятную озабоченность в КПСС.

В июне 1968 г. в Чехословакии прошла новая серия антикоммунистических и антисоветских кампаний; многие честные коммунисты были изгнаны со своих постов; контрреволюционные силы выступали все более открыто. Истинные марксисты-ленинцы тщательно требовали принятия решительных мер по защите основных социалистических конституционных принципов. Это происходило после майского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ, на котором многие ведущие партийные работники выразили опасения в связи с ростом антисоциалистических сил и требовали действенной борьбы против правой опасности. Волею случая опубликование статьи Ф. В. Константинова совпало с пребыванием в Праге небезызвестного экс-

¹ «Против современного антикоммунизма». Прага, 1970, стр. 78.

перта по антикоммунистическим делам Збигнева Ежезинского. Неделю спустя после появления ответа Цисаржа вышло контрреволюционное воззвание — «2000 слов».

Доклад Цисаржа, его реакция на критику академика Константинова были звеном в цепи реакционных идеологических кампаний 1968 г. Хотя она была менее шумной по сравнению с такими кампаниями, как «афера Шейны» или возня вокруг имени Я. Масарика, но ей придавалось немалое значение. Эта кампания была направлена в первую очередь против устава партии и рассчитана главным образом на работников идеологического фронта. Ответ Ч. Цисаржа на статью советского ученого был своеобразным сигналом для еще большей активизации антисоциалистических и оппортунистических сил в стране.

* * *

Правая пропаганда взяла на свое вооружение национализм. Она проповедовала шовинизм, умалчивала о классовых интернациональных узах Чехословакии с другими социалистическими странами.

Взаимосвязанными звеньями в этом процессе были кампания правых антисоциалистических сил против проведения союзнических военных учений на территории ЧССР и кампания, инициаторы которой призывали отклонить Варшавское письмо пяти коммунистических и рабочих партий Центральному Комитету КПЧ¹.

В этих кампаниях выявилась связь между антисоциалистическими силами и правым крылом в руководстве КПЧ и в государственных органах. Крайне правые силы, прибегая к демагогии, оказывали нажим на руководство партии, их представители, заседавшие в руководящих органах, и не думали о том, чтобы принимать какие-либо меры против этого нажима.

¹ Письмо, принятое 15 июля 1968 г. в Варшаве на встрече представителей коммунистических и рабочих партий Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза. Правооппортунистическое руководство КПЧ отказалось принять участие в совещании братских партий в Варшаве.

Правые в руководстве партии бесконечным беспринципным лавированием ставили КПЧ на грань разрыва с братскими партиями. Например, именно 15 июля, в день, когда представители пяти социалистических стран на Варшавской встрече направили совместное письмо Центральному Комитету КПЧ и таким образом наметили путь к договоренности, бывший в то время заведующим отделом ЦК КПЧ В. Прхлик выступил на пресс-конференции в Праге с резкими выпадами против Варшавского Договора. Об этом сразу стало известно во всем мире. Такое выступление нельзя было расценить иначе, как намеренную акцию с целью помешать намечавшейся договоренности.

Перед встречей чехословацких и советских представителей в Чиерне-над-Тиссой 29 июля — 1 августа 1968 г. правые развязали националистическую истерию, выдвинув трактуемые в националистическом духе лозунги о свободе и суверенитете. С этим были связаны появление в газете «Литерарны листы» статьи «Послание граждан Президиуму ЦК КПЧ» и «сбор подписей» в Праге и других городах страны. Редакция братиславской «Смены» предложила использовать сирены в качестве сигнала ко всеобщей забастовке. Правооппортунистические силы организовали пропагандистскую кампанию за «национальное единство» против братских социалистических стран под лозунгами времен буржуазной республики. 27 июля по телевидению выступил Дубчек, который, по существу, поддержал националистическую антисоветскую истерию. Националистический угар, толкавший страну к разрыву с социалистическими странами во время предстоящих переговоров, он охарактеризовал как «мудрость и зрелость».

В этой связи нельзя не вспомнить передовой статьи первого номера журнала «Сведецтви» за 1956 г. Основной стратегической задачей антикоммунистических сил было стремление изолировать Чехословакию от Советского Союза, «а там видно будет...». В 1968 г. национализм и антисоветизм стали политической платформой правых в руководстве партии, а их пропаганда в тот период отвечала целям и задачам антикоммунистической стратегии и тактики.

Товарищ Густав Гусак на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г. сказал: «Нам часто задают вопрос: достаточно ли было у нас внутренних сил для защиты социалистических завоеваний? Да, сил было достаточно... Однако после января 1968 г. в руководстве Коммунистической партии Чехословакии не было единства ни в оценке положения, ни в отношении программы, перспективы и целей, а еще меньше — в области проведения конкретных неотложных мероприятий»¹.

В тот момент не было организующей силы, которая могла бы возглавить честных людей, придерживающихся социалистических взглядов, убежденных коммунистов и марксистов-ленинцев, положить конец контрреволюционному наступлению. Оставался только один выход, трудный и тяжелый, который в первый момент не сумели правильно понять даже некоторые честные граждане в Чехословакии и некоторые прогрессивные люди за ее пределами, — интернационалистская помощь пяти братских социалистических стран.

* * *

Тактика контрреволюционных, антикоммунистических сил в первую неделю после 21 августа 1968 г. заслуживает обстоятельного анализа. Рассмотрим только некоторые, наиболее характерные методы, которые использовались ими в тот период.

Империалистическая идеологическая диверсия, направленная против ЧССР, приняла небывалые размеры. Но все то «новое», что она принесла с собой, было лишь углублением и абсолютизацией прежних выводов. И опять ставка делалась на эмоциональное воздействие, на клевету и дикие вымыслы, которые фабриковались в большом количестве. Контрреволюция «играла на чувствах», используя для этого всевозможные средства: измышления об арестах, ограблениях и т. п. Изо дня в день по радио, телевидению, в печати, в листовках распространялись ложные слухи об изнасилованиях, грабежах, взломах, арестах и угоне людей в неизвестном направлении. Для боль-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969». Прага, 1969, стр. 520.

шей достоверности сообщались номера машин, которые якобы возят арестованных; по радио повторялись провокационные призывы добровольно сдавать кровь для «спасения» жизни «раненых». Примечательно, что эта чистейшей воды ложь, скроенная по единому шаблону, распространялась одновременно в разных концах республики. Например, так называемая «радиоэстафета», в которую в отдельные дни включалось до 15—20 радиостанций в Чехии и Словакии, повторяла «подробности» об арестах, тогда как в действительности ни один человек не был арестован; о реквизициях продуктов союзными войсками, тогда как войска братских стран обеспечивали себя (в том числе и продовольствием) из собственных источников и никак не могли нарушить снабжение продовольствием населения ЧССР. Откуда на самом деле грозило разграбление и террор, показали через год, в августе 1969 г. бесчинства провокаторов и хулиганов, разбитые витрины и разграбленные магазины.

О роли идеологической диверсии в тот период свидетельствует издание правыми силами сборника «Семь пражских дней». В антикоммунистических кругах он именовался как «Черная книга». В него вошли антисоветские статьи, радиосообщения, надписи на стенах и т. п., которыми антисоциалистические силы реагировали на интернационалистскую акцию братских стран. Анализ этих махрово реакционных материалов говорит о том, что идеологическая диверсия особенно широко использовала тогда ложь, шовинистические и эмоциональные настроения, причем речь шла не столько о националистических чувствах, сколько о примитивных способах нагнетания страха, ужаса, отчаяния и ненависти¹.

Разгул антисоциалистических сил в августе 1968 г. еще раз подтвердил общую закономерность:

¹ «Черная книга» — яркий пример распространения лжи, фантастических вымыслов самого низкого пошиба под прикрытием Чехословацкой академии наук. Ее подхватили антикоммунистические круги за рубежом, книгу перевели на многие языки. Характерно, что авторы получили за эту антикоммунистическую фальшивку от правых большое денежное вознаграждение.

чем интенсивнее антикоммунистическая пропаганда, тем бóльшую роль играет в ней антисоветизм.

* * *

Националистический угар имел целью помешать людям правильно понять истинный классовый смысл событий. Правая пропаганда создала миф об «оккупации». Это была очередная долговременная кампания, главное направление послеавгустовской идеологической диверсии. Она использовала неклассовое, антиинтернационалистское, антипартийное заявление Президиума ЦК КПЧ, принятое в ночь с 20-го на 21-е августа.

Правая пропаганда произвольно выдергивала также отдельные моменты из периода фашистской оккупации, всячески пытаясь отождествить их с современным периодом, воздействовать на психику людей, оживить в памяти чувства неуверенности и страха. Средства массовой информации и культуры были наводнены тематикой, взятой из времен гитлеровской оккупации. Показывались старые фильмы, вытаскивались старые пьесы, декламировались стихотворения того времени. В правой печати из номера в номер публиковались исторические опусы времен протектората. Всему этому был один общий знаменатель — извращенное изображение действительности при замалчивании главного — буржуазной классовой сути германского фашизма и чехословацких коллаборационистов, замалчивании руководящей роли КПЧ в борьбе против оккупации и особенно в освобождении Чехословакии, восстановлении ее государственного и национального суверенитета с братской помощью Советского Союза и его армии.

В течение последней декады августа контрреволюционные и правые силы пытались лишить марксистов-ленинцев их позиций в партии, государственных органах и общественных организациях. Подлинные марксисты-ленинцы подвергались травле, угрозам и т. д.

Характерным примером была кампания, развязанная против 99 рабочих завода «Авто-Прага», написавших письмо в московскую «Правду». Некий социолог Йодл поместил в газете «Свободне слово»

9 августа статью под многозначительным заголовком: «Право всадить нож в спину». Эти слова были взяты из жаргона нацистских идеологов в Германии. Нельзя не поразиться, до чего же реакция мало ломала себе голову над изобретением нового лексикона. Ее неудержимо тянуло к тем средствам, которые уже были в ходу. Против 99 человек, осмелившихся поднять голос в защиту принципа социалистического интернационализма и выразить опасения по поводу опасного контрреволюционного развития в стране, была развязана ожесточенная психическая атака.

* * *

Подобных случаев становилось все больше, а после 21 августа преследования и травля честных людей слились в один контрреволюционный поток произвола и насилия. В эту кампанию включились все правые силы, начиная с оппортунистов в Президиуме ЦК КПЧ и кончая самыми махровыми антикоммунистическими агентами из клуба К-231, КАН и им подобных. Так, Кригель и Смрковский после заседания Президиума ЦК КПЧ в ночь с 20-го на 21-е августа метались по всей Праге, истерически призывая ненавидеть всех тех, кто остался на марксистско-ленинских позициях¹. Часа через два Иван Свитаk уже вопил по боннскому телевидению: «Стреляй, ведь дело идет о твоей шее! Не верь идеологии! Мысли, как европеец! Тащи на виселицу всех, кто сотрудничает с русскими!»

Итак, с одной стороны — Кригель и Смрковский, с другой — Свитаk. С одной стороны, травля честных марксистов-ленинцев, с другой — призыв к линчеванию. А смысл один и тот же: развязать террор, истерию, сделать невозможным для здоровых сил в партии, трезво мыслящих граждан республики повлиять на общественное мнение и вообще высказаться по поводу возникшего положения, его причин, последствий и характера. Любая дискуссия была предопределена заранее: тот, кто не считает данные события национальным оскорблением и оккупацией,—

¹ См. О. Швестка. Как это было в ночь с 20-го на 21-е августа 1968 г. («Трибуна», 20 августа 1969 г.; «Руде право», 21 августа 1969 г.).

предатель и коллаборационист, и с ним и его семьей надо обращаться соответственно.

Контрреволюционеры и националистические фанатики преследовали семьи многих коммунистов и честных граждан, громили квартиры, оскорбляли и истязали женщин, стариков и детей.

Политическая реакция сомкнулась с уголовными элементами и пыталась организовать белый террор. В Кошицах, например, жену партийного работника террористы волокли по улицам, сорвав с нее одежду и вымазав дегтем. От зверского убийства ее спасли только мужество и находчивость сограждан.

Еще раз подтвердился тот факт, что от антикоммунистической пропаганды до антикоммунистического террора — рукой подать. В этой обстановке главной и единственной преградой на пути контрреволюции явилась энергичная и своевременная акция братских социалистических стран. Присутствие союзнических армий помешало контрреволюционным силам развернуть белый террор во всю ширь.

Внутренняя и международная реакция всячески стремилась помешать тому, чтобы чехословацкая и мировая общественность правильно восприняли интернационалистскую помощь братских социалистических стран, правильно поняли истинный смысл этого события, а именно: что эта помощь воспрепятствовала контрреволюционному развитию и ликвидации социалистического строя, защитила конституционные принципы Чехословацкой Социалистической Республики.

* * *

Изменение общей политической и идеологической обстановки в Чехословакии после августа 1968 г. оказало свое влияние и на методы идеологической диверсии.

Одной из типичных идейно-политических акций правых сил была так называемая «оккупационная забастовка» студентов в ноябре 1968 г. Правые круги рассчитывали на то, что молодые люди, явно политически незрелые, попадутся на приманку демагогии и что их легче толкнуть на авантюру. Это был своего рода пробный шар, который должен был выяснить возможности правых в новой обстановке.

Студенты должны были создать видимость массовости «сопротивления», хотя в действительности они служили просто ширмой. На их митингах выступали главные пропагандисты правых, такие, как Душан Гамшик, Йозеф Шкворецкий, Владимир Шкутина, Карел Кинцл, Людвик Вацулик, Вацлав Гавел, Людвик Пахман, Йиржи Гохман и другие.

«Оккупационной забастовкой» правые пытались поддержать свой авторитет, активизировать антисоциалистические силы, а главное — парализовать работу проходящего пленума ЦК КПЧ.

17 ноября ЦК КПЧ принял резолюцию «Главные задачи партии в ближайший период». Это была первая, во многом еще непоследовательная, но все же критическая оценка общественного развития в 1968 г. Резолюция осудила антисоциалистические силы и подчеркнула опасность правого либерализма. 18 ноября, то есть на следующий день после принятия этого документа, началась студенческая забастовка, она сопровождалась мощной пропагандистской кампанией правых сил, направленной на то, чтобы отвлечь внимание общественности от пленума Центрального Комитета КПЧ, тем более что на этот раз на пленуме произошло открытое столкновение марксистско-ленинских сил с правыми оппортунистами.

Однако и на этот раз планы реакционных кругов потерпели крах. В чем причина этого? Безусловно, не в том, что правые действовали недостаточно ловко. Они проявили большую активность и накопили богатый опыт в предыдущий период. Дело в том, что люди, поддававшиеся до тех пор демагогическому дурману правой пропаганды, разуверились в ней, поняли ее истинный смысл. Марксистско-ленинские силы в партии укреплялись, ширилось их влияние, а итоги ноябрьского пленума ЦК КПЧ давали им стимул к дальнейшим усилиям.

Вскоре правые поняли, что студенческая забастовка провалилась. Журнал «Карлов Университет» писал: «Если понаблюдать за активностью функционеров забастовочных комитетов, распираемых от сознания собственной важности, за ссорами из-за формулировок официальных коммюнике, за мышинной возней по поводу вопроса о том, устраивать или не устраивать пресс-конференцию... нельзя отде-

латься от досадного чувства, что все это отдает ребячеством. Повсюду можно было встретить только студентов первых двух курсов. Большинство студентов старших курсов, что вполне очевидно, не проявило к этому никакого интереса или же стыдилось участвовать в этой возне первокурсников. Нигде также не было видно признаков деятельности тех, кто претендовал ранее на роль студенческих вождей. Видимо, они сидели за ширмой и дергали за нитки...»

В этом же журнале Карл Кинцл поучал студентов, как извлечь уроки из неудачной забастовки и как совершенствовать антисоциалистическую тактику.

* * *

Провалом окончилась также кампания правых за выдвижение кандидатуры Й. Смрковского на пост председателя Федерального собрания ЧССР.

Дифференциация в партии и обществе становилась все более явной. Неудача, которую потерпели правые в борьбе за важный пост, означала для них значительную утрату позиций. Важно было не только то, что Смрковский не был избран на этот пост, но и то, что общественность, на которую рассчитывали правые, осталась равнодушной к этому факту. Хотя правые и угрожали всеобщей забастовкой и стряпали различные резолюции и декларации, но объявить забастовку все же не осмелились. Они сознавали, что объявление массовой акции и ее провал означал бы открытое поражение и значительную, если не окончательную, утрату своего влияния на массы.

Несмотря на сотни инспирированных резолюций, скрепленных подписями и печатями, правые не пользовались поддержкой рабочего класса. Правые силы окончательно убедились в этом в августе 1968 г., когда их попытки спровоцировать выступления рабочих коллективов некоторых крупных предприятий не увенчались успехом.

С осени 1968 г. антисоциалистические элементы делали попытки создать так называемые «рабочие советы» на фабриках и заводах, проташить ревизионистский закон о предприятиях. Реакция хотела разложить социалистическую систему общественной собственности, поставить во главе предприятий пра-

вых деятелей, вынесенных на поверхность волной «возрождения», лишить партию и государство, а тем самым и рабочий класс, экономической базы и в то же время открыть путь к мелкобуржуазному анархосиндикализму.

Реакционным силам удалось захватить важные позиции в профсоюзах. Им удалось провести съезд, принять оппортунистические программные и организационные решения. Окопавшись в профсоюзах, правые развернули мощную кампанию. Они пытались убедить трудящихся, что социалистическая экономика не может удовлетворить их потребности и что инструментом для осуществления их интересов должны стать в первую очередь органы местного самоуправления на предприятиях.

Однако рабочий класс не поддался на эти лозунги. Оказалось, что правые силы недооценили политической зрелости и степень сознательности рабочего класса.

Рабочий класс хорошо помнил времена буржуазной республики. Старшие товарищи знали цену социал-реформизму, были знакомы с культом Т. Г. Масарика и националистической фразой. У них был опыт политической борьбы против социальной демагогии во времена домюнхенской республики.

1968 г. подтвердил тот факт, что самую зрелую в политическом отношении часть КПЧ составляют партийные организации на предприятиях, хотя их работе в предыдущие годы зачастую не уделялось должного внимания. Коммунисты на предприятиях чаще всего выступали с требованием покончить с антисоциалистическими силами. Состоявшийся в середине июня 1968 г. общегосударственный актив народной милиции в Праге, на котором присутствовало 11 тысяч бойцов, вылился в стихийную манифестацию дружбы с Советским Союзом. Его участники потребовали принятия энергичных мер против реакции.

В ответ на это правые тут же организовали «сбор подписей» за роспуск народной милиции.

В том, что чехословацкий рабочий класс не выступил еще более решительно и эффективно против контрреволюции и антисоциалистических сил, прежде всего была вина правой группировки в партий-

ном руководстве КПЧ. Действиям рабочего класса и трудящихся против реакционных сил не доставало самого главного и необходимого — руководящей классовой силы — боееспособной коммунистической партии, единого руководства в борьбе с контрреволюцией на всех уровнях. Без этого рабочий класс не мог в решающий момент выполнить до конца свою историческую миссию.

Рабочие коллективы являлись главной опорой здоровых марксистско-ленинских сил, боровшихся за идейное размежевание в партии, за поражение правых, за восстановление в стране социалистических принципов. Апрельский пленум ЦК КПЧ в 1969 г., его решения нанесли решающее поражение антисоциалистическим и оппортунистическим силам. Этот пленум состоялся главным образом потому, что революционные марксистско-ленинские силы могли опереться на рабочий класс, что они встретили поддержку его сознательной части.

* * *

В начале 1969 г. реакция сумела организовать политическую кампанию, которая по своему цинизму и бесчеловечности не имела себе равных. Произошло самосожжение молодых людей, «живыми факелами» называли их правые.

Публичное демонстративное самосожжение студента Яна Палаха послужило поводом к новому разжиганию антипартийного и антисоветского психоза. Это событие, рассчитывали правые, помогало выполнить ту же, что и ранее, задачу — отвлечь внимание граждан от пленума ЦК КПЧ. На этот раз, оценив неблагоприятную для них ситуацию, сложившуюся после ноябрьского пленума, правые готовились более основательно. Изменились тактика и методы действий оппортунистических сил. Предпочитая не выяснять истинные причины трагического поступка двадцатилетнего парня, контрреволюционные силы использовали его гибель для идейно-политической спекуляции. Журнал «Зитржек» писал: «И вот в девять часов начался пленум, а шестью часами позже перед выщербленными выбоинами стенами Национального музея вспыхнул живой факел. Он горел в

тот момент, когда в Испанском зале велась дискуссия о перспективах».

Еще более цинично и демагогично подчеркнул взаимосвязь между пленумом ЦК КПЧ и самоубийством Я. Палаха в том же журнале другой автор: «Если бы жертвовал собой кто-то более сильный, более влиятельный и более известный, если бы друг за другом сожгла себя большая часть исполнительного комитета ЦК КПЧ, если бы сожгли себя все секретари и министры, это не вызвало бы в тот момент такого потрясения и — я уверен в этом — не имело бы такого значения... Этот поступок... значил больше, чем заседание, которое как раз происходило...»

Дело шло не о фанатизме одиночек; истинные причины выяснились в последующие дни из письма Бланки Нахазеловой. Эта студентка отравилась газом у себя дома. Из ее письма, значение которого правая пропаганда всячески пыталась умалить, стало ясно, что девушку вовлекли в группу потенциальных самоубийц, которые служили орудием контрреволюционных сил для дальнейшего политического шантажа. В отчаянии и страхе перед своими бывшими сообщниками она написала родителям: «умираю этим способом. Так намного легче, но для меня все равно тяжело, мне так хочется жить!»¹

Кампания, развязанная правыми вокруг «живых факелов», — доказательство реакционности и крайней бесчеловечности ее режиссеров, в жертву которым были принесены молодые жизни. На этот раз правым удалось добиться широкого резонанса. Демонстративное самоубийство, да еще совершенное столь жестоким способом, молодого, симпатичного парня послужило сигналом к подъему новой волны антикоммунистической пропаганды, которая сбивала с толку даже многих прогрессивных людей.

Человеческое сострадание к трагической гибели юноши пытались использовать для политической поддержки оппортунистических и антисоциалистических кругов, стремились настроить общественность против марксистско-ленинских сил, интернационалистской помощи.

¹ «Руде право», 27 января 1969 г.

Правые сделали из гибели Яна Палаха чудовищную рекламу: печатали фотографии, накручивали фильмы, продавали граммофонные пластинки. Частью кампании явилась грандиозная похоронная процессия, организованная в виде политической демонстрации, хотя многие люди участвовали в ней просто из человеческого сострадания или из любопытства. Это событие послужило поводом для реакционных выступлений. На этот раз слово было за правыми представителями просвещения и студенческих союзов. Выступали ректор Карлова Университета Олдржих Старый, министр просвещения Вилибальд Бездичек, студенческие «вожди» — Дымачек, Тоуш и другие. Они старались перецеголять один другого, каждый сеял тревогу, чувство неуверенности и отчаяния, разжигал вражду к тем внутренним и внешним силам, которые добивались нормализации и консолидации социалистического строя.

Спекуляция на смерти Я. Палаха носила от начала до конца утилитарный характер. Реакция великолепно сознавала, откуда грозило ей серьезное политическое поражение, и стремилась направить возможное возмущение общественности против самых опасных противников. «Доктор Гусак... жертва студента должна послужить для вас предостережением...» — публикует 29 января 1969 г. «письмо» какого-то неназванного читателя журнал «Зитржек».

Постоянный политический комментатор этого реакционного еженедельника Михал Лакатош писал: «Есть ли в нашей стране сила, которая была бы способна ликвидировать разверзающуюся пропасть? Можно ли еще это сделать? Я призываю к этому всех тех, в чьих руках политическая власть...»

Ответ он получил скоро. Ответ был дан апрельским (1969 г.) пленумом ЦК КПЧ и последующим политическим курсом нового руководства партии.

Такому решительному политическому перелому предшествовала еще акция контрреволюционных сил после хоккейного матча чехословацких и советских спортсменов на первенство мира. На этот раз особенно усиленно пытались разжечь страсти толпы. Это говорило о переходе контрреволюции к фашистским методам манипуляции общественным мнением при помощи атмосферы страха и безудержного насилия.

Несколькими месяцами позднее, в августе 1969 г., это подтвердилось еще раз. Августовское контрреволюционное выступление, проявившееся в виде варварских разрушительных действий, встретило решительный отпор со стороны партийного и государственного руководства, а также общественности, которая не только не поддержала этой акции, но и осудила ее.

* * *

Вся цепь кампаний, организованных правыми и контрреволюционными силами, имела некоторые общие теоретические подходы и психологические принципы.

Самой характерной их чертой было упрощение, искусственное выпячивание отдельных сторон, отрицание диалектического развития.

Нельзя опровергнуть путем утверждения то, чего на самом деле никогда не было. Наиболее частым и наиболее опасным извращением правильного толкования действительности является подчеркивание лишь определенных сторон, причем в ложных взаимосвязях. Такую неправду труднее заметить, а упрощенные схемы даже кажутся порой более правдоподобными, чем сложное отражение объективной реальности.

Этим приемом пользовались в прошлом все реакционные идеологи. В 1967 г. Душан Гамшик, один из представителей правых среди писателей, интерпретировал гитлеровскую точку зрения на данный вопрос следующим образом: «Масса руководствуется не законами объективности и убежденности — ее сила кроется в фанатизме веры, а никак не в знании. Вот почему она не терпит никакой неясности, требуя, чтобы все было сведено к однозначным схемам: либо ненависть, либо любовь, либо справедливость, либо несправедливость, либо правда, либо ложь... Масса требует простых и всем понятных выводов; их должно быть немного, их нужно без конца освещать с разных сторон и твердить без устали при каждом удобном случае».

Гамшик вместе со своими политическими и идеологическими единомышленниками сам скатился к таким методам. В конце концов это уже не зависело

от его субъективных намерений. Без упрощений и метафизики буржуазная и ревизионистская пропаганда обойтись не может.

Если взять любой материал правых образца 1968 г. и подвергнуть его диалектическому анализу, то методология схематизма будет всегда налицо. Общие принципы марксизма-ленинизма и закономерности строительства социализма в конкретных чехословацких условиях подменялись надуманными и фальшивыми противопоставлениями. И прежде всего вопросом: советская или чехословацкая «модель»?

Это «или — или» втискивало диалектику жизни в крайне упрощенные схемы и имело целью подтолкнуть людей к ответу, подсказанному самим вопросом: возврат к методам 50-х годов или социализм с человеческим лицом? Административно-бюрократическое управление экономикой или стихия товарного рынка? Свобода граждан или диктатура пролетариата? Суверенитет Чехословакии или единство социалистического содружества? И так далее.

Конкретно-исторический классовый подход к общественным явлениям и проблемам правые подменяли повторением стереотипов. Такие понятия, как свобода, демократия, гуманизм, суверенитет, социализм, нация и т. п., трактовались ими как внеисторические, внеклассовые схемы. Таким образом, борьба за социальный прогресс перестала пониматься как классовая необходимость, обусловленная объективной диалектикой развития производительных сил и производственных отношений. Сам прогресс как бы превращался в идеалистическую утопическую схему, которая без учета конкретных исторических и классовых условий должна была отвечать безграничным требованиям «совершенства», надуманным мелкобуржуазными интеллектуалами. Социализм, при таком его ревизионистском понимании, превращался из науки в утопию.

«Само собой разумеется, что утопизм, который до появления материалистически-критического социализма носил в себе этот последний *in nuce* (в зародыше.— *Прим. ред.*), теперь... *post festum* (задним числом.— *Прим. ред.*), может быть только нелепым,—

нелепым, пошлым и в самой основе своей реакционным»¹.

Не случаен и тот факт, что реакция выступила в первую очередь против ленинизма. В свое время В. И. Ленин, претворяя в жизнь основные марксистские принципы, поставил задачу соотносить их с данной исторической и классовой реальностью. Именно поэтому во всей своей творческой деятельности он всегда уделял главное внимание вопросам взаимного опосредствования теории и практики.

Правые, пытаясь подменить классовый подход националистической схемой, оказались в противоречии с ленинским понятием о двух, классово противоположных культурах в традициях и наследии каждого народа. Абсолютизируя лозунг «демократизации», правые вступали в прямое противоречие, в частности, с ленинским тезисом о решающем значении классового содержания государственной власти.

В. И. Ленин рассматривал революционный процесс конкретно исторически. Он указывал, что подчинение политики надуманным представлениям порождает волюнтаризм и левачество и в конечном итоге служит контрреволюции. Ленин диалектически увязывал систему марксистского мировоззрения, коммунистическую программу с тщательным анализом конкретной исторической обстановки. Ленин как основатель и руководитель международного коммунистического движения осуществлял и непрерывно обогащал тесную взаимосвязь теории и практики, научного социализма и революционного рабочего движения, умело сочетал принципиальность и реализм. Этот ленинский принцип по-прежнему остается главным условием успешного развития рабочего движения, основной предпосылкой осуществления прогрессивными силами своей исторической роли в борьбе против империализма и реакции.

Ревизионизм в Чехословакии проявлялся в первую очередь как антиленинизм и тем самым отражал общие черты современного международного ревизионизма и антикоммунизма.

Правые догматики подменяли конкретный классовый анализ упрощенными, надуманными паралле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 235.

лями, игнорируя исторические и классовые различия и противоречия. Одним из распространенных приемов реакционной пропаганды было искусственное «создание авторитетов». С одной стороны, порочились неугодные лица, с другой — создавались «личности».

Против политически неугодных правым силам лиц начиная с первой половины 1968 г. применялся стереотипный прием: сначала разворачивалась мощная атака средств массовой информации с целью вызвать у населения неприязнь к этим лицам; затем на различных собраниях организовывались критические резолюции, которые выдавали за «требования снизу», и, наконец, от официальных органов требовалось исполнить «волю народа». Неугодных правым силам лиц снимали с занимаемых постов как «утративших доверие». Так осуществлялась замена руководящих кадров. При этом, однако, утверждалось, что эти люди уже «не могут справиться с поставленными задачами» и «тормозят» развитие общества. Вскоре стало совершенно очевидно, что кадровые изменения вызваны отнюдь не заботой об успехах социализма, а проводятся с целью укрепления позиций правых. С руководящих постов снимались способные, честные коммунисты, а вместо них в большинстве случаев назначались лица, которые во всем следовали политическому курсу правых или были готовы его поддерживать.

Шельмование и моральный террор имели различные цели и разные последствия. В некоторых случаях правым силам удавалось добиться полной политической и моральной деградации людей, толкнуть их на самые крайние правые позиции. Иногда опороченные люди кончали жизнь самоубийством.

После августа 1968 г. методы борьбы с неугодными людьми несколько изменились. Утратив возможность беспрепятственно продолжать политическое устранение неугодных им людей, особенно на высшем уровне, правые развязали безудержный моральный террор. Они пытались изолировать марксистско-ленинские силы, лишить их возможности влиять на общественность. Товарищи Биляк, Швестка, Кольдер и Риго, которые вместе с товарищами

Гусаком, Индрой, Якешом, Шалговичем и другими выступили против осуждения интернационалистской помощи ЧССР со стороны братских стран, стали объектом грубейшей травли и клеветы, распространяемой средствами массовой информации.

Поскольку никаких порочащих эти лица фактов не было, выдумывали скандальные истории, «приклеивали» к ним уничижительные ярлыки. В ряде случаев правые журналисты представляли своих противников в виде полуинтеллигентных, комичных, но вместе с тем вредных и опасных людей. Так называемые «беседы» перед телекамерой, которые были инсценированы с некоторыми честными коммунистами, скорее напоминали глумление, чем беседы. Интервью при опубликовании искажались.

Оборотной стороной кампании преследования и шельмования честных работников стало искусственное раздувание «популярности» определенных людей. «Людей января» всячески рекламировали по телевидению и радио. Вскоре всплыли на поверхность до того совершенно неизвестные лица, популяризовавшие в свою очередь других.

Один западный литературный критик так охарактеризовал одного из них — Людвика Вацулика: «известный писатель, произведения которого никто не читал». «Известность» многих правых «личностей» была всего лишь безудержной саморекламой. Такую рекламу правые силы пытались взаимно создавать себе еще до 1968 г. Так было в области науки, искусства и, конечно, в политике. Речь шла не о каком-то «коллективном карьеризме». Суть этого была куда более опасной. Кампания по популяризации отдельных «личностей» имела прямую связь с пропагандой правых сил.

Антисоциалистическая подрывная пропаганда широко использовала символы буржуазной республики, стремилась воскресить отжившие традиции.

Правые вновь вспомнили о Т. Г. Масарике и М. Р. Штефанике, о чехословацких legionерах времен первой мировой войны, пытались возродить организацию скаутов (причем в таком виде, в каком она давно уже не существует и на Западе), вернуться к старым географическим наименованиям и т. п. — все это преследовало вполне определенные цели.

Символам придавалось огромное политическое значение. Они отражали те идеи и политические программы, которые возникли вместе с ними.

В западночешских городах, например, вновь появились мемориальные доски, прославляющие приход американской армии в апреле 1945 г.

Срывались звезды со стен предприятий и общественных зданий, переименовывались улицы, названия которых были связаны с развитием социализма в стране. В ряде мест дело дошло до осквернения памятников и могил советских воинов, павших при освобождении Чехословакии от фашизма.

Правая антисоциалистическая пропаганда осмеивала неугодных ей лиц; преследуя свои цели, она обращалась к юмору Швейка, использовала иронию Гавличека и т. п. При этом умалчивалось о том, на какой стороне политической баррикады стоял Гашек, а на какой — реакция 1968 г., что пригвождал к позорному столбу юмор Швейка и Гавличека и что высмеивали своими грубыми шутками правые остряки.

Осмеяние и глумление были рассчитаны на определенную эмоциональную реакцию, которая позволяет обойтись без сложного анализа сути вещей. В этом заключалась одна из причин того, что реакционная пропаганда обращалась к этому методу.

«Черный» юмор правых не имел ничего общего с прогрессивными целями. Этот юмор высмеивал не низости или человеческие пороки, а благородные, возвышенные идеалы: трудолюбие, самопожертвование, веру в прогресс. В 1968 г. такие «юмористы», как, например, Гадяк, Иван Стейгер, Шкутина и другие, вступили в идеологическую борьбу на стороне правых сил.

Это была комбинация экзистенциализма с антисоциалистической политической программой, мешанина, когда подвергалось осмеянию все, что было выше эгоистического идеала. То был отнюдь не легкий, добрый и чистый смех сказочного Гонзы или гашековского Швейка, на которых любила ссылаться правая пропаганда. То было грубое издевательство людей, которые стреляли сатирой, хотя куда охотнее давали бы очереди из боевого оружия.

В своих антинародных планах правые силы не гнушались использовать секс и порнографию.

В стране никогда не было такой лавины сексуальной тематики, как во времена «возрождения». Кино, телевидение, газеты, журналы старались превзойти один другого.

Был в этом и коммерческий интерес, но главное заключалось в стремлении отвлечь людей от более важных вопросов. В. И. Ленин назвал религию опиумом для народа. В современном обществе для одурманивания народа реакция использует и другие средства.

Известно, что вульгарное понимание секса формирует циничное отношение к женщине, к любви, к семье, а это уже затрагивает основные вопросы общественной нравственности, в которой находит свое отражение противоположность между буржуазной и социалистической идеологиями.

Особенно ярко это проявилось в изданиях для молодежи — в таких журналах, как «Млады свет», «Сигнал», «Млада фронта», «Мы», «Зитржек», «Обрана лиду» и другие. Здесь реакционная политика и идеология комбинировались с пошлой сексологией, подчас с порнографией.

Ложь, вымыслы, нарочитое передергивание фактов — характерные приемы любой реакционной идеологии. Об этом всегда надо помнить. В. И. Ленин писал: «Один прием буржуазной печати всегда и во всех странах оказывается наиболее ходким и «безошибочно» действительным. Лги, шуми, кричи, повторяй ложь — «что-нибудь останется»»¹.

Для того, чтобы убедить людей в фальши буржуазной и ревизионистской идеологии, мало разоблачать лживость того или иного сообщения. Это значило бы впасть в бесконечную ненужную полемику. Народная мудрость гласит, что один глупец сумеет поставить столько вопросов, что сто ученых не сумеют на них ответить. Единственным эффективным наступательным оружием являются укрепление классового сознания трудящихся, повышение их теоретического и политического уровня, пропаганда и творческое применение марксизма-ленинизма.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 217.

Правые и контрреволюционные идейно-политические течения

Идейно-политические течения, активно действовавшие в Чехословакии в период кризисного развития, были в значительной мере неоднородны, особенно в их внешних проявлениях.

Внешнее разнообразие враждебных идеологических течений не должно удивлять, если вспомнить о современной буржуазной идеологии. Прикрываемый лозунгом «свободы мнений», классовый униформизм ее позиций типичен для западного мира.

Аналогичное положение, с некоторыми особенностями, было в 1968 г. и в Чехословакии. Идеологическая платформа правых отражала сложную классовую политическую обстановку.

Многие люди задаются вопросом, чего добивались тогда правые силы, пытаются понять мотивы и цели их действий. Одни видят во всем сознательный, злой умысел, другие — только ошибки, недоразумения и стечение случайностей, третьи находят объяснение в карьеризме, авантюристических, честолюбивых стремлениях отдельных личностей, продавшихся иностранным буржуазным центрам.

Отход от марксистско-ленинских принципов, характерный для послеянварского развития в Чехословакии, бесспорно представлял собой угрозу для судеб социализма в целом. Он был направлен как против политики коммунистической партии внутри страны, так и против международного коммунистического движения. Такая принципиальная оценка помогает понять сходство и различия между отдельными идейно-политическими течениями, проявившимися в ЧССР в ходе кризисного развития.

Однако следует сказать, что позиции группировок выявились не сразу. В ходе развития событий происходило размежевание политических сил.

Порой возникает вопрос: а не совершила ли партия ошибку, когда терпимо относилась к критике, а в январе даже допустила кадровые изменения, которые в конце концов привели к контрреволюции? Так ставить вопрос было бы неверно.

Для выхода из создавшегося положения нельзя было прибегнуть к какому-то немедленному хирур-

гическому вмешательству. Это нанесло бы вред партии и судьбам социализма в Чехословакии, уже хотя бы потому, что с критикой ошибок бывшего руководства партии, и в частности Новотного, выступали не только те, кто позднее оказался оппортунистом, но и честные коммунисты.

Дело было, разумеется, не в том, кто и почему выступал с критикой. В интересах общества, в интересах социализма нужно было безотлагательно исправить имевшиеся ошибки и устранить недостатки. Питательной средой для будущих роковых событий послужило то, что исправление ошибок и устранение недостатков слишком долго откладывали и затянули настолько, что это в конце концов привело к кризису в партии и обществе.

Славик, Шпачек, Прхлик и, наконец, сам Дубчек занимали далеко не второстепенное положение в партии и не могли не оказывать влияния на официальную политику. Они находились на высоких постах, несли ответственность за имевшиеся промахи и недостатки. А ведь в мгновение ока именно эти люди сделались глашатаями ревизионизма и оппортунизма. Верные принципам марксизма-ленинизма, коммунисты-интернационалисты, прилагавшие все усилия для последовательного выполнения решений XIII съезда КПЧ, были оттеснены на задний план. Послеянварскому развитию навязали свою реакционную программу оппортунистические и ревизионистские силы.

Марксизм-ленинизм — идеология, носителем которой является коммунистическая партия, в социалистической Чехословакии стала основной общественной идеологией. Именно поэтому реакция внутри страны подвергла яростным нападкам марксизм-ленинизм.

Ревизионизм в Чехословакии не был однородным, ему были присущи свои противоречия и разногласия.

Главную «заслугу» в так называемом «чехословацком возрождении» приписывали себе некоторые правые писатели. В связи с этим они всячески подчеркивали значение IV съезда Союза писателей Чехословакии, который состоялся в 1967 г. и явился одним из первых открытых антипартийных выступ-

лений, а также роль газеты «Литерарны новины» и ее продолжателей — газет «Литерарны листы» и «Листы». Правые журналисты также всячески выпячивали свою роль в «чехословацком эксперименте», однако писатели упрекали их за то, что они на своем съезде журналистов, осенью 1967 г., осудили платформу съезда писателей как антипартийную.

Процесс дифференциации среди ревизионистских и антисоциалистических кругов, начавшийся в 1968 г., одновременно выявил сходство их основных идейно-политических позиций.

Общим для них было отрицание основных положений теории и практики научного социализма. Идеологические диверсанты использовали в своих целях прежде всего критику явлений, которые были связаны с «культом личности». При этом их занимали не те ошибки и недостатки, которые были вскрыты КПСС. Они обрушились на всю систему советского социалистического общества и на ленинские теоретические принципы построения социализма в СССР, ЧССР и других странах социалистического содружества.

Под ширмой критики ошибок доянварского периода ревизионисты порочили и очерняли всю двадцатилетнюю историю социалистического строительства в Чехословакии начиная с февраля 1948 г. Все это делалось по известным рецептам буржуазных «советологов». Все развитие социализма пытались представить как цепь ошибок, промахов, бюрократизма и т. д. Прикрываясь лозунгом борьбы против догматизма, они подменяли марксизм-ленинизм эклектической мешаниной самых разнообразных буржуазных теорий. Проповедовалась так называемая «поливариантность» марксизма, которая означала отрицание общих закономерностей строительства социализма.

Вместе с тем предпринимались попытки представить ленинизм чисто русским национальным явлением. О классовом подходе не было и речи. Распространялась версия о коренной противоположности европейских и азиатских культурных и политических традиций, Чехословакия изображалась в свете идеализированных масариковских представлений

о западной культуре и демократии. Всячески рекламировался лозунг «европейского социализма».

Ревизионистская платформа воплощалась на практике в виде так называемой «специфической чехословацкой модели социализма». Окончательный ее вариант под названием «Перед принятием решения» был опубликован в газете «Руде право» в трех номерах — 10, 11 и 12 июля 1968 г. Подписи 75 научных работников должны были придать «документу» весо-
мость.

В нем осуждался весь двадцатилетний период социалистического строительства в Чехословакии. Огульно отвергалась вся практика строительства социализма, подтвержденная историческим опытом Советского Союза и других социалистических стран, включая ЧССР. Авторы «документа» выдвигали задачу создать «новую модель» социалистического общества.

Диктатуре пролетариата противопоставлялись мелкобуржуазная схема внеклассовой, «демократической свободы и демократических прав для всех», утопическое понятие «прямая демократия», связанное с идеализацией и абсолютизацией «системы самоуправления».

Выдвигалось требование упразднить общественную собственность на средства производства и государственное управление социалистической экономикой; «избавить экономику предприятий от опеки государства, предоставить предприятиям статут экономических субъектов на основе системы самоуправления... дать простор рыночным отношениям...». Идеалом для создателей чехословацкой модели социализма был «социализм со всеобщим предпринимательством».

В следующей части «документа» отвергались основные ленинские принципы построения партии нового типа, руководящая роль партии в социалистическом обществе. Утверждалось, что партия должна лишь «регистрировать и увязывать коренные интересы». Выдвигались программные цели и перспективы, которые открыли бы путь к «гуманным вариантам современного развития цивилизации» без решающего влияния партии на государственно-политическую и экономическую системы. Подчеркивалось значение

«системы партнерства», другими словами, плюралистической политической системы.

Во внутривнутрипартийной жизни правые требовали отменить принципы демократического централизма, создать условия для деятельности фракций.

Весь материал строился на утверждении, что классовое понятие общества — «исторически пройденный этап», а потому «делом прошлого» назван и такой «тип партии, который возник в условиях диктатуры пролетариата».

Фактически речь шла о попрании основных принципов марксизма-ленинизма.

Материал «Перед принятием решения» увидел свет несколько позднее, чем контрреволюционное воззвание «2000 слов». Воззвание было опубликовано в газете «Литературные листы» 27 июня, а материал «Перед принятием решения», хотя он датирован 27 июня 1968 г., был опубликован в июле.

Воззвание «2000 слов» представляет собой открытую атаку на КПЧ, на социалистическое государство. В нем не скрывается враждебность к «основной идеологии этой системы». «2000 слов» — это прямой призыв к контрреволюции, к открытой борьбе против коммунистической партии. В противовес этому в «документе» «Перед принятием решения» тактика действий излагалась осторожнее, но по сути с тех же позиций правооппортунистической и ревизионистской группировки в партии.

Оба «документа» свидетельствовали о том, как далеко зашел процесс формирования политического блока правых ревизионистских и антисоциалистических сил. Общим для них был отказ от марксизма-ленинизма, от практики и основных принципов строительства социализма, от ленинского понятия руководящей роли партии в обществе. Оба «произведения» были направлены против Советского Союза и социалистического интернационализма, хотя содержащиеся в них материалы имели некоторые различия. «Документ» «Перед принятием решения» отвергал исторический опыт Советского Союза и его вклад в теорию научного социализма, в то время как «2000 слов» содержали призыв к вооруженному выступлению против социалистических стран в случае, если они окажут интернационалистскую помощь че-

хословацкому народу и воспрепятствуют контрреволюционному перевороту в ЧССР. Оба «произведения» должны были оказать влияние на работу «чрезвычайного» съезда КПЧ.

Под обоими «документами» стоят подписи одних и тех же лиц, например Йиржи Цвекла, Ладислава Тондла, Йиржи Ганзелки, Мирослава Крала и других.

«2000 слов» — открыто контрреволюционная платформа, призывавшая к ликвидации социалистического строя в стране. В ней совершенно явственно была сформулирована концепция так называемой «новой чехословацкой модели социализма» — программа второго центра в партии, который готовился на «чрезвычайном» съезде партии захватить всю полноту власти в КПЧ.

Важной частью ревизионистской платформы являлась внешнеполитическая концепция, которую в течение многих лет разрабатывала группа правых теоретиков. Среди них большую роль играл А. Шнейдарек. В то время он возглавлял Институт внешней политики и экономики при Министерстве иностранных дел ЧССР. В 1968 г. главным проводником этой концепции был представитель правых в МИД ЧССР И. Гаек. Он занимал пост министра иностранных дел. На первом этапе в области внешней политики выдвигались идеи создания «буферной коалиции» в Центральной Европе по примеру бывшей Малой Антанты.

В 1968 г. некоторые бывшие социал-демократы стали выступать с требованием образовать новую социал-демократическую партию. В стране самовольно возникали так называемые «подготовительные комитеты», велась организационная и агитационно-пропагандистская деятельность. Налицо было стремление расколоть политическое единство чехословацкого рабочего класса. Такие руководящие деятели правых социал-демократов, как З. Бехине, О. Янир, Ф. Шупка и другие, поддерживали контакт с руководством Социалистического интернационала.

Кригель, Смрковский, Дубчек и другие представители правых оппортунистических сил в руководстве партии все же не решались узаконить это требование социал-демократов. Помимо всего прочего, они дела-

ли это, опасаясь «конкуренции». Традиционная политическая и идеологическая концепция правого социал-реформизма мало чем отличалась от так называемого «демократического социализма» дубчековской группы. Различие заключалось скорее в откровенности программных целей, чем в сути дела. «Возрожденные» социал-реформисты открыто следовали антисоветским и антиленинским традициям времен буржуазной республики и все более открыто выступали апологетами политических и экономических порядков, существующих в капиталистических странах, где у власти находились социал-демократы.

Правые псевдосоциалисты смыкались также с антикоммунистическими элементами из бывшей национальной социалистической партии. Здесь не было нужды решать деликатную проблему формирования новой организационной базы, и правые использовали некоторые звенья и учреждения чехословацкой социалистической партии. Ряд программных документов и заявлений, материалы газеты «Свободне слово» и продукция издательства «Мелантрих», которое выпускало, между прочим, и еженедельник «Зитржек», свидетельствовали о сильном влиянии дофевральских «национальных социалистов», которые принадлежали тогда к самой воинствующей антикоммунистической реакции¹.

Какова была роль «левого» ревизионизма в чехословацкой контрреволюции? На первый взгляд — незначительной, однако более тщательный анализ выявляет несколько иную картину.

Имеющиеся факты говорят об активной деятельности неотроцкистов и представителей так называемых «левых» в Чехословакии. Антисоциалистические и оппортунистические силы проявляли к ним живой интерес. Прагу посетил Пьер Франк, секретарь троцкистского IV Интернационала; не раз бывал в Чехословакии и западноберлинский троцкист Руди Дучке, особенно в 1968 г. Он выступал в высших

¹ Влияние реакционных национально-социалистических традиций на проникновение антикоммунистической идеологии в ЧССР, особенно в период контрреволюции в 1968—1969 гг., подвергает теоретической критике Яромир Обзина в книге «К ленинскому пониманию политики». Прага, 1972.

учебных заведениях, принимал участие в беседах и встречах с представителями интеллигенции. Газета «Литерарны листы», например, весьма положительно оценила его взгляды.

Правые издания, в частности «Студент» и «Литерарны листы», занялись переоценкой роли Троцкого. Из номера в номер журнал «Литерарны листы» публиковал книгу Дойчера «Неоконченная революция», в которой давалось извращенное, троцкистское толкование социалистической революции и строительства социализма в Советском Союзе, искажалась историческая роль В. И. Ленина. В правых кругах интеллигенции и среди студенческой молодежи пропагандировалось движение «новые левые», а в связи с этим и теория Герберта Маркузе.

В конце 1968 г., когда правые стали активно использовать неискушенную часть студенческой молодежи как орудие в борьбе против марксистско-ленинских сил и восстановления в стране социалистического правопорядка, провоцируя и организуя студенческую забастовку и даже толкая некоторых обманутых, ставших жертвой политической спекуляции молодых людей на самосожжение. В газете «Листы» и журнале «Карлов университет» появился ряд статей, всячески превозносивших студенческие бунты на Западе. 5 декабря 1968 г. газета «Листы» опубликовала интервью Герберта Маркузе журналу «Экспресс»: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!»

Маркузе, «отвергая» современное общество, как капиталистическое, так и социалистическое, выступал за «тотальный отказ либо постоянное отрицание данного общества». Он провозгласил, что «анархистское начало представляет собой могучую и весьма прогрессивную силу», отметил важную роль в этом студентов и их современного левачества. В интервью было полно выпадов в адрес социалистических стран. В заключение Маркузе сказал: «Это еще не социалистическое общество, еще нет».

Подобная пропаганда полностью отвечала целям чехословацких контрреволюционных сил. В конце 1968 г.— начале 1969 г. в студенческом журнале «Карлов университет» был опубликован ряд статей враждебного, антисоциалистического характера. Так,

статья «Революция и молодежь», автором которой был Э. Клиндер, воспринималась как призыв к бунту под лозунгом «социализм с человеческим лицом», к борьбе против нормализации и консолидации политического положения в стране¹.

Как видно, участие «левого» ревизионизма в чехословацкой контрреволюции было не случайным. И хотя на первый взгляд могло показаться, что правый и «левый» ревизионизм взаимно противостояли друг другу, они были едины в самом главном — во враждебном отношении к теории и практике научного социализма.

Проповедуемый Маркузе «третий путь» общества по своей сути не слишком отличается от взглядов чехословацких ревизионистов. Неотроцкистские лозунги об антибюрократической революции совпадали в своей основе с отрицанием правыми оппортунистами руководящей роли партии и роли государства в строительстве социализма. Антисоциалистические и ревизионистские силы использовали «левые» фразы для разжигания соответствующих настроений среди молодежи, особенно студенчества.

Неотроцкистские и «левые» ревизионисты после 21 августа 1968 г. активно включились в антисоветскую истерию, публикуя бесчисленные памфлеты, распространяя материалы о так называемой «чехословацкой весне», организовывали всевозможные акции протеста. В этот период троцкисты тесно сотрудничали с представителями правого ревизионизма, причем как с чехословацкими политическими эмигрантами, так и с ренегатами из других коммунистических партий. Йиржи Пеликан, Роже Гароди, Эрнст Фишер и другие не раз выступали совместно

¹ И. Шиклова в статье «Слабость или сила?» дажеставляла, как должны действовать бунтующие студенты: «Постоянно создавать трудности и всячески демонстрировать неспособность государственного аппарата... тем самым студенты вызовут напряженность среди населения, которую в подходящий момент можно будет использовать. Если власти предпримут против студентов какие-то меры, это вызовет осуждение властей за жестокость, если полиция не тронет студентов, это вызовет недовольство властями за их неспособность поддерживать порядок и обеспечить элементарное функционирование системы».

с представителями французских троцкистских организаций, таких, как «Коммунистическая линия», «Международная коммунистическая организация», «Союз молодежи за социализм», и других.

Чехословацкий опыт еще раз подтвердил ленинское положение о том, что правый и «левый» ревизионизм отличаются друг от друга только фразеологией и объективно служат одним и тем же реакционным классово-политическим целям.

Антисоциалистические силы в 1968 г. подняли на щит своей пропаганды буржуазный национализм, космополитизм и политический клерикализм.

Буржуазный национализм проявляется в различных формах. В истории он проявлялся как национализм чешский, словацкий, венгерский, а иногда как шовинизм и ложный патриотизм отдельных этнических групп. Национализм был связан с идеализацией буржуазных порядков, буржуазных деятелей. Именно поэтому вспомнили о Т. Г. Масарике и М. Р. Штефанике. В начале 1968 г. вышла книга Милана Маховца «Томаш Г. Масарик». Автор преподносит идеализированный образ Масарика как демократического, национального мыслителя-гуманиста. В течение 1968 г. издательство «Мелантрих» срочно подготовило новое издание сочинений Масарика, а издательство «Чехословацкий писатель» выпустило книгу «Беседы Чапека с Т. Г. М.». Брненский философ Л. Новый, который в свое время получил научную степень за критику масарикизма, теперь, оценив конъюнктуру, превратился в ярого поклонника Масарика.

Словацкий буржуазный национализм был тесно связан с политическим клерикализмом, его сторонники посредством контактов с американской и канадской эмиграцией пытались оживить традиции людацкого сепаратизма, но безуспешно. Главным препятствием в этом было то, что здоровое ядро в руководстве Коммунистической партии Словакии решительно выступало с позиций марксизма-ленинизма, открыто разоблачая цели правых и антисоциалистических сил.

Руководство КПС честно и небезуспешно стремилось отделить справедливые требования словацкого народа о совершенствовании государственно-право-

вого устройства от сепаратистских буржуазных и людацких националистических спекуляций. Характерно, что эти требования были мишенью демагогической критики правых сил, причем и в Чехии, и в Словакии. В первой половине 1968 г. реакционные круги упрекали словаков в том, что они «больше заинтересованы в федерализации, чем в демократизации».

Марксистско-ленинские силы в КПС сыграли важную политическую роль; отражая нападки реакции, они стремились преодолеть кризисное развитие в партии и обществе, вывести страну на путь консолидации и продолжения строительства социализма. Выдающуюся роль в этом сыграл лично товарищ Густав Гусак. Ему бесспорно помогла поддержка других честных партийных деятелей КПС, на которых он мог опереться в решающие моменты. Так было, когда КПС отвергла так называемый «высочанский съезд», который был разоблачен как фракционная попытка второго центра захватить власть в партии. Словацкие коммунисты заняли правильную позицию на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ в 1968 г. Требование словацких коммунистов о замещении словаком поста председателя Федерального собрания ЧССР явилось безусловно важным политическим актом, помешавшим правым захватить этот пост.

Значительную роль в контрреволюционных событиях в Чехословакии сыграл сионизм. Хотя граждане еврейского происхождения составляют крайне незначительную часть населения страны, среди видных представителей правых число лиц еврейского происхождения было поразительно велико. Свое влияние они оказывали прежде всего путем внедрения своих кадров на важнейшие политические и идеологические посты.

Правые неустанно использовали так называемый «еврейский вопрос» во всех антисоциалистических кампаниях. Они пытались обвинить коммунистические партии Советского Союза, Чехословакии и других социалистических стран в антисемитизме.

Для идеологических приемов правых характерен случай с так называемым анонимным письмом,

направленным Эдуарду Гольдштюккеру. 23 июня 1968 г. Э. Гольдштюккер опубликовал в «Руде право» письмо, присланное ему будто бы по почте, в котором содержались грубые оскорбления по поводу его еврейского происхождения. Предполагалось, что автором анонимного письма является представитель так называемых «левых сил».

Это послужило поводом для развертывания шумной кампании. Газеты публиковали письма «возмущенных читателей», принимались резолюции. Был использован старый, избитый метод западной антикоммунистической пропаганды: кто против сионизма — тот антисемит, кто против еврейского шовинизма — тот против евреев.

Эта кампания послужила дискредитации тех, кто выступал против оппортунистической политики Дубчека и его группы. Это была не первая и не последняя фальшивка антикоммунистической пропаганды. Подобный метод «психологической борьбы» против идейно-политических противников применялся правыми вплоть до ноябрьского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ.

Буржуазный национализм был присущ всем идеологическим течениям чехословацкой контрреволюции. Он был также характерен для ревизионистской платформы, на которой стояла дубчевская правая группировка в руководстве партии. В конечном итоге буржуазный национализм вел ко все большему идеологическому разложению общества, к восстановлению капиталистического строя.

Не впервые в истории экстремистские националистические силы использовали социалистическую терминологию, но это был лишь вопрос тактики. Даже самые реакционные течения, стремясь сломить нарастающую силу рабочего революционного движения, прикрывались и прикрываются демагогическими лозунгами. Об этом свидетельствует история фашизма в Италии, Германии и других странах.

Даже махровые реакционеры до тех пор, пока они трезво оценивали ситуацию, не могли не учитывать результатов двадцатилетнего социалистического развития в стране, хотя старались их всячески умалять. Это, например, позднее признавал эмигрант Йозеф Покштефл: «В Чехословакии дело, по сущест-

ву, дошло до относительно полного развала прежних социально-экономических структур и замены их социально-экономической структурой нового качества». Как видно, контрреволюционеры имели все основания не агитировать открыто за восстановление капитализма. Это проливает истинный свет на столь часто повторяемый правыми оппортунистами аргумент: «никто не выступал против социализма».

Еще в 1948 г. Клемент Готвальд говорил о реакции: «Пусть никого не обманет тот факт, что эти люди время от времени повторяли, что они не хотят, например, отмены национализации, что союзные отношения с Советским Союзом — вне всякого сомнения, и тому подобное. Так поступает всякая контрреволюция. Всякая контрреволюция замалчивает свои конечные цели и раскрывает карты лишь постепенно. Для контрреволюции важно прежде всего захватить господствующие позиции, попросту говоря — захватить власть. Взять в руки власть — значит для нее выиграть все. Этим она развязывает руки для осуществления своих контрреволюционных планов. Так дело обстояло и в Чехословакии»¹.

Нелегко дать анализ антисоциалистическим течениям в Чехословакии в 1968 г. Между позициями и планами, например, бывшего фашиста, а ныне ватиканского епископа Гнилицы, секретаря К-231 Ярослава Бродского и ревизиониста Цисаржа, занимавшего в ту пору пост секретаря ЦК КПЧ, действительно большие различия. Это важно понять потому, что некоторые наивно полагают, будто бы контрреволюции служит лишь тот, кто сознательно преследует контрреволюционные цели или кто совершенно открыто провозглашает или признает их.

Отношения между различными политическими течениями в период развития контрреволюции в ЧССР претерпевали изменения. Так, если до августа 1968 г. была в известном смысле характерна борьба за гегемонию между умеренными ревизионистами и реформистами, с одной стороны, и явными реакционными группировками, с другой, то после августа

¹ Клемент Готвальд. Избранные произведения, т. II, стр. 227—228.

отношения приобрели более сложный характер. Особенно это стало очевидным после ноябрьского пленума ЦК КПЧ, когда усилилась взаимосвязь этих сил, несмотря на то, что представители правых, занимавшие официальные посты, время от времени вынуждены были принимать некоторые меры по «нормализации». Это была игра, правила которой соблюдались обеими сторонами. Дубчек, Сморковский, Черник, Цисарж и другие проводили политику двурушничества. Официально они давали одни указания, а конфиденциально — другие. Публично провозглашалось одно мнение, а в узком кругу — совсем другое.

Взаимное сближение и сотрудничество ревизионистских и оппортунистических кругов с крайне правыми антисоциалистическими силами было компромиссом с обеих сторон. Беспринципные оппортунисты, избравшие ложный политический путь по личным корыстным соображениям, таким, как карьеризм, тщеславие, или из-за неспособности разобраться в сложной обстановке и т. п., заходили так далеко, что принимали участие в акциях, организованных реакцией. Типичен пример с Й. Сморковским, который предлагал себя в качестве политического партнера всем, лишь бы добиться высокого поста, и докатился до участия в марте 1969 г. в уличных бесчинствах во время антисоветской провокации в Праге после встречи советской и чехословацкой хоккейных команд.

Сотрудничество с правыми оппортунистами было своеобразной уступкой со стороны внутренней реакции. Об отношении антисоциалистических кругов к ревизионистам и оппортунистам в руководстве партии, в том числе и к тем, кто, наподобие Гольдштюккера, просто-напросто бежал за границу, журнал «Сведетви» писал следующее: «Если бы в августе 1968 г. дело не дошло до оккупации, эти люди исчезли бы из чешской истории как бессловесные марионетки, простые статисты... Своей псевдополитической славой они обязаны оккупации». Это дает представление о том, каковы были оценки внутренней реакции в отношении оппортунистов типа Дубчека и в отношении планов, подобных тем, которые были изложены в «документе» «Перед приня-

тием решения». Реакция нуждалась в ревизионистах лишь на первых этапах контрреволюции. Трудно предположить, что антисоциалистические контрреволюционные силы примирились бы с половинчатым решением, с неким «третьим путем», с которым выступили авторы «модели специфического чехословацкого демократического социализма».

Антисоциалистические силы, вынашивая контрреволюционные планы в Чехословакии, извлекли серьезные уроки из событий в Венгрии в 1956 г. Они поняли, что открытый антикоммунизм не может иметь широкой поддержки как в Чехословакии, так и за рубежом. Вот почему враг готовил контрреволюционный переворот более изощренными методами, стараясь по возможности скрыть реакционную подоплеку своих замыслов. В этом смысле констатация различия обоих видов контрреволюции обоснована. Но было бы неразумным абсолютизировать это различие и упускать из виду тот факт, что контрреволюция в ЧССР не имела возможности довести до конца свое черное дело, что она была прервана ранее, чем могла прибегнуть к крайним мерам террора. Сравнение контрреволюции в Венгрии с контрреволюцией в ЧССР выявляет не только различие, но прежде всего общее — аналогичные действия, приемы.

Внутри правых и антисоциалистических течений в Чехословакии существовали различия лишь в том, что касалось аргументации, политических планов, представлений о методах борьбы и традициях. Однако эти различия, а они не стирали реакционности замыслов, однозначны, если говорить об ответственности перед историей. Так называемый «умеренный оппортунизм» был опаснее открытого неофашизма. Ему легче удавалось дезориентировать людей. Помимо того, антикоммунизм и на этот раз действовал весьма тонко, изощренно. Дифференцированность во взглядах и различия в методах аргументации — от псевдосоциалистической до клерикальной — давали возможность обмануть более широкий круг людей. В 1968 г. контрреволюция расставила свои сети на самых разных участках.

Классово-политическая ориентация контрреволюции

Одна из главных проблем реакционной идеологии состоит в том, чтобы привить трудящимся взгляды, которые объективно враждебны их интересам. Замазывание и маскировка непримиримых классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом, трудящимися социалистической страны и антисоциалистическими силами составляют суть буржуазной и ревизионистской идеологии.

С конца 50-х годов антикоммунистическая идеологическая диверсия была нацелена в первую очередь на оживление и использование либеральных настроений среди интеллигенции и политически незрелой части молодежи. В своих расчетах реакция исходила также из ложной предпосылки, будто бы большинство кооперированного крестьянства враждебно социализму. С начала 1968 г., когда идеологическое противоборство постепенно переросло в борьбу за власть, антикоммунистические силы в своей подрывной деятельности стали делать ставку на ревизионистские и оппортунистические элементы непосредственно в партии, особенно в ее руководстве: они оказывали на них соответствующее влияние, поддерживали их с целью использования в своих интересах. Вместе с тем антикоммунистические силы опирались на остатки эксплуататорских классов и их политических попутчиков, оживляли мелкобуржуазные антисоциалистические тенденции, в первую очередь националистического и правореформистского характера.

Показателен прием, с помощью которого реакция «решала вопрос» о взаимоотношениях между интеллигенцией и рабочим классом, ее методы дезориентации колеблющихся лиц и отдельных групп, с тем чтобы злоупотребить их доверием.

Типичной чертой ревизионистских и антисоциалистических концепций было понятие «элита». В различных теоретических «исследованиях» повторялось утверждение, что в современную эпоху руководящая роль в общественном развитии повсюду — и в Чехословакии в частности — принадлежит не рабочему классу, а «интеллектуальной элите».

Использование подобных аргументов в борьбе против революционного рабочего движения — явление отнюдь не новое. Это, пожалуй, один из самых затасканных методов реакции. Его схема такова: в обществе имеется узкий круг тех, кто призван господствовать, и остальная, подавляющая часть населения должна смириться с положением подчиненности. Еще Т. Г. Масарик и правые социалисты считали, что политическая власть должна быть в руках «образованных людей», а рабочий класс должен еще «дорасти» до них.

В современных теориях «элиты» новое заключается главным образом в том, что руководящая роль интеллектуалов обосновывается современным уровнем развития науки и техники. Небывалые темпы научного прогресса, как считают авторы этих теорий, ликвидируют, мол, общественные классы в их марксистском понимании, а положение человека в обществе зависит только от его профессиональной квалификации и результатов его труда. Они отрицают роль классов и классовой борьбы в развитии социального прогресса, обуславливая его степень «совершенствования личности». Поэтому гегемоном в обществе должен быть не рабочий класс, как утверждают марксисты, а «наиболее квалифицированные и образованные личности» — «интеллектуальная элита». Социальная структура общества определяется ими не в соответствии с ролью классов в процессе производства, а по уровню образования населения.

Буржуазные и ревизионистские теоретики используют эту схему по-разному. В 1968 г. в ЧССР правые силы выступили с теорией «элиты» открыто. Однако вскоре у них возникли трудности. Во-первых, они оттолкнули от себя тех, кто не имел соответствующего образования. Во-вторых, значительная часть интеллигенции не желала поддерживать авантюристическую политику правых, относилась к ней сдержанно. Более того, многие представители интеллигенции активно выступали в защиту марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Стараясь спасти положение, ревизионистские теоретики и публицисты стали утверждать, что к «интеллектуальной элите» относится каждый, кто поддерживает «возрождение».

Воинствующими защитниками этой теории были, например, социолог Йодл и экономист Лебл. Последний, находясь в эмиграции, продолжает проповедовать, что «только элита интеллектуалов-индивидуумов способна определять развитие общества».

Теория «элиты» получила отражение во всех ревизионистских «трудах». Ее использовал Махонин в трактовке социальной структуры и динамики развития чехословацкого общества. Ота Шик пытался рассматривать с позиции этой теории положение в КПЧ. Он был против классового, рабочего характера коммунистической партии. Партия, по Шику, должна быть политической организацией людей, подобранных по их образовательному цензу и положению в правящем общественном механизме, превратиться в некую «элитарную касту».

В своей пропаганде правые сначала не скрывали своих антирабочих замыслов. Они открыто выступали против руководящей политической и общественной роли рабочего класса.

Правая пропаганда пыталась доказать, что политика, которую проводила КПЧ, была якобы вредна для рабочего класса и что новое, идеальное, процветающее общество «социализма с человеческим лицом» будет для него во всех отношениях более выгодным. Эти демагогические разглагольствования поддерживали все антисоциалистические силы; особенно активную роль играла профсоюзная печать — газета «Праце».

Показательным в пропаганде правых было то, что, с одной стороны, они идеализировали общественную роль интеллигенции, представляли ее как олицетворение просвещения и прогресса, а с другой — воскрешали клерикальное мракобесие и политическое интриганство. Социалистическая академия, призванная заниматься просвещением широких масс населения, должна была, по замыслам правых, которые в 1968 г. захватили руководство Академией, стать политической организацией интеллигенции. Одновременно ими выдвигался лозунг преодолеть «узкую монополию» марксистско-ленинского мировоззрения, а для этого к идеологическим акциям были «подключены» старые буржуазные философы и теологи самых реакционных взглядов.

Правые и антисоциалистические силы, всячески подчеркивая роль интеллигенции в обществе, причисляли к ней только тех, кто являлся сторонником буржуазных идей, они пытались использовать интеллигенцию в борьбе против рабочего класса, его руководящей роли в обществе. При этом ей отводилась роль контрреволюционной метлы, которая расчистила бы политические позиции для буржуазии.

В течение 1968 г. правые и антисоциалистические силы развернули социальную демагогию среди рабочего класса, стремились проникнуть на предприятия. Контрреволюция хотела именем рабочего класса прикрыть свои реакционные замыслы, придать «возрождению» прогрессивный социалистический характер в глазах мировой общественности.

Уже в первые дни после 21 августа реакционные силы пытались организовать антисоветские выступления на промышленных предприятиях. В качестве пробного шара им удалось объявить часовую забастовку. Однако результаты этой затеи не позволили реакции предпринять более решительные шаги. Правые из творческих, научных и студенческих организаций пробовали установить связи с фабриками и заводами и таким образом оказать влияние на трудящихся. Со второй половины августа 1968 г. эти попытки были усилены подстрекательскими политическими лозунгами, призывами правых создать так называемые «рабочие советы» на предприятиях, а также принять новый закон о предприятиях.

И хотя правым не удалось оказать решающего влияния на рабочий класс, они нашли некоторые возможности для воздействия. Это объяснялось рядом обстоятельств. Недостатки в идеологической работе КПЧ в 60-е годы привели к определенному ослаблению связей партии с трудящимися. Политическая работа на фабриках и заводах носила зачастую формальный характер. Раскол в руководстве партии в начале 1968 г., вызванный оппортунистами, привел к дальнейшему ослаблению партийного влияния среди рабочих. Так рабочий класс лишился своей решающей политической силы, возможности осуществления руководящей роли в обществе.

Этим умело воспользовались правые и антисоциалистические силы. Они постепенно захватывали важ-

ные посты, проникали на фабрики и заводы, использовали в своих целях различные организации. Представители этих сил, захватив руководящие посты в профсоюзных, а потом и в партийных организациях, стали выступать от имени целых рабочих коллективов. Так возникла характерная для 1968 г. ситуация: от имени фабрик и заводов, профсоюзных организаций принимались резолюции и ультиматумы в поддержку правых, а миллионные массы чехословацкого рабочего класса оказались в стороне.

Но несмотря на все недостатки в идейно-воспитательной работе КПЧ, правым не удалось втянуть рабочих в свои реакционные акции, не помогла им и тщательная маскировка своих истинных целей. Рабочий класс Чехословакии имел двадцатилетний опыт строительства социализма, опыт классовой борьбы с буржуазией. Главной, неотъемлемой частью этого исторического классового опыта были традиции дружбы и братского единства с Советским Союзом. И хотя правой оппортунистической группировке в Президиуме и ЦК КПЧ удалось практически парализовать деятельность этих руководящих органов, многие партийные организации на местах, особенно на фабриках и заводах, действовали на основе собственного политического опыта, руководствуясь марксистско-ленинскими принципами.

Все агитационные речи и лозунги не смогли скрыть, что политика «возрождения» носила антирабочий характер. Не было тайной, что так называемая «экономическая концепция» Шика предусматривала, а в известном смысле и планировала, безработицу. Развал в экономике, вызванный правыми, приводил к инфляции. Представители рабочего класса вытеснялись с политических постов, о чем, кроме прочего, свидетельствовал и состав делегатов «чрезвычайного съезда» КПЧ: представители рабочего класса составляли всего лишь 17,4%.

Впоследствии теоретики антикоммунизма, а вместе с ними и чехословацкие политические эмигранты констатировали, что неудача в завоевании решающего влияния среди рабочего класса является главной причиной поражения так называемого «чехословацкого эксперимента».

Ориентация на молодежь и студенчество составляла важную сторону идеологической диверсии внутренней и международной реакции в 60-е годы. Подрывная деятельность велась не прямо, а косвенно, посредством восхваления западной культуры, пропаганды индивидуализма и пренебрежения ко всяким авторитетам, начиная с родителей и кончая государством, очернения социалистических идеалов.

Однако в методах идеологического воздействия на молодежь, особенно на молодую интеллигенцию, стали появляться некоторые новые черты.

Политическая борьба за власть, развернувшаяся после января 1968 г., охватила все слои общества. Широкое участие молодых людей в общественной жизни говорило об их интересе к политическим вопросам. Этим опровергались прежние скептические утверждения о том, что молодежь не волнуют общественно-политические проблемы. Спекулируя на политической незрелости определенной части молодежи, правые силы делали все, чтобы привить ей ревизионистские и реакционные идеи, использовать молодых людей в качестве статистов в своих антикоммунистических акциях.

Политическая дезориентация молодежи усиливалась тем, что правые круги, начиная с первых месяцев 1968 г., систематически разлагали, а впоследствии ликвидировали социалистическую организацию молодежи. Они создавали различные фракции, в которых руководящие посты захватывали подставные авантюристы, воспевали традиции старых буржуазных молодежных организаций типа скаутов и клерикальных союзов, пропагандировали буржуазный образ жизни.

Идеологическое разложение молодежи открыто поощрялось правыми оппортунистами, а неопытность и наивность молодых людей выдавались за проявление политической зрелости. Правые стремились превзойти друг друга в восхвалении молодежи, завоевать популярность в ее рядах. Смирковский, Цисарж, Дубчек, Вацулик с помощью дешевой пропаганды старались представить себя в глазах общественности «любимцами молодежи», «политиками с молодым сердцем».

Антисоциалистические силы спекулировали на психических особенностях, свойственных юным. Стремление отказаться от наследия предыдущих поколений и создать новые ценности было превращено в отрицание всех принципов социалистического общества. Стараясь очернить эти принципы, успехи социалистического строительства, реакция всячески преувеличивала ошибки, имевшие место в истории Чехословакии. Она уводила молодых людей от трезвого анализа происходящих событий, разжигала среди них антисоциалистическую и антисоветскую истерию.

Аполитичные юнцы хулиганили на улицах, а их бесчинства правая пропаганда выдавала за подвиги, достойные подражания. Чем больше у контрреволюции уходила почва из-под ног, тем сильнее она старалась подчинить своему влиянию молодежь с целью существенно подорвать основы социализма в ЧССР. Реакционные силы понимали, что молодежь — будущее, и все свои усилия направили на то, чтобы нарушить связи молодого поколения с марксистско-ленинским революционным движением.

События 1968 г. показали, что классовое равнодушие, пренебрежение социалистическим патриотизмом ведут к шовинизму, космополитизм и национализм — на позиции воинствующего антисоветизма и антикоммунизма, а фанатичный буржуазный национализм так же далек от истинного патриотизма, как космополитизм далек от пролетарского социалистического интернационализма.

Антикоммунистические круги на Западе и антисоциалистические силы в Чехословакии, которые в 1968 г. заискивали перед молодежью и провозглашали ее чуть ли не движущей силой эпохи, в последующие годы в своих стратегических и тактических расчетах оценивали возможности и роль молодежи более скептически. На основании чехословацких событий они пришли к заключению, что молодежь и студенчество могут быть средством для внесения беспорядков, для разжигания на определенном этапе политических страстей, но они не являются силой, способной изменить политический строй в стране. Так оценивает сегодня буржуазная пропаганда значение событий на Страгове в Праге, майские сту-

денческие демонстрации, антисоветские вылазки хулиганствующих молодчиков в августовские дни, студенческую забастовку, «живые факелы», уличные бесчинства — все то, что должно было вызвать беспорядки в стране и углубить политический кризис. Однако всего этого было недостаточно для достижения основной цели контрреволюционных сил — подорвать и ликвидировать в Чехословакии социалистический строй.

* * *

По планам западных антикоммунистических подрывных центров массовый характер контрреволюционному движению в Чехословакии должно было в решающий момент придать восстание кооперированного крестьянства. Империалистические центры стали тут в известной мере жертвами своей собственной пропаганды, надеясь, что чехословацкая деревня — это пороховая бочка, к которой достаточно поднести спичку.

После января 1968 г. правые силы не выдвигали лозунга ликвидации сельскохозяйственных кооперативов. Вскоре и западная пропаганда временно отказалась от этого, видимо сознавая, что открытый призыв к ликвидации кооперативов обнаруживает подлинные цели контрреволюции. Тактика «тихой» контрреволюции предусматривала постепенное развитие событий, а никак не мгновенный удар. Усиленная антисоциалистическая пропаганда, которая отрицала все, что было связано с двадцатилетним периодом строительства социализма в ЧССР, не оказывала желаемого воздействия на сельское население, кооперативная система в деревне оставалась полностью стабильной. Расчет на «пороховую бочку» провалился. Внутренняя и международная реакция не могли не считаться с этим фактом, и в этом кроется еще одна причина того, что контрреволюционные лозунги, рассчитанные на кооперированное крестьянство, выдвигали более осторожно.

В связи с общим ухудшением положения в стране, вызванным по вине антисоциалистических сил, распространялись разные панические слухи и в отношении сельскохозяйственного производства. В это

время правые стремились создать самостоятельную организацию крестьян, находящуюся вне влияния партии, то есть оторвать крестьянство от рабочего класса, подчинить его своему влиянию и тем самым нарушить союз рабочего класса и крестьянства, гарантирующий внутреннюю стабильность социалистического государства.

Завоевать доверие сельского населения правые пытались с помощью представителей политического клерикализма и вновь активизировавшихся реакционных сил в народной партии.

Без преувеличения можно сказать, что результаты идеологического влияния правых на сельское население были совсем не такими, на которые рассчитывали антикоммунистические подрывные центры, но кризисное развитие в 1968—1969 гг. вызвало ряд серьезных проблем и в деревне.

Однако непреложным остается тот факт, что кооперированное крестьянство не стало опорой контрреволюции, что кооперативное сельскохозяйственное производство за годы строительства социализма в Чехословакии укрепились, превратилось в стабильную, неотъемлемую часть социалистического производства.

* * *

Главное внимание реакция уделяла проникновению в партийные и государственные органы. «Тихая» контрреволюция характеризуется тем, что, в первую очередь, стремится разложить изнутри политическую, идеологическую и экономическую системы социалистического общества, а террор по возможности старается применять незаметно, считая его главным средством лишь на заключительном этапе. Характерной чертой «тихой» контрреволюции является стремление парализовать деятельность прежде всего центральных органов, разложить их сверху донизу. В этом ревизионисты и оппортунисты играют весьма опасную роль, и в этом никто их не может заменить. Без помощи ревизионистов и оппортунистов все эти К-231, КАН, неотроцкистские, клерикально-политические и неонацистские организации — всего лишь кучки заговорщиков, не способных оказать существенное влияние на развитие событий.

Пропаганда правых при «тихой» контрреволюции имела целью, прежде всего, подорвать социалистический строй в Чехословакии: дезориентировать коммунистов, парализовать деятельность социалистических институтов, обеспечить захват решающих партийных, государственных и общественных постов ревизионистами и оппортунистами, с помощью которых можно было бы продолжать контрреволюционное разложение общества.

Лицемерие и демагогия правой пропаганды проявились с самого начала, когда она старалась представить «возрождение» и «демократический процесс» в Чехословакии как дело масс, как выражение «воли четырнадцати миллионов», как борьбу «за национальное единство» и т. п. В действительности же правые больше всего боялись именно чехословацкого трудового народа; напротив, делалось все для того, чтобы лишить трудящихся возможности влиять на политические события, дезориентировать их. Чем меньше контрреволюционные силы могли рассчитывать на реальную поддержку народных масс, тем больше прилагалось усилий, чтобы создать видимость поддержки народа. Вот почему так широко использовалась система проведения разных активов, собраний, демонстраций, а главное, инспирировалось принятие резолюций, петиций и заявлений.

Антикоммунистические круги извлекают для себя уроки из так называемого «чехословацкого эксперимента». Их занимает главный вопрос о том, на какие слои общества они могли больше всего опираться, кто должен был быть их союзником. Они приходят к выводу, что контрреволюция в Чехословакии возлагала слишком большие надежды на определенную часть интеллигенции и молодежи. Этот урок должен оказать влияние на стратегию и тактику контрреволюции в будущем.

Стратеги антикоммунизма, несмотря на некоторые различия, в общем понимают, что надежды и успех их будущих планов зависят не только от них самих, их активности, но и от того, насколько им удастся использовать недостатки и слабости в социалистическом строительстве.

Антикоммунистическое влияние Запада

Антикоммунистическая пропаганда в конце 60-х годов оказывала свое воздействие на ЧССР в первую очередь с помощью внутренней реакции.

Весьма показательно, что особенно интенсивно западная антикоммунистическая диверсия и идеологическое вмешательство велись в период, предшествовавший непосредственным контрреволюционным событиям.

Это вовсе не означает, что антикоммунистические силы Запада бездействовали во время событий, развернувшихся в Чехословакии в 1968 г. и весной 1969 г. Но они стремились затушевать свое вмешательство, так как от этого зависело успешное осуществление подрывных планов. Вот почему западные империалистические круги старались скрыть свою заинтересованность в развитии чехословацких кризисных событий. До августа 1968 г. — чтобы не поставить под угрозу многообещающее для них развитие событий, после августа — чтобы не раскрыть истинной причины яростной враждебной кампании, развернутой против вступления армий пяти братских социалистических стран в ЧССР. Таким образом, перед лицом мирового общественного мнения они стремились выступать в роли защитников чехословацкого суверенитета, национальной и гражданской свободы, прав человека и принципов невмешательства во внутренние дела.

Январские события в Чехословакии западная пропаганда преподносила сначала как кулуарную борьбу отдельных личностей, после которой-де по существу все останется по-старому.

Однако империалистические круги стали вскоре быстро менять свой курс и направили все свои усилия на подрыв социалистического строя, на ослабление внешних связей ЧССР с социалистическими союзниками и на изменение ориентации чехословацкой экономики в сторону Запада. С осуществлением этих трех задач они связывали большие надежды. Западные империалистические круги, сориентировавшись в новой обстановке в ЧССР, поняли, что для реализации их планов она складывается благоприятно. Возможность ослабления социалистического

содружества вселяла в них большие надежды с политической и военно-стратегической точек зрения, открывала перспективы и для эрозии социализма в других странах. Империалисты использовали все средства вмешательства, которые считались в данных условиях наиболее эффективными. С течением времени буржуазная пропаганда уже не стеснялась оказывать открытый нажим на внутреннее развитие событий в Чехословакии. Она восхваляла экономические требования правых антисоциалистических сил, которые в виде так называемых «реформ» обращались против устоев социализма. Она превозносила «свободу слова», когда в действительности средствами массовой информации полностью овладели правые антисоциалистические силы. Она пропагандировала «демократизацию» социализма, которая на деле была подрывом ленинских принципов социалистического строительства.

Западная печать, радио и телевидение бесцеремонно вмешивались в связанные с перестановкой кадров вопросы. Враг понимал, что расстановка своих людей на ключевых постах — это решающий вопрос политического развития и что в данной ситуации она является средством захвата политической власти в стране. Так, швейцарская газета «Нойе цюрхер цайтунг» еще 15 декабря 1967 г. писала, что осуществление экономической реформы в Чехословакии повлечет за собой замену сотен тысяч руководящих экономических работников. В марте 1968 г. Э. Гольдштюккер в интервью западногерманскому журналу «Шпигель» высказал мнение, что нужно отстранить от должности всех людей в ЧССР, которые в какой-то мере принимали участие в проведении политики прошлых лет. Это значило «заменить» членов КПЧ, беспартийных, всех тех, кто в ходе социалистического строительства занимался активной общественной деятельностью, с тем чтобы на их место, разумеется, пришли люди, которые в строительстве новой жизни активного участия не принимали или которых социалистический строй, руководствуясь классовым подходом, не допускал к власти.

Западная пропаганда подвергала шельмованию отдельных политически не угодных ей лиц и восхва-

ляла других, которые должны были прийти им на смену. В истории, пожалуй, нет подобных примеров, когда буржуазная пресса так превозносила бы представителей социалистического государства и коммунистической партии, столь часто печатала бы портреты на первых страницах газет и обложках журналов, показывала по телевидению и в кино, всячески рекламируя Дубчека, Смирковского, Шика, Кригеля, Черника и других так называемых «деятелей января».

В первые месяцы 1968 г. западная антикоммунистическая пропаганда, направленная против Чехословакии, и деятельность внутренних антисоциалистических и ревизионистских сил достигли полной гармонии. Причем это было не простое «разделение труда» и дополнение друг друга — круг тождественных позиций неуклонно расширялся. Западная пропаганда все более принаравливалась к псевдосоциалистической аргументации внутренней реакции и отстаивала вместе с ней «возрождение», «демократизацию» и «гуманизацию» социализма в ЧССР. Со своей стороны, внутренняя реакция все чаще заимствовала известную аргументацию западных антикоммунистических кругов.

Захваченная правыми чехословацкая печать регулярно использовала материалы буржуазных средств информации. Таким путем среди общественности ЧССР распространялись откровенно враждебные материалы политических эмигрантских групп и антикоммунистических центров. Так, например, газета «Смена» опубликовала статью людацкого сепаратиста епископа Гнилицы; газеты «Студент» и «Обрана лиду» поместили репортаж, полученный от мюнхенской радиостанции «Свободная Европа»; газета «Студент» дала подробный библиографический перечень литературы чехословацких эмигрантов за 1948—1966 гг. При этом редакции данных изданий «очень сожалели», что не поместили эти материалы ранее.

Точно так же пропагандистские материалы чехословацких правых все чаще и чаще появлялись в западных буржуазных газетах и журналах. Так, например, журнал «Шпигель» поместил 13 мая 1968 г. интервью с Иваном Свитаком о «Клубе беспартийных

активистов». В своих подстрекательских передачах радиостанции «Свободная Европа», «Немецкая волна», «Голос Америки», «Би-би-си» и другие регулярно цитировали чехословацких правых. То же самое делали журналы реваншистских западногерманских землячеств.

Развитие событий в Чехословакии вносило поправки в деятельность западных антикоммунистических сил, заставляло их искать наиболее подходящую тактику. Одни, проявляя нетерпение, требовали усилить давление справа, ускорить подрывные действия. Другие, предостерегая от опрометчивости, отстаивали тактику постепенного внутреннего разложения социалистического строя.

Разочарование в том, что борьба «против марксизма и коммунизма» ведется в Чехословакии недостаточно энергично, высказывали главным образом неофашисты. Ударом по их планам явилось избрание генерала армии Людвика Свободы президентом Чехословацкой Социалистической Республики. Орган судебных немцев «Аккерман-Гемайнде Фольксботе», находящийся под влиянием штраусовского ХСС, 6 апреля 1968 г. писал: «После избрания Свободы всем, кто хочет получить правильный диагноз, а не приятную иллюзию, станет ясно, что революция (!) по существу закончена и что КПЧ любой ценой будет отстаивать свое руководство... На великих надеждах, которые западные идеалисты по призванию связывали с событиями в Праге, теперь должен быть поставлен крест...» И это печатали в то время, когда западная печать почти каждый день помещала хвалебные статьи о Смирковском, Чернике, Дубчеке, Шике и других.

Западногерманские реваншисты открыто выражали заинтересованность в развитии контрреволюционных событий в Чехословакии. 18 мая 1968 г. орган померанского землячества газета «Ди поммерше цайтунг» поместила передовую статью под многозначительным заголовком: «Тревога за Прагу». «На этот раз мы не должны упустить шансов,— писала газета,— хотя Запад, точно так же, как в 1956 году (Венгрия), поглощен другим очагом кризиса. В златой Праге царит тревога. Тревога Праги должна быть и нашей тревогой...»

В течение 1968 г. усилились личные контакты представителей чехословацких антисоциалистических и ревизионистских кругов с западными антикоммунистическими центрами. В летние месяцы Шик, Гольдштюккер, Пеликан, Лим и многие другие правые деятели часто ездили на Запад, а Прагу, Братиславу, Брно и другие города ЧССР посещали агенты западных антикоммунистических центров. Даже министерство внутренних дел, захваченное Й. Павлом, отмечало активизацию западных шпионских агентур. В информации, подготовленной министерством внутренних дел ЧССР еще до августа 1968 г., приводились факты о встречах американских разведчиков с И. Свитаком, А. Лустигом, А. Й. Лимом и другими. В ней, в частности, указывалось: «В марте 1968 г. во Францию ездил профессор Вацлав Черный. Помимо других встреч он имел встречу с Павлом Тигридом. После этой встречи появился целый ряд высказываний антисоциалистического характера, сделанных, в частности, Иваном Свитаком. Профессор Черный окружен лицами, которые выступают против социализма и особенно против КПЧ». В той же информации говорилось о Пьере Франке, секретаре троцкистского IV Интернационала, который посетил Прагу в начале 1968 г.: «Он был прекрасно осведомлен о политических событиях в ЧССР и считает сложившуюся ситуацию благоприятной для деятельности IV Интернационала в нашей стране... он отдал распоряжение направить в ЧССР сотрудников IV Интернационала для ведения политической работы среди чехословацкой молодежи и интеллигенции. Наряду с этим будут приложены усилия для создания на предприятиях рабочих советов, которые должны стать противовесом партии и профсоюзам и вести борьбу с бюрократическими формами работы последних. П. Франк не скрывал, что IV Интернационал готовит материалы, которые он собирается выслать в ЧССР в адрес «молодежных, культурных и общественных организаций, а также отдельных лиц».

В идеологической диверсии против Чехословакии активно участвовала сионистская агентура. Особенно усердствовал начальник так называемого Документационного центра сокза еврейских жертв в Вене

Симон Визенталь, который позднее был разоблачен австрийскими властями как израильский шпион¹.

В Чехословакию один за другим приезжали западные антикоммунистические деятели. Например, 14 июня 1968 г. в Прагу приехал Збигнев Бжезинский, чтобы, помимо прочего, выступить для круга избранных лиц в Институте международной политики и экономики. Организатором этого мероприятия был директор института, профессор Шнейдарек, являвшийся в течение долгих лет экспертом по так называемому «германскому вопросу»².

В то время Чехословакию наводняли буржуазные журналисты, а еще больше — те, кто свои истинные цели прикрывал журналистским билетом. Контакты внутренних антисоциалистических сил с западными антикоммунистическими кругами становились все более интенсивными.

Министерство иностранных дел ЧССР 13 июля 1968 г. опубликовало ноту, в которой указывалось, что некоторые выступления представителей западногерманских землячеств препятствуют достижению соглашения между ЧССР и ФРГ. По замыслам министра иностранных дел ЧССР Йиржи Гаека, видного представителя правого оппортунизма, такой шаг должен был притупить бдительность братских социалистических стран, которые обращали внимание на закулисный дуэт западногерманской и чехословацкой реакции. Античехословацкие выступления землячеств в ФРГ, по существу, шли в русле предписаний официальных органов Бонна.

Большую тревогу вызвало на Западе совместное письмо участников Варшавской встречи партийных представителей пяти братских социалистических стран, направленное КПЧ в середине июля 1968 г. Особое смятение вызвала та часть письма, в которой говорилось: «...мы не можем согласиться, чтобы враждебные силы сталкивали вашу страну с пути

¹ См. Юрий Иванов. Сионизм. Прага, 1970. Особенно предисловие Евгения Евсеева. Далее см. показания о шпионской деятельности С. Визентала: *Йиржи Богатка*. Конец одной легенды («Трибуна», № 38, 39, 1972).

² Позднее эмигрант, по сей день читает историю новейшего времени в парижской Сорбонне и выступает на антикоммунистических собраниях.

социализма и создавали угрозу отторжения Чехословакии от социалистического содружества. Это уже не только ваше дело. Это общее дело всех коммунистических и рабочих партий и государств, объединенных союзом, сотрудничеством и дружбой. Это общее дело наших стран, которые объединились в Варшавском договоре, чтобы обеспечить свою независимость, мир и безопасность в Европе, чтобы поставить непреодолимый барьер перед происками империалистических сил, агрессии и реванша»¹. Сильнее всего западная пропаганда прореагировала на следующие слова, содержащиеся в письме: «Мы никогда не согласимся, чтобы империализм мирным или немирным путем, изнутри или извне пробил брешь в социалистической системе и изменил в свою пользу соотношение сил в Европе»².

Весьма раздраженную реакцию в западногерманской печати и пропаганде вызвала в тот период статья центрального органа СЕПГ «Нойес Дойчланд» от 17 июля 1968 г., озаглавленная: «Грубое вмешательство Бонна во внутренние дела Чехословакии». В день ее опубликования Министерство иностранных дел ФРГ устроило в Бонне пресс-конференцию, на которой пыталось отрицать факты, приведенные в статье. Выпады против ГДР сопровождались предостережением западногерманским средствам массовой информации реагировать на развитие событий в Чехословакии более осторожно.

Правые антисоциалистические силы, стремясь поставить Чехословакию в зависимость от Запада, большую роль отводили займу. Они вели игру в этом плане довольно осторожно, зондируя и подготавливая общественное мнение. Эти силы считались с тем, что даже не слишком грамотные в политическом отношении люди сумеют оценить социальные и политические последствия такого шага, не говоря уже о соответствующей реакции со стороны братских социалистических стран. Для чехословацких контрреволюционных сил важно было получить такой заем без лишнего шума.

¹ «Советско-чехословацкие отношения. 1961—1971. Документы и материалы». М., 1975, стр. 233—234.

² Там же, стр. 234.

Напротив, на Западе, в частности в ФРГ, этот вопрос обсуждался весьма бурно и откровенно.

Идея поставить Чехословакию в зависимость от Федеративной Республики Германии посредством предоставления ЧССР крупного долгосрочного займа стала высказываться в западногерманских политических и экономических кругах с конца 1967 г. Позже ее контуры обрисовывались все определеннее; получение такого займа становилось предметом различных идеологических и политических спекуляций и давления. Так, например, 10 апреля 1968 г. агентство Рейтер сообщило, что соглашение о займе уже заключено. Несколько дней спустя была пущена фальшивка о том, что Советский Союз якобы приостановил поставки в ЧССР зерна, нефти и железной руды. В западной печати неоднократно появлялись противоречивые сообщения о переговорах, проходивших между представителями ЧССР и ФРГ. В середине августа 1968 г. австрийское радио передало на эту тему интервью с председателем правительства ЧССР Черником. Это интервью было немедленно опровергнуто чехословацкой стороной. В июле 1968 г. Прагу посетил президент западногерманского федерального банка Блессинг.

О том, какое значение западногерманская буржуазия придавала именно экономическому привязыванию Чехословакии к Западу, свидетельствует и тот факт, что среди так называемых «деятелей января» наибольшим расположением в ФРГ с самого начала пользовался Ота Шик. Ему создавалась самая широкая реклама и предсказывалось «великое будущее».

Западногерманская буржуазия возлагала большие надежды на экономическое проникновение в ЧССР. Усиление зависимости ЧССР от западной экономики должно было одновременно привести к ослаблению СЭВ, дать новый источник прибылей для западногерманских монополий и поставить в военно-стратегическую изоляцию ГДР¹.

¹ Как западногерманские реваншистские круги представляли себе экономическое сотрудничество с Чехословакией, видно из многочисленных материалов того времени. Например, журнал «Ост-Вест-Куир» 17 августа 1968 г. рекомендовал открыть границу между обеими странами и таким образом сделать возможным прилив в ФРГ гастарбай-

В идеологическом отношении международная реакция рассматривала события в ЧССР как важный шаг к осуществлению целей европейской антикоммунистической политики, как это наметил еще в середине 60-х годов З. Бжезинский. «Восточных европейцев, особенно чехов и поляков, необходимо убедить в том, что существование Восточной Германии (то есть ГДР.—Ред.) ограничивает их свободу, не способствуя их безопасности... Запад должен строго дифференцировать свое отношение к Восточной Германии и к остальной Восточной Европе. В отношении Восточной Германии необходима политика изоляции, в отношении Восточной Европы целесообразна политика мирного вовлечения в дело экономики, культуры и, разумеется, политики. Только таким путем Восточная Германия станет на карте Европы политическим анахронизмом, источником постоянных неприятностей для Москвы и перестанет быть фактором безопасности для Восточной Европы»¹.

Распространение враждебной пропаганды в отношении ГДР должно было согласно стратегическим планам западных антикоммунистических центров нанести удар по единству стран социалистического содружества.

Такой подход встречал активную поддержку антисоциалистических сил. В 1968 г. антисоветизм правых сил и подстрекательство против ГДР слились в единый поток. С одной стороны, ГДР — по затаканному западному пропагандистскому шаблону — объявлялась «марионеточным государством Москвы», с другой — та же пропаганда твердила, что представители Германской Демократической Республики «подстрекают социалистические страны, в том

теров (гостей-рабочих) из Чехословакии. Судетонемецкий социал-демократический еженедельник «Ди Брюкке», касаясь той же темы, писал: «Разве нам повредит, если наряду с итальянцами, испанцами, югославами, турками, марокканцами и другими гастарбайтерами у нас будут чехи и словаки?» Доктор Бехер неоднократно повторял, что вместо предоставления займа было бы лучше вновь «подключить» к чехословацкой экономике бывших судетонемецких предпринимателей.

¹ Z. Brzezinski. *Alternative zur Teilung*, Kiepenheuer und Witsch, Köln — Berlin. 1966, s. 173.

числе и Советский Союз, на принятие крутых мер по отношению либерализации в ЧССР», что ГДР мешает мирному урегулированию отношений ЧССР с Федеративной Республикой Германии и т. д.

Разные надежды возлагали западногерманские реваншистские круги на «чехословацкую весну». Представители судетонемецкого землячества не скрывали, что в развитии событий они усматривают возможность «расплатиться» за 1945 г. Об этом откровенно писал в вестнике «Ди Судетендойче Цайтунг» 26 июля 1968 г. доктор Готтфрид Михл, заместитель председателя судетонемецкого землячества в Баден-Вюртемберге.

В сущности это была старая песня, но в ней уже говорилось о «демократизации» и «гуманизации» социализма, об «общности культур» европейских народов, в действительности же речь шла не только о ликвидации социалистического общественного строя в ЧССР и отрыве Чехословакии от социалистического содружества, но и о реализации идеи западногерманского империализма о «расширении жизненного пространства».

День 21 августа стал для мировой антикоммунистической реакции днем крушения всех ее надежд. Газета «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», выражая мнение западногерманских буржуазных кругов, писала: «Сейчас у нас такое чувство, будто нас отбросили на годы назад. Пробитая с таким трудом дорога нашей восточной политики, кажется, будет забаррикадирована — ущерб удастся точно измерить только со временем...»¹ Чем меньше надежд оставалось у западных антикоммунистических кругов на осуществление своих замыслов и планов, до которых, как им казалось, было рукой подать, тем более злобной становилась их пропаганда.

Вместе с тем империалистические круги стараются замолчать свое участие в античехословацкой «психологической операции», развязанной реакционными силами сразу же после 21 августа. Контрреволюция внутри страны тоже стремилась по возможности замести все следы, выдававшие её прямое сотрудничество с империалистическими агентствами.

¹ «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», 23 августа 1968 г.

Вот почему здесь стоит указать на ряд примечательных фактов.

Например, в специальном выпуске газеты «Литерарны листы» в августе 1968 г. было помещено «потрясающее сообщение» о ликвидации операционной в детской клинике на Карловой площади в Праге. Об этом написали весьма красочно, и читатель не мог не возмутиться. Текст сообщения многократно повторялся по радио и распространялся по всей стране, можно сказать, далеко за ее пределами. Когда же корреспондент западногерманского телевидения поспешил в детскую клинику, чтобы дать собственный репортаж о ликвидации операционной, то он убедился, что это был чистый вымысел.

В августовские дни в правой печати в ЧССР и в западных буржуазных газетах и журналах печатался практически один и тот же провокационный иллюстрационный (а нередко и текстовой) материал. В большинстве случаев его готовили вышколенные западные репортеры, набившие себе руку на подобных фальшивках.

Антикоммунистическая пропаганда широко использовала неправильные позиции, которые заняли некоторые коммунистические партии в западных странах в отношении чехословацких событий. Внешняя и внутренняя реакция совместными усилиями старались всячески усугубить кризисное состояние в ЧССР и таким образом ослабить международное коммунистическое и антиимпериалистическое движение.

После апрельского пленума ЦК КПЧ в 1969 г. в античехословацкой деятельности Запада произошел определенный перелом. На этот раз антикоммунистические круги сориентировались быстрее, чем это было в начале 1968 г. Враги социализма понимали, что с приходом нового руководства в КПЧ они утрачивали в ЧССР свои позиции. Сообщение об уходе Дубчека с поста Первого секретаря партии было ими воспринято как поражение «реформаторского курса» в ЧССР. Буржуазная пропаганда перестала сразу же восхвалять КПЧ, провозглашать ее образцом демократии и гуманизма. Новое руководство КПЧ во главе с Густавом Гусаком и его политика становятся объектом грубого охаивания и системати-

ческих враждебных кампаний. По мере развития в ЧССР процесса политической консолидации эта тактика идеологической диверсии получает все более явное выражение.

Характерный перелом произошел и в руководстве западногерманской социал-демократии. Вплоть до августа 1968 г. многие ее официальные представители поддерживали политику и аргументацию правых сил в руководстве ЧССР. Оппортунистический курс Дубчека был провозглашен ими «реформаторским коммунизмом»; подчеркивались общие черты этой идейно-политической платформы с программными основами СДПГ. Так, открыто выражая свои симпатии и поддержку чехословацким ревизионистам и оппортунистам, западногерманские правые социалисты тем самым разоблачали их подлинное лицо.

На августовские события в ЧССР западногерманская социал-демократия реагировала сдержанно. Это видно и из резолюции президиума СДПГ от 28 августа. В ней явно проступает стремление использовать создавшуюся ситуацию для осуществления своих собственных стратегических планов. С одной стороны, в резолюции подчеркивается миролюбие и непоколебимое стремление СДПГ к переговорам и разрядке напряженности в Европе, с другой стороны, в ней содержатся антисоветские высказывания и нападки на ГДР. В выводах резолюции президиума СДПГ указывается на необходимость дальнейшего укрепления организации НАТО и повышения военного потенциала ФРГ.

В 35-м номере социал-демократической газеты «Форвертс» от 29 августа 1968 г. была помещена статья Й. Шолнера. Он дает характеристику программы, которая, мол, была «с большими или меньшими модификациями принята пражскими коммунистами-реформистами». Эта программа — как отмечал западногерманский автор — включала роспуск сельскохозяйственных кооперативов, отмену государственной собственности на промышленные предприятия, ликвидацию руководящей роли партии в политической системе страны, выход из содружества социалистических государств. Так называемый «реформатский коммунизм» в Чехословакии расценивался автором статьи как дальнейшее развитие того,

что нашло свое выражение в контрреволюционных путчах в 1953 г. в ГДР и в 1956 г. в Венгрии.

Надежды, связанные с послеянварским развитием 1968 г. в Чехословакии, довольно откровенно высказала газета «Форвертс» год спустя: «То, что делало недели пражской весны такими волнующими, был тот факт, что — за исключением основного принципа социализма — пражские реформаторы поставили под вопрос все догмы марксизма-ленинизма: «руководящую роль партии», «отказ от «принципов плюрализма»», «пример Советского Союза»¹. Ответ на вопрос, что же осталось от этого «основного принципа социализма», нужно было искать в программных основах и политической практике СДПГ. Симпатии пражским «коммунистам-реформистам» были высказаны за то, что они подвергли ревизии все, чем реальная марксистско-ленинская теория отличается от правой социал-демократической программы так называемого «демократического социализма».

Единственной силой, которая в ФРГ последовательно стояла на позициях марксизма-ленинизма и выступала в защиту истинного социализма в ЧССР, были западногерманские коммунисты. Они не поддались массовой антисоветской пропаганде и разнузданной истерии и не дали сбить себя с толку дезинформацией правых кругов. Напротив, своей политически принципиальной позицией и глубоким пониманием развития событий в Чехословакии они оказали поддержку здоровым марксистско-ленинским силам в КПЧ.

Самое убедительное доказательство своей враждебной социализму политики представители чехословацких правых сил дали после крушения своих контрреволюционных планов. Их деятельность в эмиграции — логический результат полного политического и морального падения.

Самые активные пропагандисты так называемого «демократического социализма с человеческим лицом» перешли в радиостанции «Свободная Европа», «Немецкая волна» в ФРГ, в израильское радио, ведущее передачи против Чехословакии, в «Би-би-си» и т. д. Иван Свитак, Радослав Селуцкий, Владимир

¹ «Форвертс» № 34, 31 августа 1969 г., стр. 1.

Кусин и другие стали сотрудниками антикоммунистических исследовательских институтов. Эдуард Гольдштюккер, Ота Шик, Антонин Шнейдарек, Эуген Лебл были приняты в качестве профессоров в западные университеты. Многие поборники «демократического и гуманного социализма» печатают антикоммунистические опусы в буржуазных издательствах, пишут в буржуазные газеты и активно участвуют в антикоммунистических акциях.

* * *

Идеологическая борьба между марксистско-ленинскими силами и контрреволюцией в ЧССР была неотъемлемой частью классовой борьбы на международной арене, в которой отразились основные противоречия нашей эпохи. В этой борьбе играют роль как действия врага, так и наша собственная деятельность. Так, например, влияние враждебной пропаганды ограничивается и устраняется усилиями партии, оно имеет отношение к успехам и просчетам в деле строительства социализма, в деле воспитания трудящихся. Любые ошибки в социалистическом строительстве используются классово враждебными силами.

Возникает вопрос: какова была степень реального влияния враждебной пропаганды?

На первый взгляд может показаться, что имеется немало доказательств самого широкого влияния реакционной пропаганды в Чехословакии в 1968 г. Резолюции, организация антисоветских сборищ, акции по сбору подписей и т. п. — все это действительно имело место. Однако можно ли все это считать объективным показателем политических настроений общественности в тот период? Имелись ли в то время условия для того, чтобы столь же «свободно» и открыто могли проявиться и противоположные мнения? Тот, кто придерживался марксистско-ленинских взглядов и высказывал их, подвергался жестокому политическому и психологическому террору со стороны реакционных сил. Антикоммунистическая пропаганда и теперь подчеркивает якобы массовый характер ревизионистских и антисоциалистических выступлений в Чехословакии. Ее главный тезис состоит в том, что

«возрождение» было-де стихийным проявлением воли народных масс. А как все это выглядело на самом деле?

В 1968 г. в сознании определенной части граждан Чехословакии под влиянием националистической пропаганды, мелкобуржуазных настроений и буржуазной аргументации происходил сдвиг.

В 1968 г. антикоммунистические силы и идеологическая диверсия против ЧССР достигли некоторых своих целей. Но здесь следовало бы уточнить вопрос: что в тот период создавало возможности для усиления влияния ревизионистской, антисоциалистической, а по существу буржуазной идеологии на чехословацкое общество?

Часто ссылаются на исключительную роль средств массовой информации, влияние которых в качестве антисоциалистического инструмента было весьма велико. Некоторые представители правых сил считают эти средства даже главной движущей силой так называемой «чехословацкой весны».

Но действительно ли в процессе идеологического разложения в ЧССР средства массовой информации играли какую-то самостоятельную роль?

Ответ на этот вопрос не однозначен. С одной стороны, средства массовой информации действительно старались играть самостоятельную роль в том смысле, что перестали подчиняться партийным и государственным органам. С другой стороны, нельзя говорить об особой линии и роли этих средств, не учитывая борьбу в тот период основных политических сил. Если эти средства вышли из-под контроля партии и социалистического государства, то это еще не означало, что они не испытывали влияния других политических сил.

В то время в партийном и государственном руководстве Чехословакии задавали тон ревизионистские и оппортунистические силы. В борьбе против основных принципов марксизма-ленинизма, против социализма средства массовой информации действовали заодно с правыми силами.

Говорить о какой-то самостоятельной роли чехословацких средств массовой информации в этот период имеет смысл лишь постольку, поскольку иссле-

дуется их отрыв от марксистско-ленинского руководства, изучаются причины, развитие и последствия такого явления. В документе «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» констатируется следующее: «Средства массовой информации — печать, радио, телевидение, кино — представляют исключительно важное орудие власти и массово-политического воспитания, руководство и контроль над которым никогда нельзя упускать марксистско-ленинской партии и социалистическому государству, чтобы дело социализма не подверглось серьезной опасности»¹.

Сам этот отрыв явился результатом разложения в руководстве партии, нарушения ее руководящей роли. А основой этого было ослабление марксистско-ленинских принципов в работе партии, в ее внутренней жизни, в ее деятельности вообще. Это открывало простор для проникновения и усиления буржуазной идеологии. Но этот процесс начался не с января 1968 г., а раньше. «На словах часто говорилось об опасности идеологической диверсии, но конкретных шагов не предпринималось...—отмечается в «Уроках».—Партия постепенно идейно разоружалась»².

Антисоциалистические элементы, бежавшие на Запад, и по сей день пытаются оправдать свои собственные «грехи» тем, что, мол, стремились исправить ошибки, допущенные прежним руководством. В основе этих «грехов» оппортунистической и ревизионистской группировки в послеянварском руководстве партии и общества была не непоследовательность прежнего руководства в устранении ошибок. Фракционное ядро, сколоченное правыми ревизионистскими кругами в партии, вело борьбу против коммунистов, верных марксизму-ленинизму, сознательно парализовало руководство обществом, а развитие в стране все более и более стало определяться антисоциалистическими силами. Постепенно сформировался политический блок правых ревизионистских и антисоциалистических сил. «Правда, идеология и

¹ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 42.

² Там же, стр. 10.

тактика его отдельных частей была различной, но их объединяла борьба против партии и союза с Советским Союзом»¹.

1968 год был тяжелым политическим и идеологическим испытанием, испытанием характеров. Создалось такое положение, когда одной дисциплины или веры было недостаточно. Опыт подтвердил, что марксистско-ленинское учение и строительство социализма требуют большего, чем механическое исполнение директив или индивидуальное, субъективное толкование теоретических принципов и политических постулатов. Они требуют диалектического понимания партийной дисциплины в единстве и взаимосвязи с марксистско-ленинским сознанием. Коммунистическая партия остается партией ленинского типа до тех пор, пока она неуклонно руководствуется принципами марксизма-ленинизма, а член партии — марксистом-ленинцем до тех пор, пока он активно борется за единство партии, за выполнение задач и решений под руководством партии. Одно без другого немыслимо.

Кризис, разразившийся в коммунистической партии в 1968 г. и в начале 1969 г., был настолько глубоким, что эти условия диалектического единства взаимоисключались. Многие просто не выдержали испытания. Однако большинство коммунистов не только выстояло, но и своей твердостью и принципиальностью обеспечило условия для восстановления марксистско-ленинского характера КПЧ и консолидации социализма в ЧССР.

Международная и внутренняя реакция после апреля 1969 г. своей враждебной деятельности не прекратила и не ослабила, но условия стали другими. И главное состояло в том, что произошли коренные изменения в политической и идеологической деятельности КПЧ, а одновременно и в функционировании всей социалистической государственной и общественной системы в стране.

Это еще раз подтверждает диалектику ответственности партийного руководства и каждого рядового коммуниста и гражданина. Изменения, которые произошли в апреле 1969 г. в руководстве КПЧ, отра-

¹ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 20.

жали объективные потребности чехословацкого общества, были результатом победоносной борьбы марксистско-ленинских сил. Не только партийное руководство, но и политический опыт трудящихся способствовали поражению антикоммунистической и ревизионистской пропаганды. Коммунисты и все граждане ЧССР прошли трудную школу. Она их многому научила. Поражение контрреволюции активизировало социалистические силы в стране и создало условия для укрепления идейно-политического единства под руководством КПЧ — марксистско-ленинской партии.

НОВЫЕ ПЕРЕМЕНЫ НА ПОРОГЕ 70-х ГОДОВ

Тактика идеологической диверсии антикоммунизма в Чехословакии в конце 60-х годов и в наши дни имеет некоторые различия. Мировая и внутренняя реакция, потерпев решительное поражение, не отказалась от своих враждебных планов. Вся история антикоммунизма начиная со второй половины прошлого века — это сплошная цепь его неудач и поражений. Тем не менее антикоммунизм постоянно приспосабливается к меняющейся ситуации, пытается разрабатывать новую стратегию и тактику, находить более действенные методы и средства борьбы.

Однако возможности осуществления планов антикоммунизма, направленных против Чехословакии, все более сужаются. Это обусловливается принципиальными внутривластными переменами, происшедшими в Чехословакии после апрельского (1969 г.) пленума ЦК КПЧ.

Правооппортунистические силы на апрельском и майском пленумах ЦК КПЧ в 1969 г. утратили определяющее влияние в руководстве партии. Новое руководство КПЧ развернуло энергичную борьбу против контрреволюционных элементов и за восстановление социалистических принципов. В течение 1969 г. марксистско-ленинское руководство заняло решающие позиции во всех областях общественной жизни. Стабильность государственной власти была восстановлена. Попытка антисоциалистических элементов в августе 1969 г. террористическими актами и бесчинствами сорвать процесс политической консолидации встретила решительный отпор. Сентябрьский пленум

ЦК КПЧ в 1969 г. осудил правый оппортунизм и удалил из ЦК правых деятелей. Большое значение для Коммунистической партии Чехословакии имел обмен партийных билетов в 1970 г., XIV съезд КПЧ, состоявшийся в мае 1971 г., в основном завершил преодоление кризиса в партии и обществе. Одновременно съезд направил главные усилия коммунистов и всех граждан на деловое, позитивное решение ключевых задач дальнейшего развития социализма.

Новое руководство КПЧ и Чехословацкой Социалистической Республики твердо встало на позиции социалистического интернационализма в едином фронте с другими братскими партиями и государствами социалистического содружества. КПЧ снова стала проводить политику дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. Это ясно подтвердил товарищ Густав Гусак в своем выступлении на московском международном Совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г.

Средства массовой информации и весь механизм идеологического воздействия, которые еще до 1968 г. в значительной мере находились под влиянием правых и ревизионистских кругов, а в 1968 г. превратились в прямое орудие антикоммунизма, постепенно очищались от антисоциалистических сил. Окончательному поражению антисоциалистических, ревизионистских и оппортунистических сил способствовала большая идеологическая работа, которая, с одной стороны, была направлена на разоблачение целей, методов и взаимосвязей внутренней реакции с западными подрывными центрами, а с другой — на восстановление и защиту принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма во всех областях общественной жизни.

Важным фактором в деле восстановления социалистических принципов и стабилизации положения в стране была нормализация экономической жизни, преодоление отрицательных тенденций в экономике, которые возникли в результате деятельности правых сил, а также постепенное решение накопившихся в народном хозяйстве проблем. Результаты этой работы проявились уже в 1971 г. Они благоприятно сказались на жизненном уровне трудящихся и зна-

чительно способствовали дальнейшей консолидации общества.

О восстановлении доверия широких масс трудящихся к политике нового руководства КПЧ свидетельствовали результаты выборов в законодательные органы ЧССР осенью 1971 г.

Усилия нового руководства КПЧ во главе с Густавом Гусаком сочетались с целенаправленной, решительной борьбой против идеологической диверсии антикоммунизма.

Развитие событий после апрельского пленума ЦК КПЧ (1969 г.) еще раз подтвердило тот факт, что проникновение и влияние враждебной идеологии обратно пропорционально степени принципиальности в политике и идеологии коммунистической партии. Хотя антикоммунистическая борьба против Чехословакии не ослабевает, активная принципиальная борьба КПЧ ведет к существенному снижению эффективности этой подрывной деятельности. Проникновение враждебной идеологии в ЧССР утратило поддержку правых «сверху»; оно лишилось внутренней базы (отдельные лица и изолированные группы, распространяющие враждебную пропаганду в своем окружении, не могут восполнить эту потерю); реакционная роль правого ревизионизма и оппортунизма и их подрывные планы были разоблачены, антисоциалистические силы потеряли возможность прибегать к политическим бесчинствам. Чехословацкая общественность все более отрицательно относилась не только к отдельным сообщениям и реакционным подстрекательским призывам враждебной пропаганды, но и к антикоммунистической идеологической деятельности в целом.

Все это не могло не оказывать своего влияния на характер враждебной деятельности сил империализма. В минувшие годы в антикоммунистической идеологической диверсии против Чехословакии произошли некоторые изменения. Однако причины этого нельзя усматривать лишь в развитии событий в ЧССР. Они обусловлены более широкими сдвигами в расстановке классовых сил в мировом масштабе.

Споры о новой глобальной стратегии антикоммунизма

Идеологическая диверсия, как показывает опыт, является одной из форм антикоммунизма, и изменение ее роли зависит от общих перемен в антикоммунистической стратегии и тактике¹.

На рубеже 60-х и 70-х годов на Западе оживились споры о наиболее эффективных методах борьбы против прогрессивных сил, против социализма. В этой полемике доминировали две тенденции. Сторонники одной делали упор на менее открытые формы борьбы, возлагали надежды на использование в своих целях политики переговоров между Востоком и Западом, на постепенные внутренние реформы и изменения в социалистических странах, которые должны привести к разложению социалистической общественной системы, к ликвидации руководящей роли партии и подрыву диктатуры пролетариата. Другие полагались на открытое давление, применение силы, делали ставку на подрыв социализма контрреволюционными силами внутри страны при помощи идеологической, экономической, политической и, наконец, военной интервенции извне. Это старая тактическая схема крайней реакции, к которой она возвращается после каждого своего поражения.

Обе тенденции взаимопереплетаются и комбинируются друг с другом в теории и практике западных идеологических центров. Этот спор обнажает в современном антикоммунизме неразрешимое противоречие между целями и реальными возможностями мировой реакции.

Поборники воинствующего курса и возврата к методам времен «холодной войны» приводят целый ряд аргументов в защиту своей позиции. Хотя, по их мнению, в Чехословакии в 1968 г. антисоциалистическим

¹ Основные вопросы современного антикоммунизма, его цели и формы воздействия, а также роль идеологической стороны этих действий были предметом обсуждения на международной теоретической конференции, состоявшейся в Москве 19—23 января 1970 г. Тема конференции: возрастающая роль ленинизма в настоящий период и критика антикоммунизма. Материалы конференции содержатся в публикации «Против современного антикоммунизма». Прага, 1970.

силам удалось кое-что сделать, конечный итог оказался неутешительным и цель контрреволюции не была достигнута. Социализм в ЧССР не был сломлен, планы, связанные с ослаблением социалистического содружества, с расколом в международном коммунистическом движении, не осуществились. Напротив, социалистические страны еще теснее сплотились вокруг Советского Союза, а московское международное Совещание коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г. отметило, что открытое выступление ревизионизма, объединившегося с антисоветизмом и антикоммунизмом, явилось поучительным уроком и импульсом к укреплению идейно-политического единства международного революционного движения.

Антикоммунистический идеологический курс империалистических государств Запада обуславливается — и не в последнюю очередь — стремлением оправдать их агрессивную политику. Правящие круги Соединенных Штатов Америки прикрывают реакционную направленность проводимой ими политики жупелом «коммунистической опасности». Израиль в союзе с международными сионистскими организациями раздувает антисоветскую и антикоммунистическую истерию для идеологического оправдания своей империалистической агрессии, аннексии территорий ряда государств на Ближнем Востоке и расистского неофашистского обращения с арабским населением. Западногерманские реакционные круги используют антикоммунизм как идейное прикрытие своих внешнеполитических реваншистских притязаний, вооружения бундесвера и участия в агрессивном Североатлантическом пакте. Воинствующий антикоммунизм служит капиталистическим странам и буржуазным политическим кругам для оправдания всех реакционных акций, которые вызывают отпор общественного мнения.

Вместе с тем в некоторых западных буржуазных кругах усиливается критическое отношение к формам и методам примитивного антикоммунизма. В ряде случаев полемические оговорки служат лишь словесным прикрытием реакционных взглядов. Однако получают распространение и взгляды, опирающиеся на обстоятельные оценки и анализ.

Эти критические тенденции в отношении политики грубого антикоммунизма в последние годы находят все чаще свое выражение в западной литературе, произведениях искусства и в политической публицистике. Это реакция либеральной части буржуазной интеллигенции на политику усиливающегося воинствующего антикоммунизма, на бесчинства сионистских организаций, на неофашистский террор, на наводнение книжного рынка низкопробной антикоммунистической и антисоветской литературой, на ложь, клевету и фальсификации со стороны мажоритарно-реакционных кругов, на деятельность деклассированных политических эмигрантов в западных странах.

Наряду с этим раздается также критика с прагматических позиций. Некоторые, в том числе известные теоретики антикоммунизма, осуждают его грубые формы, которые, по их мнению, косвенно содействуют объединению антиимпериалистических сил. Конечно, главными аргументами, которыми руководствуются такие критики, являются не симпатии к прогрессу, а стремление заменить старые, неэффективные методы идеологической борьбы более тонкими и более действенными.

Открытый антикоммунизм, считают буржуазные идеологи, не выдержал исторического испытания, не сумел остановить роста авторитета и влияния коммунистического движения и приводил большей частью к обратным результатам.

Спор между сторонниками воинствующего и более осторожного антикоммунизма является в основном спором о тактике. Такая полемика не нова. Она — обычный закономерный атрибут политической и идеологической практики реакционных буржуазных кругов.

Этот спор имеет, однако, более глубокие объективные причины. Внешне он проявляется в виде полемики об «уроках» чехословацких событий, событий в Польше в 1968 и 1970 гг., в виде дискуссии по поводу отдельных политических мероприятий, отдельных теоретических аспектов марксизма-ленинизма и т. п. Но существо дела составляют коренные перемены в соотношении сил между реакцией и прогрессом в мировом масштабе.

Решающее влияние оказывают темпы экономического, политического и культурного развития социалистических стран.

Буржуазная пропаганда не скупится на псевдонаучные футурологические предсказания путей развития человеческого общества. Она всячески пытается доказать, что капиталистический мир будет развиваться более динамично, чем социалистические страны, и восстановит в конце концов свое превосходство. Реакционная пропаганда раздувает слухи о разногласиях среди стран социалистического содружества, утверждает, что внутри прогрессивных сил нарастают негативные процессы, которые будут определять настоящее и будущее развитие. Авторы буржуазных и ревизионистских теорий называют это дезинтеграционной тенденцией, которая будто бы является характерной чертой современной эпохи как для капиталистического, так и для социалистического мира.

Цель такой аргументации — извратить основное направление современного развития, все возрастающую роль идей социализма, успехи социалистических стран, дальнейшее упрочение их политической, экономической и научно-технической мощи. Этот процесс выражает объективные закономерности дальнейшего развития социалистических производительных сил и производственных отношений. И если атаки современного антикоммунизма ведутся, в первую очередь, против единства стран социалистического содружества, то это значит, что враждебные социализму силы понимают исключительную важность этого объективного процесса.

Растущая сила коммунистического и рабочего движения, распространение марксизма-ленинизма, позитивный опыт социалистического строительства также способствуют коренным переменам в соотношении сил на мировой арене. Враждебная пропаганда не в состоянии опровергнуть этот факт. Она может лишь уповать на ренегатов в коммунистических партиях, на раскольническую политику «левых» экстремистов и правых оппортунистов, пытаться использовать отдельные различия во мнениях. Развитие революционного рабочего движения всегда было связано с борьбой против ревизионизма, против фаль-

сификаторов в теории и ренегатов на практике. Так было со времен Маркса и Энгельса, так формировалось единство Коммунистического Интернационала, основанного Лениным. И в настоящее время компартии ведут острую идеологическую борьбу против правого и «левого» ревизионизма и оппортунизма.

Борьба за мир, демократию и национальное освобождение образует во всем мире широкий прогрессивный антиимпериалистический фронт, где коммунистическим партиям и социалистическим странам принадлежит решающая роль и благодаря которым влияние коммунистической идеологии и политики неуклонно возрастает.

Углубляются внутренние противоречия современного империализма. Неравномерность развития капиталистических стран усиливает противоречия между Соединенными Штатами Америки и Западной Европой, между США и Японией, между империалистическими метрополиями и развивающимися странами, а также между самими западноевропейскими государствами. Война в Индокитае стала свидетельством краха агрессивной политики ведущей капиталистической державы США. Период «экономического чуда» в некоторых западных странах сменился периодом постоянно повторяющихся экономических кризисов и инфляции. Рост забастовочного движения и увеличение безработицы подтверждают тот факт, что даже самые развитые в промышленном отношении западные страны не в состоянии обеспечить необходимые материальные условия существования всему обществу в целом, и изобличают лживость теорий о так называемом «потребительском обществе», о «всеобщем благоденствии», о «социальном партнерстве».

Решающая роль в определении стратегии антикоммунизма по-прежнему остается за реакционными кругами сильнейшей империалистической державы — Соединенных Штатов Америки.

О том, как некоторые американские политические круги представляют себе смысл диалога между Востоком и Западом, можно судить, например, по высказываниям Збигнева Бжезинского. В журнале «Ньюсуик» в январе 1971 г. он подчеркивал, что та-

кие переговоры должны вести не к «замораживанию» нынешнего положения, а способствовать «реинтеграции» восточноевропейских стран в западное сообщество и содействовать внутреннему перерождению этих государств в социал-демократическом духе. Без этого переговоры с Востоком якобы не имеют смысла. Иными словами, речь идет о том, чтобы с помощью экономических, идеологических, а в зависимости от обстановки и военных действий способствовать ликвидации социалистического общественного строя в ЧССР, Польше, ГДР, Болгарии, Венгрии, Румынии и других государствах и возвращению их в лоно капиталистического Запада.

Такое отношение к переговорам с социалистическими странами характерно не только для реакционных империалистических кругов США.

Многие аспекты внешнеполитической концепции влиятельных кругов США свидетельствуют о том, что ее авторы сознают падение престижа Соединенных Штатов в современном мире. Обанкротившаяся политика прямого военного вмешательства должна, по их мнению, уступить место более эффективным и менее открытым действиям. Вместе с тем эта концепция отвергает «автоматическое ограничение американского присутствия» в мире.

Американские империалисты боятся роста коммунистического влияния в ходе борьбы широких народных масс за мир, демократию и социализм. Именно поэтому они не устают говорить о некоей «коммунистической угрозе».

Современная американская концепция антикоммунизма возлагает надежды на «мультиполярный коммунизм», «возникающий в результате полицентризма коммунистического мира». Эта концепция не нова и имеет определенную классовую направленность. Главное состоит в том, чтобы добиться политического и идеологического раскола в международном коммунистическом движении, среди социалистических стран. Согласно этой концепции США и западноевропейским странам следует шире использовать в своих целях контакты с социалистическими государствами, применять к ним дифференцированный подход и в конечном счете вести дело к ослаблению влияния Советского Союза в социалистическом

содружестве. Эта доктрина делает упор на «неодинаковые задачи и новые возможности» США и других капиталистических стран, которые они должны использовать в своих целях.

Антикоммунистическая тактика реакционных кругов США в последние годы представляет известный компромисс между старыми реакционными целями и новой обстановкой в мире. Однако для реализации ее целей нет исторических условий, точно так же как не было их ни для одной из предшествовавших ей антикоммунистических концепций.

Современная политика США в отношении социалистических стран и прогрессивного движения в мире сопровождается столкновением противоречивых интересов различных империалистических группировок. Ее реализация — это не простое, механическое перенесение неизменных принципов в практику, а попытка приспособиться к возникающей ситуации. В ней можно выделить следующую закономерность: чем труднее для империалистических кругов США становится осуществление антикоммунистических замыслов, тем энергичнее стремятся они втянуть в свои акции другие западные страны.

Координацию этих акций, наряду с Североатлантическим пактом, помогают осуществлять различные западные центры, в том числе и Социалистический интернационал.

Попытки правых сил использовать Социалистический интернационал в антикоммунистической борьбе усилились со второй половины 50-х годов, по мере того как идеологическая диверсия меняла свои формы, сделав главный упор на реформизм и псевдосоциализм. Его защитники — проповедники мелкобуржуазного, так называемого «демократического социализма».

Сердцевиной псевдосоциалистической концепции является ее подчеркнутый антисоветизм.

К крайне правому крылу мирового антикоммунистического фронта принадлежат и сионистские организации. Бомбы, террор, нападения на дипломатические и другие учреждения — таков далеко не полный перечень подрывных действий сионистских центров, направленных, в первую очередь, против

Советского Союза и других социалистических стран, в том числе и Чехословакии.

Что подогревает и придает особенно воинствующий характер антикоммунизму сионистов? Это тесная связь Израиля с американским крупным капиталом, а также роль, которую играют сионисты среди «капитанов» военно-промышленного комплекса США. Империалистическая пропаганда раздувает еврейский буржуазный национализм — это орудие сионизма, которое используется с целью оказать разлагающее воздействие на евреев, проживающих в социалистических странах. Убедительным подтверждением этого были и события в ЧССР в 1968 г.

Еврейский буржуазный национализм защищает отнюдь не интересы евреев, а — как всякий буржуазный национализм — лишь служит классовым интересам эксплуататорских кругов, международного империализма.

* * *

Мировой антикоммунистический фронт не был и не является единым. Его общие черты просматриваются сквозь определенные различия и противоречия. Для международного антикоммунизма последних лет характерно следующее: активность антикоммунизма не ослабевает, а наоборот, возрастает. На первый взгляд, это должно противоречить новому соотношению сил на мировой арене. При поверхностном подходе может показаться, что с развитием и упрочением позиций социализма враждебная деятельность международной реакции должна ослабевать. Но это не так. В. И. Ленин вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции говорил, что капитализм «не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти»¹.

В последнее время особенное значение приобретает идеологический аспект классовой борьбы. Это проявляется в активизации антикоммунистической пропаганды, усилении враждебных клеветнических кампаний, а вместе с тем и раздувании псевдомарксизма, правого и «левого» ревизионизма.

Идеологи антикоммунизма все чаще прибегают к лозунгам псевдопрогрессивности. Этим они пыта-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 382.

ются обмануть мировое общественное мнение, расколоть антиимпериалистический фронт, поставить в изоляцию коммунистические партии, ограничить их влияние на борьбу за мир, на национально-освободительное и демократическое движение.

Антикоммунистические силы, усиливая идеологические диверсии против социалистических стран и прогрессивных сил, в то же время не отказываются от методов террора и насилия. Мощь империалистических военных сил, рост вооружений, практика военной политики империалистических государств говорят о том, что мировая реакция не собирается добровольно и окончательно отказываться от использования вооруженных сил как одного из средств для достижения своих целей.

В аргументации, касающейся перспектив ликвидации социализма, появились некоторые новые моменты. Раньше это считалось краткосрочной задачей. Со второй половины 50-х годов стали преобладать более долгосрочные расчеты. Все больше становится доказательств того, что развитие в мире идет не в пользу капитализма. Некоторые антикоммунистические теоретики и стратеги Запада предостерегают о том, как бы осуществление долгосрочных планов по «размыванию» социализма не затянулось до тех пор, пока социализм получит абсолютный перевес сил над капитализмом во всех сферах (включая экономическую).

Антикоммунизм пытается найти выход. Не отказываясь от необходимости долгосрочного идеологического воздействия, антикоммунистические силы, вся мировая реакция готовы использовать каждый удобный случай для проведения немедленных подрывных акций против социалистических стран и антиимпериалистического фронта. В последние годы подчеркивается, особенно английскими антикоммунистическими кругами, что в борьбе против социалистических стран нельзя занимать выжидательную позицию, что длительный период противоборства оправдан лишь в том случае, если он состоит из непрерывной цепи активных, все более усиливающихся подрывных акций.

Все это подтверждает мысль о том, что современный антикоммунизм представляет собой ком-

бинацию самых различных методов как по своей направленности, так и по силе воздействия. Крайние воинствующие формы сочетаются с либерализмом и псевдосоциализмом. Главное — это гибкость и оперативность. Критерий прост: хорошо все, что идет во вред социалистическим странам, международному коммунистическому и рабочему движению и мировому антиимпериалистическому фронту.

США вводят новые элементы в понятие так называемой «глобальной стратегии антикоммунизма». Они делают бóльший по сравнению с прошлым упор не только на совместные и скоординированные действия всех империалистических сил, но и на разделение ролей между западными державами, между политическими и идеологическими центрами.

Главные усилия направляются прежде всего на раскол прогрессивных сил, на разжигание противоречий между социалистическими странами, на подрыв единства международного коммунистического и всего прогрессивного движения. Основным инструментом должен стать национализм, усиление националистических тенденций, антисоветизм.

Антикоммунистические планы, направленные против ЧССР после поражения контрреволюции, и роль идеологической диверсии

Антикоммунизм стремится избегать шаблонной схемы. Империалистические круги используют дифференцированный подход к отдельным социалистическим странам, приспособляются к меняющейся обстановке. Важные аспекты своих планов они, естественно, скрывают. Более того, нереальность антикоммунистических концепций, объективное противоречие между целями и возможностями толкают их на новые поиски.

Изменения в глобальной антикоммунистической стратегии на рубеже 60—70-х годов сказываются и на планах, направленных против Чехословакии и являющихся частью общих империалистических антикоммунистических акций. Эти планы еще находятся в стадии формирования. Тем не менее нынешние

тенденции в политике антикоммунистических сил говорят о некоторых новых моментах, которые начинают играть все большую роль.

Активизация контрреволюции в 1968 г. поставила Чехословакию в центр внимания мировой реакции. Но уже с 1969 г. мировая реакция переносит центр своего внимания на другие области.

Для мировой реакции Чехословакия представляла интерес лишь постольку, поскольку это давало ей возможность попытаться достичь своих целей.

С конца 60-х годов антикоммунистическая пропаганда развернула несколько крупных идеологических кампаний, которые ослабили внимание к Чехословакии. Тем не менее вопросы, касающиеся ЧССР, часто используются враждебными силами для подрывной деятельности в международном масштабе.

Развитие событий в Чехословакии перестало питать главные надежды мировой реакции, давало враждебной пропаганде все меньше и меньше аргументов. Подчеркнутое внимание к Чехословакии со стороны мировой общественности для реакционных сил даже нежелательно. Консолидация политической обстановки в ЧССР, подъем экономики, расцвет культурной жизни, рост общественной активности масс — все эти факты не легко увязать с тем, что твердила враждебная пропаганда несколько лет назад.

Тем не менее антикоммунистическая пропаганда и сейчас по-прежнему строит свои расчеты на дезинформации и ложных представлениях, как это было в 1968 г. Она «не снимает чехословацкую проблематику с огня», давая ей время от времени «снова вскипеть». Многое свидетельствует о том, что античехословацкие кампании последнего времени рассчитаны скорее на обработку общественного мнения западных стран, на дезориентацию части прогрессивных сил в капиталистическом мире, чем на общественность в Чехословакии.

Как повлиять на граждан в самой Чехословакии, как сохранить побольше от того влияния, которого антисоциалистическая пропаганда добилась в кризисный, контрреволюционный период, каким образом ускорить возможность новой попытки свергнуть социалистический строй в стране? — все это предмет бесконечных раздумий в лагере противника.

В 1969 г. в основном использовались те же политические лозунги и аргументы, с помощью которых правые поддерживали и усугубляли кризис и противодействовали нормализации политической обстановки в ЧССР в предшествующий период, то есть с августа 1968 г. до апреля 1969 г. Этой линии придерживались политические эмигранты, как старые, окопавшиеся после февраля 1948 г. в западных антикоммунистических центрах, так и новые, бежавшие на Запад после августа 1968 г. Хотя эмигранты в тот период усиленно рекламировались, но, по существу, они только начинали искать наиболее выгодные условия существования, позиции и контакты. Среди тех, кто метил в лидеры внешнеполитической оппозиции против Чехословакии, был и Йиржи Пеликан. В своих писаниях Пеликан обрушивался на Советский Союз, на новое руководство КПЧ, на «коллорабационистов», то есть на всех тех, кто принимает и поддерживает новую политику партии, и на все ограничения, затрудняющие деятельность правых. В общем это была тактика, которую можно определить как попытку удержать позиции.

Первая половина 1970 г. прошла под знаком лихорадочной организационной активности эмигрантских группировок. Послеавгустовская эмиграция искала контакты с послефевральской. На различных семинарах, совещаниях, конгрессах и съездах, на которые приглашались представители разных группировок, выдвигались совместные платформы с целью добиться организационного объединения.

Эмигрантская реакция на Западе анализировала новое положение в Чехословакии, формировала свои силы, разрабатывала программные цели и тактику, искала связи с остатками реакционных сил в самой Чехословакии. Взаимные расхождения и непримиримые амбиции различных эмигрантских кланов не позволили осуществиться идее организационного и программного объединения.

Вот один пример. Ренегаты КПЧ, находящиеся за границей, одно время рассматривали вопрос о создании некоей коммунистической партии Чехословакии в изгнании. Й. Пеликан предрекал это еще в 1971 г. Позднее о такой возможности говорить перестали.

Важным этапом в формировании новых тактических и стратегических планов, направленных против Чехословакии, была первая половина 1971 г. В их основу были положены буржуазные оценки событий в ряде социалистических стран, а также нереалистические представления о настроениях среди населения ЧССР.

Антикоммунистические подрывные центры всеми средствами пытались подстрекнуть трудящихся какого-нибудь крупного завода в ЧССР на выступление, которое можно было бы представить как проявление несогласия с политикой нового руководства КПЧ. На это же были нацелены подрывная радиостанция «Свободная Европа», эмигрантская печать, западные подрывные центры. Они пытаются сколотить в Чехословакии антигосударственные группировки.

Нереальность подобных планов и расчетов выявилась в том же 1971 г. Решения XIV съезда КПЧ, их одобрение широкой общественностью, а особенно результаты выборов, проходивших осенью того же года, со всей очевидностью подтвердили, что надежды, связанные с «сокрушительным насилием», точно так же, как и с «нажимом снизу», направленные против руководства КПЧ и политического курса Чехословакии, являются тщетной мечтой политических авантюристов, живущих на Западе и совершенно далеких от понимания действительного положения в стране.

* * *

Общая схема враждебных концепций, направленных против Чехословакии, более или менее ясна.

Их существо составляют нападки главным образом на нынешнее руководство КПЧ, политический курс страны. Острые удара направлено против союза и дружбы ЧССР с Советским Союзом.

С 1971 г. после обмена партбилетов, и особенно после XIV съезда КПЧ, античехословацкая тактика изменилась: была развернута фронтальная борьба против КПЧ и ее руководителей, против политики и идеологии партии. Главным объектом нападок стал руководящий актив партии и государства.

На вооружении оставалась и старая троцкистская тактика: разжигать мелкобуржуазные анархические тенденции в революционном движении, сеять раздоры между рядовыми коммунистами и руководством, подрывать принцип демократического централизма и тем самым разрушать основные предпосылки боеспособности коммунистической партии. В этой борьбе против «партийного и государственного аппарата» действуют по традиции заодно и правые ревизионисты, и ренегаты партии, и откровенные буржуазные антикоммунисты, и «левые» радикалы — неотроцкисты.

Враги ведут атаки против нынешней политики КПЧ и одновременно — открытую борьбу против марксистско-ленинских принципов построения социализма.

В политике реакция отвергает прежде всего принцип руководящей роли партии и гегемонии рабочего класса, провозглашая взамен политический плюрализм. В экономике она отвергает общественную собственность на средства производства, имеющую форму государственной собственности, пропагандирует возврат к частному предпринимательству и свободной деятельности иностранного капитала. В идеологии реакция выступает против марксизма-ленинизма как теоретической и идейно-воспитательной основы жизни общества, навязывая взамен либерализм и терпимость в отношении любых буржуазных течений. Что касается внешней политики, то она выступает против участия Чехословакии в организации Варшавского договора и в СЭВ, рекомендуя взамен усиление связей с Западом.

Такая общественно-политическая «альтернатива» современному положению в Чехословакии именуется «демократическим социализмом». В дальнейшем она призвана служить в качестве идеологической платформы антикоммунизма в его борьбе против Чехословакии.

Послеавгустовская чехословацкая эмиграция исходит из того тезиса, что необходимо «вновь поставить и достичь как политические, так и экономические цели «пражской весны» 1968 года». Она утверждает, что надо начинать с того, на чем остановились в августе 1968 г.

Одновременно усиливается открытая борьба против социализма, против идеологии марксизма-ленинизма, причем отвергаются даже псевдомарксистский и псевдосоциалистический ревизионизм. Такую позицию отстаивают, например, журнал «Сведетви», а также клерикальная реакция за рубежом, крайне антисоциалистические представители «пражской весны», такие, как Свитак, Бродский, Рамбоусек и другие. Эти идейно-политические течения недвусмысленно отвергают социализм в любой форме, в том числе и его правореформистскую «модель».

Некоторые группировки ультраправых клерофашистов, захвативших в свои руки ряд словацких земляческих организаций в США и Канаде, открыто отстаивают традиции людацтва Глинки и Тисо, выдвигая в качестве программного лозунга восстановление сепаратного словацкого клерикального государства.

Дискуссия о направленности и тактике контрреволюционных усилий, нацеленных против ЧССР, ведется в основном по нескольким пунктам. Главное различие между отдельными антикоммунистическими группировками состоит в том, по какому пути идти: реформы или переворот?

Псевдокоммунистическая эмигрантская фракция, позицию которой выражает издающийся в Риме журнал «Листы», рисует контрреволюционную перспективу, состоящую из двух этапов. На первом этапе нужно добиться «давления оппозиции и народных масс на руководящую группировку, которая будет вынуждена пойти на уступки и реформы». Реформы должны стать «необходимым началом» и «подготовить коренные изменения». При этом подчеркивается, что «каждый успех, достигнутый в результате давления на правящую олигархию, должен означать немедленный переход к дальнейшим актам давления»¹.

Политические круги, открыто выступающие против социализма, делают основной упор на насильственную сторону контрреволюции. Так, например,

¹ Эта эмигрантская группировка печатает инструкции, как контрреволюционные силы должны действовать в данный период. Например, в начале 1972 г. была разработана инструкция из семи пунктов о том, как надо выступать про-

П. Тигрид подчеркивает в книге «Неизбежное падение Александра Дубчека», что в будущем нужно «брать крепости силой». По мнению И. Свитака, оппозиция должна «принять подобие революции, совершить ее и защищать силой оружия».

Антикоммунистические силы за рубежом признают, что они не имеют активной поддержки в Чехословакии. Вот почему они не гнушаются любых форм борьбы и не разборчивы в выборе союзников.

Полнейшую беспринципность в методах борьбы и в выборе союзников антикоммунистические группировки политической эмиграции осуществляют на практике. Между ними и антикоммунистическими центрами, редакциями буржуазных журналов, радио- и телестанциями, неотроцкистскими группами и ренегатами существуют взаимное сотрудничество и поддержка. Они устраивают совместные совещания и публичные акции, обмениваются соответствующей информацией.

В расчетах врага делается упор на то, чтобы антисоциалистические акции не ограничивались рамками какой-то одной страны. События 1968 г. убедительно доказали, что интернационалистская взаимопомощь социалистических государств является главной преградой на пути контрреволюции. Международная реакция делает из этого нереальный, но единственно возможный для себя вывод: попытаться в будущем ослабить сплоченность социалистического содружества в более широком масштабе и создать контрреволюционную ситуацию не в одной, а одновременно в нескольких странах или в целой группе социалистических стран.

Этот тезис подхвачен буржуазной литературой и прессой, эмигрантской печатью. Некоторые буржуазные круги стремятся подчеркнуть в этом вопросе ключевую роль антисоветизма, доказывая, что без ослабления социалистического строя в СССР нельзя возлагать больших надежд на проведение антисоциалистических акций в других странах социализма. В противоположность этому эмигрантская пропаганда делает акцент на другом. Опасаясь «пассивности»,

тив руководства заводов и фабрик. У этой «изобретательной тактики» — единственный недостаток: ее авторы — генералы без армии.

она убеждает, что, «будучи неотъемлемой частью и чувствительной нервной точкой этой системы, Чехословакия может оказать значительное влияние на изменения социалистической системы в целом».

Аргументация о ликвидации социализма одновременно в нескольких странах рассчитана в значительной мере на пропагандистский эффект. Это должно, помимо прочего, ослабить бдительность отдельных социалистических государств в отношении сепаратизма и попыток проведения локальных контрреволюционных акций. Империализм не отказался от дифференцированного подхода к отдельным социалистическим странам, совсем напротив. Торговые, культурные и политические переговоры ряда западных государств с социалистическими странами за последнее время подтверждают стремления к такой дифференциации.

Тезис Запада о разложении социализма одновременно в ряде социалистических стран должен, по видимому, также подогреть «контрреволюционный оптимизм» и придать уверенность политическим эмигрантам, отдавшим себя на службу антикоммунизму, а также остаткам разгромленной реакции в социалистических странах.

Вывод напрашивается один: мировая реакция рассматривает возможность контрреволюционного переворота в отдельных социалистических странах и в масштабах всего социалистического содружества, делая главный упор на ослабление единства социалистических государств, особенно на подрыв дружбы, сотрудничества и взаимной помощи между отдельными социалистическими странами и Советским Союзом.

В конечном счете это должно создать благоприятные условия для реализации контрреволюционных планов, разработанных антикоммунистическими центрами и их пособниками из рядов чехословацкой политической эмиграции. Вместе с тем мировая реакция возлагает надежды на разногласия в международном коммунистическом и рабочем движении и на ревизионистский нажим справа и «слева».

В расчетах буржуазии подчеркивается значение политического, экономического и идеологического давления империалистических сил на социалистиче-

ские страны, важность оказания всяческой поддержки любым зачаткам антикоммунистических настроений в этих странах. Не последнее место в подобных расчетах занимают военные планы. Но примечательно то, что пропаганда, нацеленная на социалистические страны, в том числе и идеологическая диверсия против Чехословакии, этих вопросов касается весьма осторожно.

Все эти факты говорят о том, что западные антикоммунистические центры извлекли из чехословацких событий 1968 г. важные уроки: призывы реакции к реставрации капитализма, к военному вмешательству империалистических государств не нашли поддержки у чехословацкого населения. Даже самое реакционное крыло антисоциалистических сил вынуждено было рядиться в одежды фиктивной лояльности к социализму.

В своих расчетах враг вынужден считаться с позитивным отношением подавляющего большинства чехословацкого народа к социализму, неприятием им империалистической политики западных держав.

Новые идеологические кампании — свидетельство формирования новой тактики

Нет необходимости анализировать все враждебные кампании против ЧССР в том порядке, как они следовали друг за другом после апреля 1969 г.

Антикоммунистическая пропаганда, по существу, приспособливала свои методы к внутреннему развитию в Чехословакии. Она стремилась посеять недоверие к новому руководству КПЧ, запугать тех, кто поддерживал новую политику; старалась помочь правым силам удержать свои позиции в государственных и общественных организациях, а главное — в партийных органах. Эта пропаганда пыталась сохранить влияние терявших свои позиции правых сил в чехословацких средствах массовой информации.

1971 год был годом больших успехов в восстановлении марксистско-ленинского характера КПЧ. Решающими шагами в этом деле был не только обмен партийных билетов, но и такие мероприятия, как празднование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, подписание нового советско-чехословацкого

союзнического договора, принятие документа «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» и другие.

Враждебная пропаганда вынуждена была перестроить свою тактику. Окончательно утратив возможность использования в своих подрывных целях средств массовой информации внутри страны, империалистические силы были вынуждены усилить аппарат идеологической диверсии и пополнить его новыми кадрами политической эмиграции. Античехословацкая пропаганда была в тот период нацелена против идейно-политического очищения рядов партии, против восстановления ее революционного, классового характера.

В качестве главного средства должна была послужить кампания вокруг так называемых «политических процессов пятидесятих годов». Ее целью было помешать разоблачению ревизионистов и оппортунистов и исключению их из рядов партии. У людей должны были возникнуть страх и опасение, что открытой критикой и самокритикой они могут навлечь на себя преследование в судебном порядке. Эта кампания опиралась на изданные Й. Пеликаном на Западе в марте 1970 г. «Скрытые досье».

1971 год был ознаменован такими решающими политическими событиями, как XXIV съезд КПСС, XIV съезд КПЧ и выборы в законодательные органы ЧССР.

В этот период главной целью враждебной пропаганды было изолировать партию от народа. После обмена партийных билетов враг, лишившись своей опоры и надежды в лице ревизионистских и оппортунистических элементов в КПЧ, перешел к фронтальным атакам против партии в целом.

Особой кульминации античехословацкая пропаганда достигла в период подготовки и проведения XIV съезда КПЧ. Представители так называемой «послеавгустовской эмиграции» открыто сомкнулись с воинствующими антикоммунистическими центрами Запада. Так, например, накануне съезда радиостанция «Свободная Европа» передала интервью К. Ездинского с Й. Пеликаном, полные клеветы.

Во враждебной кампании, приуроченной к выборам в ЧССР, немалая роль отводилась попыткам

из-за рубежа активизировать остатки реакции в Чехословакии. Западная буржуазная печать развернула широкую акцию вокруг интервью, которое дал Й. Смирковский шеф-редактору итальянского журнала «Вие нуове». Это интервью передавалось и радиостанцией «Свободная Европа», а Пеликан перепечатал его в специальном выпуске журнала «Листы». Кстати говоря, журнал пытались нелегально распространять в ЧССР. Это интервью, в котором искажались положение в стране и политика партии, послужило для мировой реакции предлогом для новой волны нападок на Чехословакию.

В Праге и в Брно одновременно активизировалось несколько групп бывших политиканов, которые давно вынашивали планы ликвидации социалистического строя в Чехословакии, распространяли нелегальные издания, направленные против ЧССР, передавали за рубеж для публикации подстрекательские материалы.

Эти люди принимали участие в разработке новой контрреволюционной тактики.

В течение 1971 г. в борьбе против успешного социалистического развития в ЧССР объединились все антикоммунистические и реакционные силы, начиная с бывших «деятелей января», организаторов антигосударственных группировок и чехословацких эмигрантов и кончая антикоммунистическими агентами «Свободной Европы». Однако результаты такого наступления оказались весьма незначительными.

Антикоммунистическая идеологическая диверсия в 1972 г. несколько видоизменилась. Ее инициаторы осознали, что враждебная пропаганда не находит отклика у чехословацкой общественности. Поэтому главный упор был сделан на то, чтобы добиться международной изоляции КПЧ и ЧССР.

В начале 1972 г. западная печать распространила фальшивку о якобы «секретной части» выступления товарища В. Биляка на пленуме ЦК КПЧ в октябре 1971 г. Грубая ложь антикоммунистической пропаганды имела целью — помимо всего прочего — вызвать недоверие среди братских коммунистических партий в отношении представителей КПЧ.

Летом того же года западная пропаганда развязала против Чехословакии новую широкую кампа-

нию. ЧССР вновь стала в центре внимания мирового антикоммунизма. Поводом для этой кампании послужили разбирательства в городском суде в Праге и в областном суде в Брно — по делу групп, обвиненных в преступной, антигосударственной деятельности.

Эти судебные разбирательства антикоммунистическая пропаганда выдавала за подтверждение своего избитого тезиса о том, что сторонникам «демократического социализма» грозят в Чехословакии судебные преследования и т. п. Она умолчала, однако, о том, что в данном случае несколько мелких групп политических авантюристов предстали перед судом не за их прошлые политические убеждения, а за доказанную незаконную антигосударственную деятельность.

Антикоммунистическая пропаганда замалчивает успехи, достигнутые чехословацкими трудящимися в ходе социалистического строительства. Она выискивает любой предлог для усиления клеветы на КПЧ, на политическое положение в стране.

Вдохновителей антикоммунистической идеологической диверсии в данном случае, впрочем, так же, как в прошлом, не интересуют ни правда, ни действительное положение вещей, ни интересы чехословацкого народа.

Изменение в направленности антикоммунизма

Наши противники подчас делают вид, что не признают классовой дифференциации общества, хотя сами принимают ее во внимание. Именно в классовом аспекте антикоммунистической идеологической диверсии проявляется ее основное и решающее противоречие. Ее цели и стремления идут вразрез с объективными историческими интересами тех общественных классов и слоев, на которые реакция пытается воздействовать.

Контрреволюция рассчитывает в основном на активную роль остатков свергнутых эксплуататорских классов и представителей бывшего буржуазного государственного аппарата. Эти люди не являются,

однако, той силой, которая была бы способна одна произвести политический переворот, не говоря уже о том, что любое их выступление всегда вызывает недоверие и отпор со стороны трудящихся.

Контрреволюция по традиции использует преступные и деклассированные элементы, которые вступают в конфликт с любым общественным порядком. События в Венгрии и Чехословакии служат подтверждением того, что эти элементы могут надевать немало зла.

В классовой ориентации антикоммунистической пропаганды происходят изменения, она вынуждена приспособливаться к внутреннему положению в социалистических странах.

Антикоммунистическая пропаганда вынуждена неустанно прилагать усилия для того, чтобы завоевать часть трудящихся, повернуть их против социализма, обмануть фальшивыми лозунгами и извращенными представлениями об их собственных нуждах и интересах.

Провал планов контрреволюции в ЧССР вызвал в антикоммунистических подрывных центрах новые попытки переосмыслить и практически несколько изменить ориентацию идеологической диверсии.

В пропаганде на Чехословакию было усилено внимание к положению трудящихся, особенно рабочих. В передачах радиостанции «Свободная Европа» много места стало уделяться так называемой «рабочей тематике»; эмигрантские и буржуазные издания проявляли «заботу» о судьбе чехословацкого рабочего класса. На их страницах публиковались призывы к рабочим с наставлениями о том, как нужно начинать борьбу против своего руководства на предприятиях, против профсоюзов и особенно против партийных органов.

Так, например, журнал «Сведectви» в первой половине 1969 г. посвятил рабочим две передовые статьи (одна из них была чем-то вроде добавления к воззванию «2000 слов»). Ряд буржуазных комментаторов, в том числе и эмигрант Радослав Селуцкий из «Свободной Европы», заняты проблемой руководящей роли партии в социалистическом обществе. В отличие от «теории элиты», которая критиковала и отвергала принцип гегемонии пролетариата, реакция

теперь проявляла «заботу» о том, чтобы руководящая роль рабочего класса в Чехословакии не оказалась под угрозой.

В качестве главной темы использовались такие вопросы, как заработная плата, продолжительность рабочего дня, условия труда, проезд к месту работы, заботы работающих женщин и т. д. «Рабочие» передачи «Свободной Европы» изобилуют подробностями, критикой конкретных недостатков на отдельных предприятиях. У слушателей это должно, помимо всего прочего, создать впечатление, что «Свободная Европа» получает письма от рабочих с заводов и фабрик. На самом же деле это просто трюк. Информационная служба «Свободной Европы» использует изданную в Чехословакии литературу. Надерганные из нее сообщения и критические заметки должны свидетельствовать о хорошей информированности.

Антикоммунистическая пропаганда не устает твердить, что партия, профсоюзы, государственные органы и руководство предприятий в ЧССР проводят «антирабочую политику». Ее инициаторы чернят социалистическое соревнование, рационализаторское движение, все проявления инициативы и активности трудящихся, которые способствуют выполнению народнохозяйственных планов и развитию чехословацкой экономики. Подстрекательские передачи западных радиостанций нацелены, в первую очередь, на крупные промышленные предприятия ЧССР.

Эта пропаганда имеет целью ослабить классовое сознание главной политической силы чехословацкого социалистического общества — рабочего класса, нарушить в самом чувствительном месте связь партии с трудящимися, а одновременно приуменьшить достигнутые результаты и разжечь социальное недовольство.

Такая пропаганда разглагольствует об интересах рабочих, но истинное ее стремление — свести требования трудящихся только к непосредственным личным и групповым претензиям в духе тред-юнизма, как называл это В. И. Ленин. Это попросту стремление замаскировать и отрицать тот факт, что удовлетворение повседневных нужд трудящихся целиком зависит от выполнения производственных заданий на фабриках и заводах, от развития социа-

листической экономики, от укрепления руководящей роли партии, от упрочения социалистического общественного строя. Эта пропаганда стремится «доказать» людям, что их жизненный уровень зависит не от качества и результатов их собственного труда, а от того, сколько они «урвут» от фабрично-заводского руководства, от начальства.

Главным лозунгом ревизионистской пропаганды, рассчитанной на рабочий класс, является так называемое «самоуправление трудящихся». В политическом смысле так называемое «рабочее самоуправление» или «самоуправление трудящихся» должно стать антитезой руководящей роли партии. Демократический централизм должен быть заменен «децентрализацией». На практике это означает раздробить политическое руководство, сведя его к анархосиндикалистскому управлению на местах, превратить социалистическое общество в арену борьбы местнических интересов различных амбициозных групп.

В экономическом плане лозунг так называемой «системы самоуправления» означает отмену общественной социалистической собственности на средства производства и замену ее (в промышленности тоже) групповой собственностью. Это в конечном итоге должно привести к ликвидации единства рабочего класса как руководящей силы общества, к дроблению его на противоборствующие группы. Социалистическая государственная власть представляется как чисто формальное политическое представительство, лишенное экономической силы и зависящее от частных решений противоборствующих, конкурирующих национальных, местных и профессиональных групп и фракций.

Роль коммунистической партии в ленинском понимании этого слова в данном случае сводится на нет. Ее главная функция — соединение научного социализма с практикой рабочего движения и руководство развитием общества на основе марксистско-ленинской теории — утрачивает возможность осуществления.

Все это создает угрозу социализму и открывает путь мелкобуржуазной стихии и буржуазным рецидивам.

Самым действенным средством против антикоммунистической пропаганды является политика КПЧ, намеченная XIV съездом, единство слов и действий, последовательная принципиальная марксистско-ленинская, подлинно рабочая политика партии. Решение крупных задач в интересах всего общества в целом тесно увязано с удовлетворением повседневных нужд трудящихся.

Марксистско-ленинское учение о политическом самоуправлении трудящихся предусматривает активизацию всей системы социалистических общественных институтов и организаций — партийных, профсоюзных, молодежных, национальных комитетов, Союза чехословацких женщин, органов контроля и других. Привлечение все более широкого круга представителей рабочего класса к активному участию в управлении всеми общественными делами — вот самый действенный способ парализовать антикоммунистическую демагогию и ее измышления об «антирабочей» политике в Чехословакии.

Поскольку расчеты реакции на выступления чехословацких трудящихся оказались нереальными, антикоммунистические подрывные центры вновь обратили свои взоры на бывшие мелкобуржуазные слои с целью создать опору для будущей контрреволюционной акции. Кроме того, враги социализма прекрасно понимают, что задачи, поставленные XIV съездом КПЧ, требуют высокой активности со стороны интеллигенции; поэтому их главной целью было затормозить процесс дифференциации среди интеллигенции и помешать включению ее в единый фронт чехословацких революционных сил.

С начала 1970 г. буржуазные радио и печать стали давать множество сообщений о мнимом преследовании интеллигенции в ЧССР.

«На внутреннюю эмиграцию партия обрекает свою интеллектуальную элиту, людей, которые требовали, чтобы европейский комплекс стал первичным знаком современной нации... Обвинением интеллигенции служит то, что она хотела изменить политический строй, ввести абсолютную демократию, что она сыграла на руку западной разведке; что она хотела стать руководящей силой в обществе вместо рабочего класса; что, наконец, она выступила против

коммунистической партии с намерением захватить политическую власть в государстве». С подобными утверждениями выступили А. Прокоп, Й. Смирчан и другие комментаторы радиостанции «Свободная Европа».

Антикоммунистическая пропаганда не только чернит сам политический курс КПЧ. Она во весь голос твердит о якобы направленной против интеллигенции политике партии. Это будто бы неизбежный атрибут «советской модели» социализма.

«Руководящей силой общества во второй половине XX столетия может быть только интеллигенция — тот общественный слой, который создал цивилизацию и культуру нашего века», — провозглашает Э. Лебл в книге «Революция интеллектуалов».

Однако накопленный до сих пор опыт показывает, что научно-техническое развитие в капиталистическом обществе не решает автоматически социальных проблем. Напротив, оно их усугубляет. Колоссальные потенциальные возможности человеческого знания, творческие усилия человека направляются в эксплуататорском обществе не в интересах всего народа, а в корыстных интересах господствующего класса. Многие достижения науки и техники в руках империалистов используются в милитаристских целях, угрожая основам существования человеческой цивилизации.

Не подтверждаются жизнью и утверждения, будто наука и техника сами по себе могут служить прогрессу человечества, независимо от общественно-экономических формаций, от расстановки классовых сил. Односторонняя абсолютизация научно-технических процессов как единственного критерия прогресса ведет к затушевыванию классовой сущности коренных противоречий современного мира и распространению фальшивых иллюзий о некоем новом «конвергентном варианте», независимом от характера общественного строя, о сращивании культур и т. д.

В тщетных потугах опровергнуть тезис о закономерном соединении достижений научно-технической революции и преимуществ социалистической общественной системы формируется альянс правого и «левого» ревизионизма. Зачастую даже в одной и той же

работе (например, Р. Гароди) уживается аргументация обоих видов ревизионизма.

Исторический опыт доказывает, что социализм, именно потому, что он основывается на руководящей роли рабочего класса, создает небывалый простор для осуществления творческой мысли интеллигенции, для развития науки, техники и образования. Без этого Советский Союз едва ли сумел бы преодолеть отсталость бывшей царской России и обогнать по самым важным научно-техническим показателям наиболее развитые капиталистические государства.

Не случайно также и то, что с историей Коммунистической партии Чехословакии связаны самые прогрессивные традиции в развитии культуры за последние десятилетия.

Западная пропаганда уверяет, что «возрождение» в 1968 г. было бунтом чехословацкой интеллигенции, что оно отражало потребности творческого духа и что в нем принимала участие если не вся чехословацкая интеллигенция, то подавляющая ее часть.

Сутью антисоциалистических, контрреволюционных выступлений в ЧССР были, однако, мотивы не интеллектуального, а классового характера. Вот почему политическая консолидация, включая и кадровые меры, без которых нельзя было обойтись, была направлена не против интеллигенции как таковой, а против представителей антисоциалистических сил, правого ревизионизма и оппортунизма.

Западная буржуазная пропаганда старается представить проблему рабочего класса и интеллигенции при социализме как проблему двух противостоящих общественных групп. Требования, предъявляемые научно-техническим прогрессом, повышают роль образования, науки, квалифицированного труда, творческой, исследовательской и организаторской деятельности, точно так же, как и роль искусства и его влияния на жизнь общества. Это ставит новые задачи перед интеллигенцией, расширяет простор для ее деятельности. Однако реализация социальных возможностей научно-технического развития обусловлена уничтожением эксплуататорского общественного строя, и в этом смысле усиление руководящей роли рабочего класса является главным и обязательным условием наиболее полного применения творче-

ских и организаторских способностей интеллигенции. К тому же рабочий класс чрезвычайно заинтересован в научно-техническом развитии не только как в средстве повышения производства, а тем самым и потребления, но и как в средстве коренного улучшения условий труда, а тем самым и условий для его самоутверждения в трудовом процессе.

Правые идеологи до недавнего времени абсолютизировали степень классового единства в чехословацком обществе и таким образом открывали простор для рецидивов буржуазных и мелкобуржуазных тенденций. Такая абсолютизация так же вредна, как и противоположная крайность — мнение, что рабочий класс и интеллигенция в ЧССР полностью изолированы друг от друга. Не только по своему классовому происхождению, но и по отношению к средствам производства рабочий класс и интеллигенцию объединяет много общего. Усиление единства и взаимного сотрудничества, основанного на политическом, культурном и экономическом развитии общества, ведет к неуклонному сближению и расширению сферы их интересов.

Для антикоммунистической пропаганды как рабочий класс, так и интеллигенция — наряду со всеми остальными слоями трудового народа Чехословакии — не что иное, как объект идеологической и политической манипуляции.

На различных этапах антикоммунистическая пропаганда усиливала свое внимание то к рабочему классу, то к интеллигенции. В период подготовки так называемой «тихой» контрреволюции вплоть до 1968 г. она ориентировалась главным образом на «интеллектуальную элиту». После провала контрреволюционных планов в ЧССР антикоммунистическая пропаганда нацеливается на рабочий класс. Однако враг сознает, что для достижения реального влияния одного субъективного фактора недостаточно. Появляются такие рассуждения: «...главной силой в разрешении этого кризиса может быть, с одной стороны, интеллигенция, с другой — рабочий класс... в зависимости от характера конкретной кризисной ситуации. Как оказалось, при конкретном обострении социальной напряженности на передний план выдвигается роль рабочего класса, широких народных масс. При

долгосрочном эмансипационном реформенном процессе решающее значение получает интеллигенция».

Надежды антикоммунистических сил повлиять на трудящиеся массы не оправдали себя. Теперь они уповают на возможность в будущем создать условия для нового контрреволюционного цикла, рассчитывают вновь сформировать ревизионистскую, антисоциалистическую грибницу из сохранившихся буржуазных и мелкобуржуазных элементов среди отсталой части интеллигенции.

В западных антикоммунистических центрах такой подход возведен в ранг закономерности контрреволюционных действий. Долгосрочные идеологические разработки ревизионистских и либеральных идеологов направлены на то, чтобы подготовить почву для повторения событий 1968 г. на этот раз, разумеется, в новом варианте, более насильственно и более радикально.

* * *

Кооперированному крестьянству враждебная пропаганда уделяет меньше внимания, чем рабочему классу и интеллигенции. И не столько из-за численности этой части населения ЧССР, сколько из-за того, что в период контрреволюции кооперированное крестьянство не оправдало надежд империалистических агентур. Социалистическое сельскохозяйственное производство выдержало проверку временем. Полностью изменился облик многих сельских районов, а жизненный уровень деревни почти не отличается от городского.

Однако антикоммунистическая пропаганда продолжает пытаться воздействовать и на крестьянство, используя при этом несколько «причесанные» методы. Она не нападает открыто на сельскохозяйственные кооперативы, как это делалось раньше. Главная аргументация сосредоточивается на конкретной тематике, цель которой — «доказать», что чехословацкое сельское хозяйство отстает от западных капиталистических стран. Это объясняется, мол, некавалифицированным руководством со стороны государственных и особенно партийных работников и учреждений. Подобно тому как это делалось в отношении

рабочего класса, и здесь антикоммунисты встают в позу защитников социальных нужд и интересов крестьян, занятых в сельском хозяйстве женщин, сельской молодежи и т. д.

Антикоммунистическая пропаганда видит главную цель в том, чтобы понизить интерес крестьян к своему труду, она всячески спекулирует на отдельных трудностях со снабжением, цепляется за мелкобуржуазные пережитки и влияние буржуазной идеологии среди сельского населения. Главные надежды при этом возлагаются на мелкобуржуазный эгоизм, национализм и религию.

Наиболее сильное влияние религиозных пережитков наблюдается как раз в прошлом отсталых в экономическом и культурном отношении областях республики. Это главным образом некоторые слаборазвитые сельские районы.

Воздействие на верующих проводится довольно тонко. Идеологические и политические цели искусно прикрываются богословскими темами. К тому же антикоммунистическая пропаганда старается создать впечатление конфликта между верующими и социалистическим обществом.

Враждебная пропаганда всячески старается доказать, что коммунистическая партия и государство притесняют церковь и мешают верующим гражданам свободно исповедовать свою религию. Под маской христианской морали и гуманизма, с помощью божественных аллегорий зачастую ведется агитация против социализма и политики партии. Воинствующая антикоммунистическая пропаганда, особенно со стороны людацкой клерикальной эмиграции, представляет священнослужителей, вступивших в конфликт с социалистической законностью, как мучеников «за веру Христову». «Мучениками» считают и представителей бывшего словацкого клерофашистского государства Тисо.

Одновременно осуждаются те священнослужители, которые проявляют патриотизм в отношении Чехословацкой Социалистической Республики. Буржуазная клерикальная реакция видит в них препятствие для своих планов, основанных на нагнетании напряженности между верующими и социалистическим общественным строем.

Марксизм-ленинизм как научное мировоззрение несовместим с религиозными суевериями, мистикой и идеализмом. Это не означает, однако, что социалистическое общество запрещает верующим отправлять свои религиозные обряды или, более того, преследует граждан за их религиозные убеждения. Непримируемую борьбу с классово враждебным политическим клерикализмом нельзя смешивать с терпеливым воспитанием граждан в духе марксистско-ленинского мировоззрения.

* * *

Реакция, вынашивая планы повторения контрреволюции в Чехословакии, особые надежды возлагает на молодежь. На первый взгляд это идет вразрез с заявлениями, в которых критикуется переоценка роли молодежи в антисоциалистическом развитии в ЧССР в 1968 г. Там речь шла о роли молодых людей, непосредственно участвовавших в контрреволюционных акциях. Сейчас речь идет об идеологической обработке молодого поколения в расчете на то, что когда молодежь займет руководящее положение в обществе, примет на себя государственные функции и ответственность за судьбы страны, то сыграет реакционную роль.

Антикоммунисты полагают, что молодых легче, чем зрелых людей, сбить с толку и дезориентировать. Они исходят из того, что у молодежи еще недостаточно жизненного опыта для того, чтобы сопоставить социализм с капитализмом, что на нее скорее можно повлиять пропагандой внешне привлекательных сторон западного образа жизни, что ею легче манипулировать. По существу это тот же метод, который применялся западными антикоммунистическими центрами еще в конце 50-х годов.

Как и в прошлом, буржуазная пропаганда стремится осуществлять политическое воздействие не прямо, а косвенно. Для молодежи, у которой еще только начинает складываться свое отношение к обществу, труду, политическим вопросам, наконец, к себе самой, жизненный образец приобретает значение моральной нормы. Вместо достойных примеров поведения людей, снискавших уважение общества за свой

труд, борьбу за социальную справедливость и истинное героизм, западная пропаганда подсовывает молодежи пустых «идолов» вроде дешевых киногероев голливудского толка, исполнителей шлягеров и т. п.

Ответственности перед обществом, которая является основой социалистического воспитания, намеренно противопоставляются грубый и циничный индивидуализм, жестокость, культ дешевой сенсации и популярности. Буржуазная пропаганда представляет Запад в виде сказочного мира приятных развлечений, современной техники и «свободного выражения индивидуальности».

Одновременно западная пропаганда чернит и искажает моральные принципы и идейные ценности социализма. Она старается привить молодежи предубеждение против этих принципов, внушает им эгоистическое, скептическое, циничное отношение к жизни, с тем чтобы увести в сторону от принципов социалистической нравственности.

Антикоммунистическая пропаганда делает чрезмерный акцент на проблеме поколений, придавая этому определенное идеологическое значение. Противопоставляя поколения, она пытается представить отношения между ними как антагонистические, убедить, что прогрессивность взглядов человека определяется не его классовой принадлежностью, идеологической зрелостью, революционной трудовой и общественной активностью, а годом рождения. Теория, согласно которой не рабочий класс, а молодежь должна быть гегемоном общества, искусственно сконструированные антагонизмы неизмеримых социальных критериев — классового и возрастного — это характерные черты современного неотроцкизма и так называемых новых «левых» на Западе, которых целенаправленно использует в своих интересах антикоммунистическая пропаганда.

* * *

К отдельным классам и слоям общества антикоммунистическая пропаганда подходит дифференцированно. Однако, по существу, она опирается на одну главную базу — на мелкобуржуазные настроения, косность и пассивность, на эгоизм, потребительское

отношение к жизненным ценностям и другие пережитки капитализма.

В. И. Ленин указывал, что после взятия власти рабочим классом мелкая буржуазия остается единственной базой, на которую свергнутые эксплуататорские классы могут возлагать надежды, готовя реакционный политический переворот. В. И. Ленин констатировал, что мелкобуржуазная, анархистская стихия проникает и в ряды рабочего класса. Он напоминал о выступлении мелкобуржуазных политических группировок в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции: «Все они приходили с лозунгами равенства, свободы, учредилки, и они не один раз, а много раз оказывались простой ступенькой, мостиком для перехода к белогвардейской власти»¹. Чехословацкие события 1968 г. подтверждают актуальность этой мысли Ленина. Мелкая буржуазия представляет собой реакционный элемент, таит в себе серьезную опасность для социалистического общества.

В. И. Ленин указывал, что борьба с мелкобуржуазными и буржуазными пережитками в сознании трудящихся имеет две стороны. Это, во-первых, борьба против ошибочных идей, преодоление неправильных взглядов, разоблачение и изоляция их носителей и распространителей. Во-вторых, это одновременно и в основном борьба за привлечение всех трудящихся на сторону социализма, за перевод мелкотоварного производства на рельсы социализма и за перевоспитание средних слоев — мелкотоварных производителей — в духе социалистической морали, передовых общественных идей и научного мировоззрения. Мелкобуржуазность — это проявление классовой, политической неустойчивости средних слоев. Пока они остаются в плену частнособственнических отношений и буржуазной идеологии, они являются реакционной силой, но в ходе революционных общественных преобразований под влиянием социалистического воспитания и руководства партии рабочего класса они становятся его союзником, а затем и составной частью единого фронта трудящихся социалистического общества.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 25.

Борьба с мелкобуржуазными пережитками является важной частью борьбы рабочего класса за социализм. Исключительное значение в этом деле имеет партийное идеологическое воспитание, в котором марксистско-ленинская пропаганда тесно увязана с разоблачением и разгромом буржуазной идеологии.

Преодоление мелкобуржуазности — это не только вопрос идеологического воздействия. Доля мелкотоварного сектора в Чехословакии в настоящее время крайне незначительна. В этом смысле экономические предпосылки для возрождения мелкобуржуазной психологии и морали в основном ликвидированы. Мелкобуржуазное, эгоистическое отношение к труду и обществу еще питается за счет других источников, таких, как спекуляция, нетрудовое обогащение за счет общества, хищения и т. п. Питательной средой для него служат в определенной степени недостатки в организации труда и контроля, в системе вознаграждения.

Справедливая социалистическая система вознаграждения, подкрепленная нерушимым авторитетом социалистической законности, создает — наряду с общественной моралью и ролью общественного мнения — такие условия, в которых мелкобуржуазность станет действительно пережитком прошлого, а ее искоренение — делом идеологического воспитания.

Об идейном содержании современного антикоммунизма и ревизионизма

С изменением тактики меняется и антикоммунистическая аргументация. Одновременно из-под новой маски проглядывает старая закоснелая суть. Чем быстрее меняется направленность повседневной враждебной пропаганды, кампаний и аргументов, тем ярче проступает ее преемственность.

Антикоммунистическая идеологическая диверсия представляет собой нечто вроде идейного снаряда современной буржуазной идеологии, с помощью которого реакционные силы пытаются наносить удары по социализму и всем прогрессивным силам.

«Разумеется, было бы неправильным отождествлять всю буржуазную идеологию с антикоммуниз-

мом, являющимся отражением крайней степени ее деградации. Однако нельзя не заметить того факта, что всей своей сущностью современная буржуазная идеология повернута против коммунизма, против марксизма, хотя это и не всегда выступает на поверхность так открыто, как в тех случаях, когда речь идет непосредственно об антикоммунизме, антимарксизме»¹.

Буржуазная идеология не только поставляет аргументацию антикоммунистической пропаганде, занимается не только апологетикой капитализма. С позиций классовых интересов буржуазии она стремится дать свое определение общественному развитию.

Если буржуазные теории об обществе стремятся по-своему объяснить мир и сохранить старые порядки, то буржуазная пропаганда старается прежде всего повлиять на сознание, а главное — на действия людей.

Объектом грубых и открытых атак постоянно являются теория и практика социалистического строительства и международного коммунистического и рабочего движения. При этом зачастую используются аргументация и методы времен «холодной войны». На Западе широко рекламируются антисоветские и антикоммунистические вымыслы и фальшивки.

Еще до второй мировой войны на свет появилось немало буржуазных псевдомарксистских теорий. И хотя некоторые из них существовали десятки лет, но только в конце 50-х и 60-х годов они стали популярны на Западе. Это был период, когда антикоммунистическая пропаганда меняла свою тактику и грубое отрицание марксизма-ленинизма сочеталось в ряде случаев с более тонким и изощренным «опровержением». В качестве примера можно привести так называемую франкфуртскую школу и ее последователей, которые оказали влияние и на ревизионистскую интерпретацию марксизма в 60-е годы в Чехословакии.

¹ См. Е. Д. Модржинская. Идеология и политика антикоммунизма. Прага, 1972, стр. 50 («Ленинизм и современная идеологическая борьба». Изд. 2. М., 1972, стр. 47).

Полемика между оголтелым и более либеральным антикоммунизмом не препятствует явному сотрудничеству и объединению различных и даже противоположных направлений для совместных атак против марксизма-ленинизма, международного коммунистического и рабочего движения и социалистического содружества. В важнейших идеологических акциях все антикоммунистические круги действуют заодно.

Критические оговорки некоторых буржуазных авторов по отношению к открытой пропаганде антикоммунизма отнюдь не новы. После второй мировой войны, особенно в конце 50-х годов, эта тенденция стала более заметной. Расширился круг так называемых «марксологов», «советологов» и «кремленологов». Многие буржуазные теоретики пытаются добиться какого-то синтеза между марксизмом и буржуазными теориями. В десятках буржуазных публикаций марксизм даже отнесен к наиболее значительным теоретическим направлениям нашего времени, некоторые его положения (в соответствующей интерпретации) в ряде случаев «интегрируются» в систему буржуазной философии, политэкономии и социологии¹.

Для современной буржуазной и ревизионистской идеологии характерно не полное отрицание марксизма-ленинизма, а замена этого неэффективного приема более тонкими и действенными.

¹ «В последнее десятилетие быстрыми темпами усиливается интерес к Марксу и марксизму, что уже само по себе является симптомом кризиса буржуазной идеологии и выражением исторического продвижения марксизма и социалистической революции... Снова открыть Маркса — это стремление сделалось сегодня общим знаменателем немарксистских кругов, зачастую выражающих противоположные идеологические тенденции. На Маркса ссылаются те, кто ищет и находит пути к действительному Марксу и марксизму; ссылаются на него и те, кто не принимает теоретическую систему мышления и политическую программу марксизма... о Марксе говорят буржуазные экономисты, которых развитие капитализма и борьба двух идеологий заставляют заниматься проблемами, в свое время исследованными Марксом в «Капитале», и те, кто — в отличие от философствующих «марксизаторов» — видит в Марксе ученого, политэконома; к «новому открытию» марксизма стремятся и те, кто старается приспособить марксизм к своим противоположным ему

Марксистско-ленинская теория обычно интерпретируется этими направлениями как внутренне противоречивая. Часто ленинизму приписывается, что он противоречит первоначальным взглядам Карла Маркса. «Молодой» Маркс противопоставляется «зрелому».

Призывается отвергнуть прежде всего классовое понимание общественного развития, пролетарскую революцию, диктатуру пролетариата, а главное — идею об исторической необходимости руководящей роли революционной марксистско-ленинской партии.

Ряд буржуазных теоретиков готов принять некоторые стороны марксизма, однако только те, которые отвечали условиям прошлого столетия.

Ревизия основных принципов марксизма-ленинизма часто осуществляется с помощью псевдополемики, с целью ложной интерпретации научного социализма. Ее организаторы вульгаризируют суть марксистско-ленинских идей, пытаются свести их к упрощенной схеме.

Те буржуазные круги, которые критикуют грубый антикоммунизм, призывают к более тонкой, более изощренной дезинформации о положении в социалистических странах и в международном коммунистическом движении.

Подобный подход характерен для некоторой части современных буржуазных публицистов. Примечательно, что к этому способу все чаще прибегают и ярые антикоммунисты. Основной чертой современной буржуазной пропаганды является стремление

взглядам; под лозунгом «нового открытия» Маркса возвращаются назад от Маркса в буржуазный мир идей ренегатства и лжи; извращение Маркса является новой формой борьбы против Маркса и марксизма для тех, кто обеспокоен притягательной силой марксистской альтернативы общественному и духовному кризису буржуазного мира и кто понял, что «марксизм — это не чисто экономическая наука, не чисто философские рассуждения, а теория действия, являющаяся эффективным законом ведущих обществ современной жизни и программой активно действующих политических партий; что марксизмом проникнуты все конкретные дела, и он укоренился в большинстве сфер нашей деятельности». Последние слова см. Ж. И. Кальвэ. Мысль Карла Маркса. Париж, 1956, стр. 17; всю цитату см. Андраш Геде. Отчужденный Маркс. Прага, 1972, стр. 5—6.

отрицать качественные отличия социалистического общества от капиталистического, объяснить социализм исторической или национальной особенностью той или другой страны. Такой подход применяется при освещении политики, идеологии и экономики не только Советского Союза, но и других социалистических стран.

Особенно наглядно это проявляется при освещении успехов Германской Демократической Республики. В результате успешного социалистического развития ГДР достигла такого уровня, который заставил и антикоммунистическую пропаганду коренным образом изменить свою аргументацию.

В течение целого двадцатилетия западная, особенно западногерманская, пропаганда представляла ГДР в качестве «бедной провинции», гражданам которой предлагалось присоединиться к «богатой метрополии», то есть к ФРГ. Ныне западногерманские буржуазные круги меняют тактику и аргументацию, признают успехи ГДР, но продолжают проповедовать идею ее присоединения к ФРГ с целью создания некой «мировой державы». Однако граждане ГДР, а вместе с ними все прогрессивные люди хорошо помнят, сколько жертв стоил миру и самим немцам «великий германский рейх».

Товарищ Хагер, секретарь ЦК СЕПГ, говорил на этот счет следующее: «...сейчас уже не может быть речи о единой германской нации. В интересах сохранения своей власти империалистические силы ФРГ при поддержке правых деятелей СДПГ изменили единству нации и разбили его... В процессе социалистической революции и строительства развитого социалистического общества в ГДР образовался новый тип нации — социалистическая нация, которая находится в непримиримом противоречии со старой буржуазной нацией, существующей в ФРГ, и закономерно отличается от нее»¹.

Буржуазная пропаганда, прибегая к более гибким и более «либеральным» методам, создает тем самым более широкие возможности для совместных действий с ревизионистами, правыми социалистами и ренегатами революционного рабочего движения.

¹ «Руде право», 4 октября 1972 г., стр. 5.

В последнее время все чаще раздаются критические голоса некоторых буржуазных теоретиков по адресу отдельных сторон современного антикоммунизма. И хотя они непоследовательны, не однозначны, а порой и коварны, но не лишены интереса. Это обусловлено прежде всего ростом авторитета марксизма-ленинизма и коммунистического движения на мировой арене. Буржуазная идеология уже не в состоянии практически и теоретически игнорировать и замалчивать или только отрицать и очернять силы прогресса. В этом смысле и можно объяснять критику наиболее грубых форм антикоммунизма.

Однако дело не только в меняющемся соотношении сил на мировой арене, но также и в новой тактике классового противника. Он стремится переводить идеологическую борьбу в другие плоскости. Это вызвано тем, что либеральная аргументация более привлекательна, чем открыто реакционные и консервативные взгляды. Ей удается иногда совращать многих людей, которые попадают в плен мелкобуржуазных иллюзий относительно «объективности» и «третьего пути» развития общества.

Влияние антикоммунистической пропаганды можно преодолеть только одним способом: настойчивым и повседневным разъяснением существа марксистско-ленинского мировоззрения, его основных положений и методов, его творческим применением и развитием в современной общественной практике.

Несмотря на упорные попытки антикоммунистических кругов разложить прогрессивное движение, ревизовать и деформировать основные принципы марксизма-ленинизма наблюдается растущая притягательность и влияние теории и практики международного коммунистического движения на некоторые непролетарские политические течения и на отдельных представителей науки и культуры, не являющихся коммунистами. В некоторых буржуазных теориях, программах, произведениях искусства и художественной литературы переплетаются марксистские и немарксистские взгляды, исторически прогрессивные и классово ограниченные точки зрения. Не всякая идейная непоследовательность обязательно реакционна. Она может также отражать такую ступень развития, когда речь еще не идет о подлин-

ном научном социализме. Особенно это касается национально-освободительного движения и развивающихся стран. Поверхностный и упрощенный подход к сложным процессам косвенно служит нашим идейным противникам, и этого нельзя не учитывать.

Найти общий язык с потенциальным союзником или сторонниками прогрессивного движения и вместе с тем сохранить принципиальное отношение к их непоследовательности, не впасть ни в сектантство, ни в оппортунизм — в этом состоит искусство современной политической работы, в этом ответственность передового человека нашего времени. В то же время в области идеологии недопустимы компромиссы; принципиальность должна сочетаться с чуткостью, терпеливостью и теоретической точностью.

* * *

В первые послевоенные годы для антикоммунизма были характерны различные варианты теории тоталитаризма, согласно которой к тоталитарным государствам относились социалистические страны, а к «свободным» — капиталистические. Главным критерием последних объявлялись свобода частной собственности и капиталистическое предпринимательство.

Исходя из этого, буржуазные теории послевоенных лет в разных вариантах проповедовали одну и ту же идею — необходимость ликвидации социализма и замены его капиталистическим строем.

В 50-е годы на Западе возникают и набирают силу более сложные идейные течения. Появляются новые теории: *теория деидеологизации, стадий роста, индустриального или постиндустриального общества* и другие.

Теория деидеологизации на словах отвергает идеологию, объявляет ее фикцией, придуманной отдельными людьми или группами для достижения эгоистических, антиобщественных целей. Она отвергает само классовое понятие общества, а следовательно, объективную историческую роль идеологии. Но речь идет не об отказе от идеологии вообще, а о попытке отрицать революционную марксистско-ленинскую идеологию рабочего класса. Сама теория де-

идеологизации, оперирующая такими понятиями, как «кризис идеологии», «отмирание идеологии»; и тому подобными,— это лишь форма буржуазной идеологии, инструмент идеологической борьбы буржуазии против научного социализма.

Среди сторонников теории деидеологизации можно найти и буржуазных представителей, и ревизионистов, таких, как Раймон Арон, Сеймур Мартин Липсет, Дэниел Белл, Талкотт Парсонс, и других. С середины 50-х годов эта теория, наряду с другими, стала исходной позицией ревизионистской платформы в Чехословакии.

Теория деидеологизации с середины 50-х годов все чаще объединяется с теорией *конвергенции*.

Теория конвергенции, как и теория деидеологизации, не имеет однозначного определения и единого толкования. Сторонники теории конвергенции в общих чертах едины в том, что человеческое общество в будущем придет к некой комбинации элементов капитализма и социализма. От капитализма предполагается взять в первую очередь частную собственность на средства производства и «демократическую» политическую систему, от социализма — элементы планового управления экономикой и социальные завоевания трудящихся. По сути дела, это перепевы старой реформистской программы, только в новой псевдотеоретической форме.

К теоретикам концепции конвергенции относятся, например, французский экономист Б. Жувенель, голландский экономист Я. Тинберген, американские авторы Дж. К. Гэлбрейт, П. Сорокин и другие.

Мнимый объективизм, критика, поиски «новых» «модернизированных» вариантов характерны для ряда буржуазных теорий последних лет.

Буржуазные общественные теории не образуют единой, логически последовательной идейной системы. Иногда между ними ведется полемика, а точнее — схоластический спор о разных абстрактных логических конструкциях.

Некоторые буржуазные авторы к сторонникам теории конвергенции причисляют также американского экономиста У. Ростоу, который в 50-е годы сформулировал свою теорию о стадиях экономического роста. Ростоу не скрывал, что хочет создать теорети-

ческую альтернативу коммунизму, «альтернативу теории современной истории Карла Маркса». Книге, написанной в 1960 г., он дал претенциозный подзаголовок: «Некоммунистический манифест». В ней Росту выдвигает ложные утверждения, что «вся его система (имеется в виду система К. Маркса.— М. М.) была полностью создана в 1848 году, когда он и Энгельс написали Коммунистический манифест... Ничего истинно значительного после 1848 года у Маркса нет».

Росту попытался теоретически сформулировать «универсальные критерии и движущие силы общественного развития», чтобы затушевать, сгладить различия между общественно-экономическими формациями, особенно основное противоречие современной эпохи — противоречие между капитализмом и социализмом. Критерием для определения пяти «стадий роста» общества (1-я стадия: традиционное общество; 2-я стадия: предварительные условия для старта; 3-я стадия: старт; 4-я стадия: сдвиг и зрелость; 5-я стадия: эра массового потребления) служат показатели развития техники, экономические показатели (такие, как структура инвестиций, национальный доход, объем капитала и т. п.) и, наконец, на высших стадиях общества — уровень потребления.

Теория Росту преследовала цель — оттолкнуть развивающиеся страны от социалистического пути.

Впрочем, как искусственно сконструированная схема, она была постепенно отвергнута самими представителями буржуазного идеологического мира. После ухода профессора Росту с должности председателя Комитета по планированию политики при госдепартаменте США его не принял на работу даже родной университет. Однако многие идеи и аргументы Росту продолжают появляться у других буржуазных авторов.

С конца 50-х годов широкое распространение получают различные варианты теории *индустриального и постиндустриального общества*. Авторы этой теории считают технические достижения за более или менее универсальную движущую силу и критерий общественного развития.

Одним из авторов теории является французский экономист Раймон Арон. Он недвусмысленно

объявил ее альтернативой марксизму и заменой его.

Среди буржуазных философов и социологов, которые придерживаются различного толкования концепции индустриального и постиндустриального общества, можно встретить десятки имен, от крайних консерваторов и воинствующих антикоммунистов до людей, заблуждающихся в своих взглядах.

Буржуазные и ревизионистские теории сходятся в отрицании диалектики объективных закономерностей общественного развития и активной роли человеческой личности, организованного революционного движения и коммунистической партии. Обе стороны общественной действительности ставятся в механическое противоречие: или-или. В. И. Ленин подчеркивал, что «Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения»¹.

Главное стремление буржуазных теорий — отрицание объективных закономерностей общественного развития. Одновременно с отрицанием познаваемости и даже самого существования общественных закономерностей они абсолютизируют «волевою» сторону человеческой деятельности. Согласно буржуазным теориям историческое развитие происходит по случайным решениям людей, по их планам и желаниям, по тому, как они сумеют претворить их в жизнь. Эти желания определяются не чем иным, как внутренней духовной свободой человека.

Подобные волюнтаристские теории служат, с одной стороны, для апологетики политики империалистических правительств, а с другой стороны, являются исходным тезисом для отрицания познаваемости исторического развития вообще и его научного предвидения в частности. Отсюда «вывод»: нет и не может быть необходимости руководящей роли коммунистической партии как носителя научного познания общественного развития и организующей силы, которая руководит обществом на основе познанных объективных законов общественного развития.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 166.

Для того чтобы отвергнуть объективные закономерности общественного развития, существует много теоретических уловок. Одна из них заключается в сведении основных общественно-научных понятий и категорий к продукту человеческого сознания.

Характерным примером этому может служить выдвинутое Шиком понятие «категории интересов». Шик еще в 60-е годы поставил с ног на голову объектно-субъектный характер этой категории. Общественный интерес у Шика — это сумма субъективных желаний и требований отдельных личностей. На этой основе он проповедовал постепенный отказ от марксистско-ленинской теории и практики социалистического строительства. Таким образом, перспективы общественного развития отделялись от научного познания, превращаясь в непознаваемую волю общества, основа которой таится в психике отдельных личностей.

Такой подход соответствует всей ревизионистской модели «демократического социализма»: все должно максимально подчиняться разнородным «интересам» и воле отдельных личностей и групп людей. Руководящая роль коммунистической партии как силы, которая на основе научного познания общественных закономерностей соединяет сознание с революционным движением и которая ведет рабочий класс и всех трудящихся к социализму, этой теорией отвергается.

Упрощенное и ложное понятие «категорий интересов» Шика противоречит как объективным классовым интересам революционного пролетариата и трудящихся масс, так и проявляющимся во всем мире тенденциям, которые несет с собой научно-технический прогресс.

Отрицание объективных закономерностей общественного движения сопровождается раздуванием и абсолютизацией возможностей индивида. Это создает иллюзию гуманизма и высокой оценки человеческой личности. На самом же деле человеческая активность при этом ограничивается и связывается. Абстрактная абсолютизация произвольно, волюнтаристски понимаемой человеческой деятельности приводит к отрицанию реальной возможности преобразующего воздействия человека на развитие общества. Абсолютный волюнтаризм и абсолютный фата-

лизм сливаются воедино как своими теоретическими постулатами, так и социальными последствиями. Они мешают людям понять реальные возможности и условия общественных преобразований, общественного прогресса и способствуют пассивному приспособлению к косным порядкам.

Буржуазные теоретики ищут выход в механическом разделении общества на «пассивную» и «активную» часть. Диалектика объективных закономерностей общественного развития подменяется метафизикой теорий элиты.

В самом общем смысле элементы теории конвергенции, теории индустриального общества, теории гегемонии элиты, теории модернизации, теории эволюции, теории «американского превосходства» и других можно найти во всей современной буржуазной антикоммунистической идеологии. В них, в сущности, можно выделить несколько главных антиленинских, антимарксистских постулатов:

1. Дальнейшее развитие человеческого общества не требует обязательной ликвидации капитализма как общественно-экономической формации.

2. Развитие общества не требует руководящей роли рабочего класса; напротив, гегемония пролетариата исторически изжила себя.

3. Развитие общества не нуждается в руководящей роли марксистско-ленинской партии как носителя революционной научной теории и ведущей силы общественного развития.

4. Отрицается пролетарский и социалистический интернационализм как выражение международного единства, основанного на классовых принципах и опирающегося на боевой авангард современной борьбы за мир, демократию, национальную свободу и социализм — страны социалистического содружества во главе с Советским Союзом.

Чем больше совпадений содержится в буржуазных теориях, тем больше подчеркиваются взаимные расхождения. В этом заключается одна из причин, которые порождают столько различий и метаморфоз у разных буржуазных теоретических школ и отдельных авторов и даже, как правило, различные фазы во взглядах в жизни и творчестве одного и того же буржуазного теоретика.

Было бы неправильно отрицать возможности некоторых буржуазных теоретиков. Стремясь найти решение тех или иных вопросов с точки зрения интересов буржуазии, они могут отметить ряд важных черт общественного развития. В развитии буржуазных теорий, однако, принципиально важно отличать процессы, обусловленные самим развитием познания, от стремления в новых формах воспроизвести старую, реакционную сущность.

Классовые интересы буржуазии в развитии общественного познания, в поисках путей для преодоления внутренних общественных противоречий, для стабилизации буржуазного общества и продления его существования сочетаются с ее стремлением замолчать и извратить истинную картину общественного движения в целом, оспорить марксистско-ленинское, подлинно научное познание закономерностей дальнейшего общественного развития.

Даже отдельные объективно значимые сведения в конечном счете используются реакционными буржуазными идеологами в качестве аргумента против марксизма-ленинизма.

В борьбе за чистоту марксизма-ленинизма и его творческое развитие исключительно важное значение приобретает разоблачение всех этих псевдонаучных теорий.

Критика буржуазных теорий требует учета ряда взаимосвязанных конкретных исторических условий. Не всякое ошибочное воззрение является классово враждебным замыслом. Не всякий некоммунист является антикоммунистом, не всякий немарксист является врагом марксизма-ленинизма.

* * *

Решающим пунктом столкновения между марксизмом и ревизионизмом являются вопросы диалектики производительных сил и производственных отношений.

В. И. Ленин писал: «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном раз-

витии организм... для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»¹.

Ревизионисты и буржуазные «марксологи» отрицают, в частности, определяющую роль характера собственности на средства производства. Тем самым основное марксистско-ленинское понятие производственных отношений лишается своей качественной сути. Такое смещение понятий имеет реакционный политический смысл.

На антимарксистской позиции в вопросе диалектики производительных сил и производственных отношений смыкаются правые и «левые» ревизионисты. Правые ревизионисты и многие буржуазные теоретики делят мир в основном на «технически развитые» и «отсталые страны». Буржуазные и праворевизионистские теории приписывают ведущую роль технически и промышленно развитым империалистическим метрополиям, а остальным странам отводят роль зависимых «аутсайдеров». «Левые» экстремисты эту механическую схему выворачивают наизнанку. Они призывают мировую «деревню» к борьбе против развитых государств, которые называют «городом». Они говорят о «революционной народной борьбе» развивающихся стран не столько против империализма, сколько против стран социалистического содружества, и особенно против Советского Союза, который они считают «центром современного ревизионизма».

Значительное место в западной пропаганде, направленной против социалистических стран, занимает полемика между сторонниками так называемого «демократического», «гуманного» социализма и откровенными защитниками капиталистического строя.

Ревизионисты и сторонники «либеральных» взглядов, в том числе представители «новой левой», утверждают, что в нынешнем виде социализм скомпрометировал себя, но что у него может быть надежда доказать свои преимущества. «Пражская весна

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 165.

1968 года» выдается за первую попытку достигнуть истинного социализма.

Подобная псевдополемика нужна изощренной антикоммунистической пропаганде, которая отвергает принципиальные основы марксизма-ленинизма, исторический опыт Советского Союза и других социалистических стран.

В подобных дискуссиях приняли участие и представители чехословацкой послеавгустовской эмиграции, такие, как Шик, Пеликан, Гольдштюккер и другие. Они внешне порой пытаются полемизировать с буржуазными теоретиками и журналистами в телепередачах, в интервью для печати, на теоретических конференциях и политических сборищах. Защита так называемого «демократического» социализма и «чехословацкого эксперимента» образца 1968 г. в действительности является не чем иным, как услугой антисоветской и антикоммунистической пропаганде.

Одним из самых распространенных антикоммунистических и ревизионистских аргументов является утверждение, что марксизм-ленинизм, мол, устарел, что он «изжит» современными буржуазными теориями. Буржуазная идеология вновь и вновь возвращается к исходным теоретическим и методологическим положениям, которые в иных исторических условиях, в иной формулировке сохраняют ту же идейную сущность и уже были опровергнуты классиками марксизма-ленинизма.

Несмотря на нападки мировой реакции, марксизм развивается, становится еще более мощной познавательной и созидающей силой. Принципиальная борьба с буржуазной идеологией и изучение классиков марксизма-ленинизма — две неотделимые друг от друга и взаимосвязанные стороны единого процесса.

Жизнь подтверждает, что круг возможностей буржуазной идеологии ограничен ее классовыми интересами, которые находятся в противоречии с объективными потребностями современного общества. Борьба с буржуазной идеологией и с антикоммунистической пропагандой должна вестись решительно и бескомпромиссно.

Антисоветизм и спекуляция на лозунге суверенитета

Особую роль в антикоммунизме вообще — и в его идеологическом воздействии против Чехословакии в частности — играет антисоветизм. «Наш опыт 1968—1969 годов однозначно показал, что именно антисоветизм является сердцевинной, центром тяжести современного антикоммунизма, что он является идеологией, которая объединяет различные направления и течения буржуазной и реформистской идеологии в международной классовой борьбе социализма с капитализмом. Антисоветизм представляет собой ныне главный элемент в стратегических планах мировой империалистической реакции»¹.

В западных антикоммунистических кругах отдавали себе отчет в том, что расчеты на внутреннее разложение ЧССР и постепенное размывание социалистического содружества в конце 60-х годов потерпели крах именно в результате интернациональной солидарности и поддержки социалистических стран, их сплоченности с Советским Союзом. Нерушимость социалистического содружества и сила международного коммунистического и рабочего движения в значительной степени зависят от огромного авторитета и влияния Советского Союза и его ленинской Коммунистической партии.

Дальнейшие планы мировой реакции на внутреннее разложение коммунистических партий и социалистических стран после полученных ею уроков преследуют одну явную цель: ослабить их связи с Советским Союзом. Национализм и подрыв единства социалистических стран — главное орудие и цель западных антикоммунистических центров.

В современной тактике антисоветизма также просматриваются тенденции, свойственные буржуазным теориям и пропаганде вообще. С одной стороны, налицо открытые и грубые выпады, а с другой — более изощренные методы и приемы.

У традиционной антисоветской аргументации существует своя преемственность: сначала белогвар-

¹ Ян Квасничка. Антисоветизм — общая черта империалистической идеологической диверсии и ревизионистских тенденций. «Новая мысль». № 7—8, 1972, стр. 976.

дейская контрреволюция, затем троцкисты, геббельсовская фашистская пропаганда и, наконец, современные империалистические антисоветские кампании. В клеветнических нападках на Советский Союз используются все средства. Буржуазная пропаганда новыми вымыслами и полуправдами продолжает питать ложные представления об отсталости советской науки, техники и культурной жизни в Советском Союзе. Одновременно распространяются старые измышления об «отсутствии свободы» и т. п.

Однако грубая, оголтелая антисоветская пропаганда становится все менее эффективной. Мировая общественность все больше и больше убеждается в огромных успехах развития социалистического общества в СССР, советской науки и техники.

Вот почему в последнее время все чаще возникают попытки придумать более правдоподобные варианты антисоветизма. Некоторые авторы предлагают собственное, якобы беспристрастное его толкование. Они пытаются навязать мысль, будто бы между Советским Союзом и США, между социалистическими и капиталистическими странами нет никаких существенных различий. Имеющееся между ними различие является-де не результатом разного общественного устройства, а обусловлено национальными особенностями. Не социализм будто бы является ключом к пониманию Советского Союза, а, напротив, русские национальные особенности и традиции помогают уяснить роль ленинизма и современной социалистической практики в мире. Такая «аргументация» — это не что иное, как старая попытка втиснуть идеи социализма в прокрустово ложе национализма, отвергнуть принцип пролетарского интернационализма и, наконец, представить мировое революционное коммунистическое движение как «пятую колонну русской экспансии».

Антисоветизм, как одна из сторон антикоммунизма, направлен не только против Советского Союза, но и против всего коммунистического движения, против каждой марксистско-ленинской коммунистической партии, против научной идеологии рабочего движения в целом. Дезинформация о Советском Союзе искажает представления людей о социализме, о путях его достижения, о возможностях и формах борьбы за

собственное освобождение от капиталистической эксплуатации и порабощения. Антисоветизм деформирует реальное представление о перспективах мирового развития.

Антисоветизм стремится подорвать доверие и граждан Чехословакии к принципам и устоям социализма. Социализм, но без Советского Союза,— главный лозунг враждебной пропаганды, направленной против ЧССР.

Антисоветизм и национализм представляют собой две главные стороны современной антикоммунистической пропаганды против социалистических стран и коммунистического движения.

В своих целях ревизионизм деформирует и само понятие интернационализма. В ревизионистской интерпретации интернационализм лишен марксистского классового, революционного смысла. Интернациональная позиция понимается как необходимость «приспособиться» к договорным обязательствам и исторически возникшим отношениям с остальными социалистическими странами. Это имели в виду, например, Смирковский и Дубчек, заявив в конце августа 1968 г. по возвращении с московских переговоров, что «мы в своих усилиях недооценили некоторые факторы, которые оказывают существенное влияние на наше развитие, прежде всего внешние и международные факторы...» С таких позиций интернациональные связи становятся формальным противопоставлением национальному развитию, внешним и чужеродным фактором, который может быть выгодным или невыгодным и даже враждебным.

Другой чертой ревизионистской трактовки интернационализма является его преднамеренная односторонность. В этом случае подчеркивается взаимное идейное влияние социалистических стран, сила примера, значение достижений каждой отдельной страны для роста международного авторитета всего социалистического содружества, однако умалчивается о значении взаимной экономической, политической, а в случае необходимости — и военной помощи. Такое понятие интернационализма представляет собой по существу иной способ его ликвидации. Тем самым предполагается приоритет «национального» перед интернациональными классовыми, революционными

интересами. Абсолютизация национальных позиций в ущерб подлинным марксистско-ленинским принципам интернационализма находится в резком противоречии с объективными историческими требованиями современной международной классовой борьбы, с интересами чехословацкого народа.

Ревизионисты часто ссылаются на Декларацию Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в ноябре 1957 г., в которой говорится: «Свои взаимоотношения социалистические страны строят на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга». Ревизионисты цитату на этом обрывают. Далее же следует: «Это — важные принципы, однако они не исчерпывают всей сущности отношений между социалистическими странами. Неотъемлемой частью их взаимоотношений является братская взаимопомощь. В этой взаимной помощи находит свое действенное проявление принцип социалистического интернационализма»¹.

* * *

Националистическая направленность идеологической диверсии против Чехословакии в 1968 г. проявилась и в ревизионистской интерпретации понятия суверенитета. Это стало в тот период составной частью антикоммунистической пропаганды против ЧССР.

Социалистический путь развития отдельных стран, как известно, базируется на общих классовых интересах и целях, на марксистско-ленинских принципах. Этот путь обусловлен тесным взаимным сотрудничеством, развивающейся интеграцией и укреплением единства социалистических государств. На XIV съезде КПЧ товарищ Густав Гусак сказал: «Залогом нашей мирной жизни, нашей национальной и государственной свободы, незыблемости нашего социалистического строя является союз с Советским

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 10.

Союзом и другими социалистическими странами, наша принадлежность к международному коммунистическому движению»¹.

В. И. Ленин обосновал диалектическое единство и взаимозависимость решения национального вопроса и социалистической революции. «Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций, но этой цели она хочет достигнуть не насильем, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций»².

«Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»³. Эти высказывания Ленина относятся к 1917 г. Позднее он писал: «Но ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение»⁴.

Так рассматривал взаимосвязь социализма и национального вопроса В. И. Ленин, который всегда проявлял глубокое уважение к традициям и культуре, истории и судьбам своей собственной нации и всех других наций и народностей. В своих теоретических работах и революционной практике В. И. Ленин последовательно отстаивал право наций на самоопределение; он был основателем Союза Советских Социалистических Республик, первого многонационального государства, которому присущи равенство и взаимное сотрудничество десятков свободных наций и народностей.

По мнению правых, в понятие чехословацкого суверенитета заложено «право на контрреволюцию». С подобной аргументацией выступают ныне буржуазные пропагандисты в идеологической борьбе против коммунистических партий капиталистических стран. Они навязывают полемику по вопросам так

¹ «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 104.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 167.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 115.

⁴ Там же, стр. 251.

называемой «сменяемости» (чередования). Под этим подразумевается возможность смены капиталистического и социалистического общественного строя, короче говоря — возможность контрреволюционного переворота и реставрации капитализма уже после того, как к власти в стране придет рабочий класс и под руководством коммунистической партии начнет социалистическую перестройку общества. Этот вопрос, провокационно навязываемый коммунистам западных стран, имеет целью доказать общественности нетерпимость и недемократичность тех, кто не хочет гарантировать свободу действий буржуазным политическим силам в условиях социалистического государства. Это старый трюк. Восхваляя формальные принципы буржуазной демократии, то есть плюралистическую систему политических партий и парламентскую машину голосования, выдавая их за абсолютный критерий демократии, ревизионисты отвлекают внимание трудящихся от объективных общественных интересов и объективных критериев исторического прогресса. Они ставят на одну доску революционный, прогрессивный переход от капитализма к социализму и контрреволюционный переворот, ликвидацию социалистических общественных отношений и восстановление капиталистической эксплуатации.

С точки зрения формального демократизма, это одно и то же. Как одно, так и другое представляет собой изменение общественно-политической системы. Но такое выхолащивание самого понятия демократии, то есть власти народа, означает превращение его в классовое оружие реакции, обращенное против трудящихся масс. Не только коммунисты, но и прогрессивные мыслители буржуазии в период ее исторического выступления против феодализма понимали демократию не только как формальный аппарат управления и принятия политических решений, но, прежде всего, как власть народа и для народа, как политическую систему, которая призвана обеспечить прогрессивное развитие общества и гарантировать этот прогресс от реакционных, антинародных переворотов.

Буржуазия стремится добиться возможности организации контрреволюции, политического разложе-

ний социалистического государства, выдавая их за атрибуты его демократичности и суверенности.

Борьба между прогрессом и реакцией, между социализмом и капитализмом ведется в мировом масштабе. Победа социализма в любой отдельно взятой стране — это не только результат борьбы пролетариата данной страны. Это особенно наглядно проявилось в ходе социалистической революции в Чехословакии. Не будь интернационалистской помощи, не было бы и самостоятельного чехословацкого государства вообще. К. Готвальд при провозглашении Конституции ЧССР 9 мая 1948 г. говорил: «Без изгнания из нашей страны иноземных захватчиков было бы невозможно наше национальное освобождение, не было бы нашей свободной республики»¹.

В общей классовой борьбе каждая отдельная социалистическая страна защищает не только свои национальные интересы; она одновременно является звеном в цепи общих сил прогресса, мира и социализма и в этом смысле несет также интернациональную ответственность перед историей. Ослабление социалистических сил в одной стране означает одновременно ослабление всего революционного фронта и затрагивает все братские социалистические страны и прогрессивные силы. Этот факт всегда стремилась и стремится всячески скрыть ревизионистская пропаганда. Однако в 1968 г. в западной печати появилось много высказываний на эту тему и выражалась надежда, что «возрождение» в Чехословакии откроет капиталистическому миру широкий коридор в социалистические страны.

Следовательно, проблему суверенитета социалистического государства нельзя отрывать от основной классовой роли этого государства. В. И. Ленин в труде «Государство и революция» и в десятках других работ указывал, что социалистическое государство является централизованной организацией политической силы и власти пролетариата, причем как для подавления сопротивления свергнутого эксплуататорского класса, то есть буржуазии, так и для руководства массами крестьянства и мел-

¹ Клемент Готвальд. Избранные произведения, т. II, стр. 266.

кой буржуазии в ходе перестройки и развития социалистического хозяйства и всей социалистической общественной системы. Суверенитет социалистического государства зависит в первую очередь от того, насколько политическая власть и внешние связи позволяют ему выполнять эти основные задачи.

История Коммунистической партии Чехословакии свидетельствует о том, что наше социалистическое государство с самого начала строилось на этих ленинских принципах. Его суверенитет понимался не как формальное право делать что угодно без учета внутренних и внешних факторов, не как абстрактное понятие, а как гарантия условий для конкретной классовой политики — для строительства социализма. Клемент Готвальд на съезде Союза чехословацко-советской дружбы 22 февраля 1948 г. сказал: «...судьба нашей народной демократии, революционных завоеваний, так же как и самое существование народа и государственная свобода, тесно связана с судьбой нашего союза с СССР. От него зависит, будем ли мы существовать или погибнем, ибо только этот союз дает нам возможность иметь свое свободное государство и строить его в соответствии со свободным волеизъявлением народа»¹.

С точки зрения марксизма-ленинизма, проблема чехословацкого государственного суверенитета как в 1968 г., так и сейчас совершенно ясна. В первой статье Конституции ЧССР говорится: «Чехословацкая Социалистическая Республика есть социалистическое государство, основанное на прочном союзе рабочих, крестьян и интеллигенции во главе с рабочим классом». И далее: «Чехословацкая Социалистическая Республика — составная часть мировой социалистической системы...» В четвертой статье записано: «Руководящей силой в обществе и государстве является передовой отряд рабочего класса, Коммунистическая партия Чехословакии». Шестнадцатая статья гласит: «Вся культурная политика в Чехословакии, рост образования, воспитание и обучение проводятся в духе научного мировоззрения — марксиз-

¹ Клемент Готвальд. Избранные произведения, т. II, стр. 197.

ма-ленинизма и в тесной связи с жизнью и трудом народа»¹.

Исходя из этих основополагающих конституционных принципов, кто угрожал в 1968 г. суверенитету Чехословацкой Социалистической Республики и кто гарантировал его? Кто угрожает сейчас нашему суверенитету и кто его гарантирует?

Суверенитет социалистического государства имел и имеет в действительности ярко выраженные классовые функции. Антисоциалистические силы ухватились за понятие суверенитета в тот период, когда руководство КПЧ, парализованное действиями правой ревизионистской группировки, было не в силах воспрепятствовать контрреволюционному развитию в ЧССР. Лозунг суверенитета, сведенный к требованию изоляции от братских социалистических стран, фактически означал только одно: отдать ЧССР на произвол реакционных сил. Их планы должны были на деле привести страну к утрате суверенитета как с классовой точки зрения, так и в национальном отношении. Братские социалистические страны, оказав чехословацкому народу в августе 1968 г. интернационалистскую помощь, дали возможность восстановить и вновь укрепить социалистический государственный суверенитет ЧССР.

Выступая в ноябре 1968 г. на V съезде Польской объединенной рабочей партии, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «И когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического сотрудничества в целом,— это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран»². Именно поэтому марксисты-ленинцы твердо следуют принципу общей взаимной, интернациональной защиты социалистических стран от угрозы контрреволюции.

¹ «Конституция Социалистической Чехословакии». М., 1963, стр. 303, 304, 308.

² Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1973, стр. 136.

После второй мировой войны в связи с формированием военных, экономических и политических блоков капиталистических стран на Западе велись оживленные дискуссии по вопросу государственного суверенитета. Суверенитет отдельных государств и наций был даже объявлен пережитком прошлого.

Это не было чем-то новым. Буржуазная пропаганда всегда пользовалась в той или иной мере комбинацией буржуазного национализма и космополитизма. Национализм, как правило, служил и служит внутренним целям реакции, тогда как космополитизм остается средством воздействия на другие страны. В настоящее время буржуазные круги выступают за интеграцию и фактическую ликвидацию суверенитета государств и народов там, где сохраняется гегемония империалистических держав, но тем усерднее они проповедуют «суверенитет», понимаемый как националистический барьер для социалистических государств.

Буржуазная и ревизионистская аргументация, касающаяся понятий «неограниченного» и «ограниченного» суверенитета, является не более, чем игрой слов. Государственный суверенитет — это всегда совершенно конкретное соотношение между целями и возможностями политики государства. Он зависит от классовых целей государственной политики, от политической системы страны и от союзнических обязательств — от того, с кем и на каких условиях проводит государство свою внешнюю политику. История Чехословакии не раз учила, что судьба наших народов зависит не от степени нейтралитета и изоляции, а, напротив, от избранного в интересах трудящихся масс верного и нерушимого союзничества. В этом состоит интернациональная гарантия государственного и национального суверенитета социалистической Чехословакии.

Механизм идеологической диверсии

Наряду с изменениями в тактике антикоммунистической диверсии, направленной против Чехословакии, происходят также определенные сдвиги и в самом механизме идеологической диверсии.

Пропагандистская деятельность империалистической реакции стала особенно изощренной и интенсивной после того, как антисоциалистические круги лишились своих позиций в Чехословакии, в частности в средствах массовой информации.

Так, в 1972 г. на ЧССР вещало четырнадцать западных радиостанций, в среднем почти по 37 часов в сутки, примерно на 90 частотах. По объему радиопередач первое место занимает пресловутая радиостанция «Свободная Европа». За ней следуют британская «Би-би-си» (три часа в сутки на четырнадцати частотах) и западногерманская «Немецкая волна» (с несколько меньшим временем передач на восьми частотах).

На четвертом месте — «Голос Америки». Однако значение передач этой радиостанции намного больше, чем об этом можно было бы судить по простому сравнению времени передач.

В настоящее время «Голос Америки» имеет только в Вашингтоне примерно столько же сотрудников, сколько «Свободная Европа» и «Свобода», вместе взятые (около двух с половиной тысяч). Кроме того, у «Голоса Америки» имеется еще многочисленный персонал, размещенный на передающих станциях за границей. На радиостанции «РИАС» в Западном Берлине занята тысяча человек.

«Голос Америки» нельзя рассматривать в отрыве от радиостанций «Свободная Европа», «Свобода» и радиостанции «РИАС» в Западном Берлине. Все они принадлежат одному хозяину — США, и их деятельность взаимно координируется. Они финансируются из одних и тех же источников, причем основная часть расходов покрывается из бюджета США. Их главная задача — борьба против коммунизма и безудержная пропаганда американского образа жизни.

Эту общую задачу каждая из этих четырех радиостанций выполняет по-своему. «Голос Америки» и «РИАС» являются официальными институтами США, а поэтому в их передачах значительное место отводится откровенной пропаганде США, их политики, образа жизни и культуры. У «Голоса Америки» почти 100 передающих радиостанций, из которых 60 находится за границей. Передачи «РИАС» (Radio in the American Sector) направлены главным образом

против ГДР; только в период чрезвычайных событий эта радиостанция выполняет и другие задачи; например, в августе 1968 г. она открыто действовала против ЧССР. Передачи радиостанции «Свобода» направлены против СССР. Они ведутся на 18 языках народов Советского Союза. («Голос Америки» — на семи языках народов СССР.) Радиостанция «Свободная Европа» действует против ЧССР, ПНР, ВНР, НРБ и СРР.

Все названные радиостанции отличаются друг от друга и по своему официальному отношению к государственным органам США и по способу финансирования и управления. Радиостанции «Свободная Европа» и «Свобода» — в отличие от «Голоса Америки» и «РИАС» — были до недавнего времени формально частными институтами. И хотя они финансируются конгрессом США, американское правительство всячески отрицает свою международную правовую ответственность за их деятельность.

В январе 1971 г. американский сенатор-республиканец Клиффорд Кейс выступил с официальным требованием, чтобы деятельность радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода», поскольку они финансируются ЦРУ, подлежала контролю конгресса. За прекращение деятельности этих радиостанций не раз выступал бывший председатель комиссии по иностранным делам сената США У. Фулбрайт. В конце 1971 г. в США был принят закон о финансировании обеих радиостанций. Финансовая дотация была утверждена только на один год. Но финансирование подрывных радиостанций продолжается и по сей день.

Бюджет «Свободной Европы» и «Свободы» достигает 37 миллионов долларов, бюджет «Голоса Америки» — около 50 миллионов долларов, бюджет «РИАС» — примерно 3 миллиона долларов в год.

«Свободная Европа» реализует в общей сложности 540 радиочасов в неделю на 25 языках, «Голос Америки» — 840 часов на 36 языках.

С начала 70-х годов в передачах радиостанции «Голос Америки» против социалистических стран появились некоторые новые моменты. Их антикоммунистическая направленность выражена не столь очевидно, как у «Свободной Европы» или «Свободы». «Голос Америки» в большей мере сочетает антиком-

мунизм с пропагандой американского образа жизни, которая призвана создавать впечатление позитивной альтернативы. Директор «Голоса Америки» — алабамский миллионер Кеннет Гидденс, назначенный на этот пост президентом Никсоном, заявил: «Я считаю эту работу крестовым походом, цель которого — разбудить остальной мир и показать ему, как благодатна система свободного предпринимательства, приносящая американскому народу столько благодеяний... все люди, работающие в «Голосе Америки», являются чем-то вроде продавцов, с помощью которых остальной мир может купить «американский сон»»¹.

Радиостанции «Голос Америки» и «РИАС» тесно связаны с организацией, которая обеспечивает им широкую техническую, информационную и идеологическую базу, — с американским пропагандистским агентством ЮСИА², главным орудием пропаганды США за границей. Годовой бюджет ЮСИА составляет около 180 миллионов долларов, но, по более точным оценкам, расходы достигают 250 миллионов долларов в год. В этой организации в США и в 104 других странах работает свыше десяти тысяч человек. Помимо радиостанций у нее имеется широкая издательская база, сеть клубов, киноустановок, библиотек, читален, кино- и телевизионных студий. Она издает журналы, бюллетени, пропагандистские брошюры и книги, устраивает выставки, организует развлекательные и научно-популярные программы.

Кроме того, ЮСИА издает шесть раз в год журнал «Проблемы коммунизма», который было бы правильнее называть «Проблемы антикоммунизма». В нем публикуются материалы по вопросам стратегии и тактики антикоммунизма на современном этапе. Среди его авторов — буржуазные теоретики из различных стран мира. Тираж журнала — 30 тысяч экземпляров. Мировая реакция получает на его страницах неофициальные, но зато подробные идейно-политические директивы по проведению антикоммунистической деятельности.

В западных странах выходит несколько сотен га-

¹ См. T. Dowling. The Selling of America. Washington, 1971.

² Информационное агентство Соединенных Штатов.

зет и журналов на чешском и словацком языках¹. У многих из них нет четко выраженных политических целей, некоторые даже были когда-то относительно прогрессивны. Однако самые влиятельные издания постепенно оказались в руках реакционных кругов эмиграции. Они используют их как для антикоммунистической пропаганды среди самих эмигрантов, так и для незаконного распространения в Чехословакии. Главная роль принадлежит античехословацким эмигрантским политическим изданиям, которые находятся на содержании западных антикоммунистических центров и под их фактическим управлением. Это, в первую очередь, «Сведectви», «Америцке листы» и их словацкий двойник «Нью-Йоркский деник», «Листы», венское «Ческе слово» и другие.

Эти материалы пытаются нелегально распространять и в Чехословакии. Их издатели не рассчитывают на то, что эти писания попадут в руки широких кругов населения. Их цель — идеологическое вооружение и руководство ярым реакционерам; последние, в свою очередь, путем личных контактов должны расширять влияние этой аргументации, готовя «подходящих людей» к страстно ожидаемому ими моменту — новой контрреволюционной ситуации.

Наряду с периодическими изданиями немалую роль играет и литература. Чехословацкая тематика стала в западных странах в конце 60-х годов доходной статьей. О так называемых «чехословацких событиях» уже вышло несколько сотен книг. Часть из них издана на чешском и словацком языках, для того чтобы, подобно эмигрантским периодическим изданиям, распространять их, с одной стороны, среди чехословацких туристов, а с другой — среди чехословацких граждан в самой республике. Авторами этих книг и брошюр являются бывшие представители «пражской весны», буржуазные публицисты и теоретики. Большинство сведений, оценок, да и разных вымышленных историй повторяются; авторы беззастенчиво заимствуют их друг у друга.

Примечательна судьба — наряду с другими — книги Антонина Лима «Три поколения». Сначала она

¹ Согласно некоторым западным источникам, в 1972 г. выходило 250 чешских и словацких эмигрантских и землячeskих изданий.

вышла в Чехословакии, а затем — в ФРГ, не получив большого отклика. Только обширное предисловие французского философа-экзистенциалиста Жана Поля Сартра сделало ей надлежащую рекламу и поставило в ряд «ходячих» античехословацких антикоммунистических источников.

Это упоминается не потому, что подобные издания играют какую-то роль или имеют какое-то принципиальное значение по своему содержанию, а потому, что их судьба характерна для всего механизма антикоммунистической пропаганды. Для литературы подобного рода типично то, что она получает значительный конъюнктурный резонанс в какой-то определенный момент, но с течением времени теряет всякое значение. Это объясняется тем, что такие публикации появляются в качестве целевых инструментов антикоммунистических кампаний и с их окончанием утрачивают всякую ценность.

Наряду с радиовещанием, периодическими изданиями и литературой в антикоммунистической пропаганде против Чехословакии используются также кино, театр и другие средства.

Весной 1970 г., во время широкой реакционной кампании империалистической пропаганды, приуроченной к празднованию трудящимися всего мира 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, в западных странах вышел на экраны фильм «Признание». Он был снят во Франции по книге ренегата КПЧ Артура Лондона. Главным героем фильма является сам Лондон, показанный в тот период, когда он был арестован и отбывал заключение в Чехословакии.

Своей направленностью фильм «Признание» являл широкие взаимосвязи чехословацких правых с силами международного сионизма.

В том же 1970 г. Американская академия киноискусства и наук поспешила отметить премией «Оскара» античехословацкий фильм-монтаж, состряпанный американским информационным агентством ЮСИА и названный «Чехословакия с 1918 по 1968 год без комментариев». Античехословацкие фильмы и театральные пьесы фабрикуются во Франции, Англии, ФРГ, Австрии и других западных странах.

В своих целях антикоммунистические круги — помимо массовых средств информации — пытаются ис-

пользовать туристические контакты, торговые, научные, культурные и спортивные связи и даже дипломатическую деятельность.

* * *

Антикоммунистические силы постоянно расширяют и совершенствуют механизм своего подрывного идеологического воздействия. Они не оставляют без внимания ни одной возможности для проникновения в социалистические страны, не жалеют для этого ни средств, ни усилий. Но это вовсе не означает, что следует избегать связей с западным миром, опасаться научных, культурных и других взаимных контактов. Связи необходимы для научного и культурного развития.

Серьезные научные, культурные, спортивные, туристические и другие контакты не могут вестись вне борьбы социалистической и буржуазной идеологий. Успех этой борьбы зависит от внутренней убежденности, идейной подготовленности и, наконец, от того, на чьей стороне правда. Нет сомнений в превосходстве глубоко научной, социалистической идеологии перед буржуазной. Вот почему у социалистических стран, в том числе и Чехословакии, нет в принципе причин отказываться от серьезных контактов с Западом. Но в этом деле исключительно важно, разумеется, насколько люди, участвующие в контактах с нашей стороны, морально, политически и идеологически зрелы.

Чехословацкая политическая эмиграция на службе современного антикоммунизма

В 70-е годы роль политической эмиграции в системе идеологической диверсии против Чехословакии значительно возросла. Враги социализма строят свои расчеты на том, что некоторые чехословацкие граждане еще не избавились от неправильных представлений о событиях в 1968 г., что у них, мол, сохраняются иллюзии о возможности «пражской весны» и «демократического социализма». Антикоммунистическая пропаганда представляет всех эмигрантов «политическими жертвами коммунистического режима».

Анализ причин, побудивших некоторых чехословацких граждан выехать за границу в 1968 г., говорит совершенно о другом. Значительная часть из них была обманута идеализированным представлением об условиях жизни на Западе. Политические мотивы занимают второстепенное место, причем и они были в значительной мере результатом неправильных представлений о том, что происходило на самом деле.

Судьбы этих людей столь же различны, сколь и мотивы, побудившие их покинуть родину. В первое время в западных странах им были оказаны не только материальная поддержка, но даже и почести. Буржуазные круги видели в них желанное средство антикоммунистической пропаганды. Однако со временем ими попросту перестали интересоваться. Что касается квалифицированных специалистов, то они оказались в водовороте так называемой «утечки мозгов».

США и Израиль сманивают образованных людей из европейских стран и Канады. Покинувшие родину чехословацкие ученые, врачи, инженеры и техники вынуждены были идти на менее выгодные места, чем те, которые они занимали бы в ЧССР.

Люди с более низкой квалификацией вербовались для заселения неосвоенных областей Австралии, Канады и Южной Африки, вливались в армию «гастарбайтеров» и «ауслендеров» в Западной Европе. В начале 70-х годов в Западной Европе работало за пределами своей родины более 8 миллионов представителей разных национальностей — итальянцев, испанцев, греков, португальцев, турок и других. Как и другие иностранные рабочие в Западной Европе, чехословацкие эмигранты стоят на самом последнем месте в экономическом отношении. Их социальная неуверенность усиливается неполноправным гражданским положением.

В буржуазной литературе чехословацкая политическая эмиграция делится обычно на три части: на послефевральскую, послеавгустовскую некоммунистическую и на так называемую «коммунистическую» часть послеавгустовской эмиграции.

Активные эмигранты отличаются друг от друга политическими программами — от фашистских до псевдосоциалистических.

Несмотря на некоторые расхождения во взглядах по отдельным конкретным вопросам, несмотря на различия, существующие между эмигрантскими организациями и отдельными деятелями, активную часть эмиграции можно разделить на несколько основных идейно-политических течений.

Крайне правые входят в клерикальные политические организации, связанные с Ватиканом. Они опираются главным образом на людацкую клерофашистскую часть эмиграции в США и Канаде, а также на католические антикоммунистические институты римского центра.

Непосредственно после февраля 1948 г. наибольшее влияние среди эмиграции имели «чехословакисты», или «масариковцы», как их прозвали другие эмигрантские группировки. Они до сих пор требуют возврата к буржуазному режиму домюнхенской республики и ведут яростную антисоциалистическую пропаганду. Их концепции, организации, влияние были тесно связаны с периодом «холодной войны» 50-х годов, с западными концепциями «политики освобождения», которая рассчитывала на поражение социализма при помощи открытой фронтальной атаки, прямого вооруженного вмешательства.

С конца 50-х годов усилилось третье направление. Его сторонники провозглашают некий «компромисс» между капитализмом и социализмом, отстаивают некую конвергентную модель Чехословакии, а точнее «демократический социализм». Сюда относятся самые различные круги: от профессиональных антикоммунистических агентов и социал-демократов до так называемой «коммунистической» части послефевральской эмиграции.

После августа 1968 г. к этому направлению присоединилась, проявив большую активность, группа ренегатов КПЧ. Среди них наибольшим влиянием пользуются Йиржи Пеликан в Риме, Ота Шик в Базеле, Эдуард Гольдштюккер в Лондоне, Артур Лондон, Иво Флейшман и Антонин Шнейдарек в Париже, Зденек Гейзлар в Швеции и другие. Эти люди сочиняют памфлеты против политики КПЧ, выступают с антикоммунистическими нападениями по буржуазному радио и телевидению, публикуют статьи в буржуазной печати, выпускают книги, оказывают

помощь при создании кинофильмов-фальшивок, совершают турне для чтения лекций, выступают в высших учебных заведениях, принимают участие в антикоммунистических «экспертизах», проводимых буржуазными исследовательскими институтами.

Активную роль играют также чехословацкие правые социал-демократы, присоединившиеся к так называемому Социалистическому интернационалу. Он оказывает им материальную помощь, а заодно использует их в антикоммунистических целях в западных странах, особенно для дезориентации рабочего класса.

Весной 1969 г. и особенно в первой половине 1970 г. было предпринято несколько попыток объединения чехословацкой политической эмиграции. Проявились две противоположные тенденции — с одной стороны, стремление объединить реакционные силы для совместной борьбы против марксизма-ленинизма, Советского Союза и КПЧ, а с другой стороны, каждый из организаторов — что закономерно для реакционной политической эмиграции — стремился к собственной гегемонии. Активное участие в этой возне принимали агенты «Свободной Европы» и круги, группирующиеся вокруг журнала «Сведецтви».

В некоторых буржуазных высказываниях сквозит мысль, что идейно-политическая разнородность эмиграции позволяет устанавливать контакты с разными группами населения и оказывать на них соответствующее влияние. П. Тигрид, например, не скрывает того, что «различие во взглядах необходимо для того, чтобы можно было оказывать влияние на более широкий круг общественности в Чехословакии».

Среди чехословацких эмигрантов политические деятели представляют собой узкий привилегированный слой. Но и их положение зависит от того, насколько ими довольны их работодатели. Антикоммунистические центры используют их в самых разных целях. Помимо участия в пропаганде, направленной против КПЧ и ЧССР, они ведут работу по дезинформации общественности в капиталистических и развивающихся странах. Некоторые из них, используя свое коммунистическое прошлое, проникают в прогрессивные круги на Западе. Они не только распространяют искаженные представления и клевету

о социалистическом развитии Чехословакии и о нынешней политике КПЧ, но и используют любой случай для пропаганды ревизионизма и оппортунизма. Эти люди — как подтвердил ряд фактов — стремятся восстановить и поддерживать контакты с оставшимися в Чехословакии антисоциалистическими элементами, надеясь сформировать таким путем зачатки нелегальных групп и получать секретную информацию, которая интересует западные разведки.

Судьба чехословацких послеавгустовских политических эмигрантов, которые в 1968 г. не уставали говорить о социализме, прогрессивности и «аутентичном марксизме» и которые сегодня выступают на антикоммунистических сборищах, участвуют в передачах «Свободной Европы» и сотрудничают в реакционной буржуазной печати, не только подтверждает истинный классовый смысл их демагогии и обещаний, расточаемых в 1968 г., реакционный, контрреволюционный характер всего их «демократического социализма», но актуальность и силу ленинской мысли о непримиримости классовой борьбы в области идеологии. Среди людей, которые сегодня служат орудием антикоммунистической пропаганды против Чехословакии, имеются, очевидно, не только заклятые враги социализма, долгие годы маскировавшие свои убеждения. Весьма вероятно, что между ними встречались и такие, которые до недавнего времени считали себя коммунистами. Однако отсутствие принципиальности, потеря четкой классовой позиции, кокетничание с буржуазными теориями, преклонение перед западным образом жизни и желание найти какой-то третий, средний путь между капитализмом и социализмом, компромисс между социалистической и буржуазной идеологиями привели их в конце концов к ренегатству и предательству не только рабочего класса, чехословацкого народа и идей социализма, но и к предательству их собственных жизненных идеалов. Это касается в особенности тех политических эмигрантов, которые, называя себя коммунистами, бегут от социализма назад, в старый капиталистический мир, теряя не только свою родину, но и самих себя.

Их ждет тот же удел, что и их предшественников — эмигрантов после февраля 1948 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

Пути дальнейшего развития антикоммунистической идеологической диверсии зависят в первую очередь от меняющегося соотношения сил между социализмом и капитализмом, между прогрессом и реакцией. Однако нельзя, видимо, считать, что стратегия антикоммунистической идеологической диверсии будет изменяться автоматически вместе с изменениями в соотношении сил. Главные усилия антикоммунистических центров и их идеологическая борьба направлены именно на то, чтобы тормозить и всячески отрицать действие объективной исторической тенденции в мире. Уже в самом этом заложена острая внутренняя противоречивость рассматриваемого явления.

При полном учете всех этих обстоятельств можно предположить вероятное развитие идеологической диверсии против ЧССР в ближайшем будущем. Рабочее движение имеет многолетний опыт классовой борьбы с буржуазией и ее идеологией. Особенно ценен в этой области опыт братских коммунистических партий и социалистических стран, что позволяет сопоставить тактические маневры антикоммунизма в разных областях и ситуациях.

Главные усилия империалистической антикоммунистической идеологической диверсии — уничтожить социализм, подорвать международное коммунистическое и рабочее движение, затормозить прогресс и укрепить капиталистический строй — все больше расходятся с реальными условиями. Однако нельзя ожидать, что уже в ближайшие годы рост сил социализма и прогресса достигнет такого уровня,

который даст возможность полностью парализовать эти усилия империализма.

Одновременно с тем, как соотношение сил будет и далее изменяться не в пользу капитализма, антикоммунизм будет, очевидно, разрабатывать новые и новые методы борьбы с социализмом и прогрессивным движением, комбинировать различные приемы и средства, маневрировать, сочетать давление, угрозы, обман, террор, шантаж, уступки и подкуп, дифференцированный подход к различным коммунистическим партиям и социалистическим странам и т. д. Будет усиливаться враждебное воздействие в самых различных областях в экономике, в международной политике, в идеологии, а также в их отдельных сферах. Еще более увеличатся ассигнования на расширение, совершенствование и повышение эффективности всего механизма антикоммунистической пропаганды.

Цепь предыдущих провалов планов мировой реакции и рост прогрессивных сил вынуждают империализм предпринимать все более сложные маневры. Антикоммунистические силы вынуждены прибегать в Европе ко все более тонким и изощренным методам, переходить от открытой враждебности к поискам контактов и переговорам, к показной демонстрации миролюбивых намерений и прогрессивности.

Видимо, в будущем буржуазные круги станут, насколько это возможно, скрывать открытую вражду к социализму и сопротивление с ним и в значительно большей, чем теперь, степени использовать все средства, чтобы разлагать изнутри прогрессивное, и прежде всего коммунистическое, движение. Они будут прибегать к более широкому распространению либерализма, правого и «левого» ревизионизма в социалистических странах и коммунистических партиях.

При этом нельзя исключать и использования активных контрреволюционных попыток, если это где-то окажется возможным. Совершенно очевидно, что реакционные круги в случае подобных авантур не будут возлагать больших надежд на свержение социалистического строя и реставрацию капитализма. Но в нынешних условиях любой контрреволюционный взрыв был бы полезен врагам уже тем,

что нарушил бы спокойствие политической жизни в социалистическом содружестве, дал бы возможность спекулировать им для дискредитации коммунистического движения и — не в последнюю очередь — привел бы к замедлению экономического развития стран социалистического содружества, которое на данном этапе является решающим фактором мирового прогресса.

Современный империализм возлагает самые большие надежды на его все еще сохраняющиеся экономические и технические возможности. Но тенденция дальнейшего изменения в соотношении сил между социализмом и капитализмом проявляется ярче всего именно в этой области. В докладе на XXIV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что «ныне резко усилилась роль такой сферы классовой борьбы между социализмом и капитализмом, как экономическое и научно-техническое соревнование двух мировых систем»¹.

Империализм будет пытаться всеми силами тормозить развитие социалистических стран. Надо полагать, еще больше усилится стремление направлять в это русло свое враждебное влияние на социалистические страны, отделять их друг от друга с помощью дифференцированного подхода и заманчивых обещаний и вынуждать их идти на идеологические и политические уступки.

Стремление империализма затормозить экономическое и научно-техническое развитие стран социалистического содружества, подрывать их единство находит свое отражение в антикоммунистических диверсионных усилиях как в экономической, так и в политической и идеологической областях. «Теоретики западного мира проблеме интерпретации научно-технического прогресса поставили в центр внимания социологических версий о завтрашнем дне человечества. И если различные теории «индустриализма» давно уже служат опорой для защиты капитализма, для обоснования антикоммунистических вариантов ближайших перспектив развития двух систем, то футурологические построения, устремленные к 2000 году, спекулируют, как правило, на пер-

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 39.

спективах развития научно-технической революции в тех же целях»¹.

Империалистические круги спекулируют на расширении внешних экономических связей социалистических государств. Это объективное развитие обуславливает возможность и необходимость углубления социалистической экономической интеграции, что еще больше усиливает не только экономическую, но и политическую мощь социалистического содружества. Именно против этого направляются главные усилия мирового империализма. Он стремится любой ценой разобщить и разделить социалистические страны. На этом принципе основана американская политика «выборочного сосуществования» с социалистическими странами. Можно ожидать, что в ближайшие годы еще заметнее будет наблюдаться отход от обанкротившейся империалистической политики экономической блокады и эмбарго по отношению к социалистическим странам и более замаскированное стремление помешать их экономической интеграции.

Все это повлечет, вероятно, за собой определенные изменения в пропаганде. Уже нынешний опыт показывает, что антикоммунистические силы сочетают два метода: с одной стороны, они умаляют и принижают экономические, технические и культурные достижения социалистических стран, а с другой стороны, представляют бесспорные успехи этих стран как национальную особенность, как результат таланта, многолетних традиций данного народа. Нельзя исключать и того, что националистический момент в пропаганде против ЧССР еще более усилится.

Многие прогнозы будущего развития в мире сходятся на том, что будет усиливаться влияние развивающихся стран. Западные буржуазные авторы, как правило, приходят к выводу, что современное «биполярное» мировое развитие превратится в «мультиполярное» развитие.

Эти прогнозы скрыто содержат в себе буржуазную реакционную оценку общественных явлений,

¹ Е. Д. Модржинская. Актуальные проблемы борьбы против антикоммунизма и ревизионизма в свете решений XXIV съезда КПСС. Журнал «Новая мысль», № 7-8, 1972, стр. 921.

которая сводит международную политику к сфере национальных и государственных интересов. Такая оценка умышленно игнорирует различие общественно-экономических формаций и превращается в некую упрощенную схему.

То, что буржуазные теоретики называют «биполярностью мира», в самом общем классовом смысле определяется не числом великих держав, не числом коалиций. В этом понятии отражается основное содержание современной эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму. Этого исторического развития не могут избежать и развивающиеся страны; более того, само их возникновение и освобождение от империалистического гнета, распад колониальной системы являются следствием и проявлением мирового революционного процесса.

Однако это общее направление еще не дает ответа на вопрос, как будет проходить развитие в этих странах в ближайшие годы, в какой мере удастся империализму сохранить здесь свое влияние (особенно с помощью экономических средств), в какой мере эти страны пойдут по некапиталистическому пути развития.

В борьбе против колониального гнета и в борьбе за независимость стран Азии, Африки и Латинской Америки значительную роль нередко играла национальная буржуазия. Вот почему отношение некоторых деятелей этих стран к социалистическим государствам отличается значительной сложностью. С одной стороны, они опираются на социалистические страны как на главную антиимпериалистическую силу, с другой стороны, они опасаются социалистического влияния, отстаивают частную собственность и капиталистическое предпринимательство. Это обращает их в сторону капиталистических держав, но со стороны последних им грозит жестокое экономическое давление, сохранение и восстановление экономической и в конечном счете политической зависимости. От этого может избавить развивающиеся страны только их экономический, политический и культурный подъем, который обостряет социальные противоречия внутри страны, активизирует революционные движущие силы общества и ведет к росту влияния трудящихся масс на политику.

Стремление этих стран добиться национальной самостоятельности не только в политическом, но и в экономическом и культурном отношениях усугубляет их конфликты с империалистическими метрополиями.

В этой связи особенно негативна роль «левого» экстремизма, проповедующего в международной политике антисоветизм и авантюризм. «Левые» экстремисты стремятся расколоть содружество социалистических стран и подорвать союз всех прогрессивных сил с Советским Союзом.

Своей псевдореволюционностью они пытаются внушить прогрессивным силам развивающихся стран нереальные представления и толкнуть их на авантюристические политические действия. Они препятствуют сотрудничеству этих стран с социалистическим содружеством, ведут политику раскола мирового антиимпериалистического фронта.

Все это говорит о том, что значение классовой борьбы в области идеологии будет возрастать, будет усиливаться антикоммунистическая пропаганда. Конечно, империалистические круги стремятся всячески замаскировать эту пропаганду. Откровенный антикоммунизм не дал больших результатов и скомпрометировал себя перед лицом мировой общественности. Это заставляет антикоммунистические круги всеми силами скрывать классовый характер своей пропаганды, придавать ей внешнее подобие правдивости информации, непредвзятости, объективности и научности.

Можно предположить, что в последующие годы антикоммунистическая идеологическая диверсия будет еще больше эксплуатировать любое расхождение в международном коммунистическом и рабочем движении. В отношении нашей страны она будет пытаться, в частности, продолжать спекулировать на ошибочных позициях, которые заняли некоторые коммунистические партии либо некоторые их представители в вопросе контрреволюционного развития событий в 1968 г., интернационалистской помощи братских стран и борьбы КПЧ против ревизионизма и оппортунизма.

Антикоммунистические круги стремятся повысить действенность своих пропагандистских средств.

Главные средства их воздействия на Чехословакию — подстрекательские радиостанции, особенно «Свободная Европа» и «Свобода», переживают серьезный кризис. Их деятельность подвергалась критике даже в Конгрессе США. Однако мало вероятно, чтобы такой институт, как «Свободная Европа», в который антикоммунисты вложили столько труда и средств, был полностью упразднен. Раздающиеся в стане империалистов критические голоса останавливаются главным образом на следующих моментах: идеологические цели радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода» слишком очевидны, что снижает их действенность; утверждение о якобы «частном характере» этих институтов больше компрометирует Соединенные Штаты, чем избавляет их от ответственности за них. Как ослабить эти негативные стороны, сохранив сами институты? Вынашиваются планы втянуть в эту авантюру другие западные страны, создав нечто вроде «информационной системы западного свободного мира».

Вот уже несколько лет в империалистических кругах обсуждается вопрос о том, как развернуть идеологическую диверсию против социалистических стран с помощью телевизионных передач. Антикоммунистические центры надеются на то, что в будущем они будут использовать в своих враждебных целях систему искусственных спутников.

Общая тенденция антикоммунистической стратегии и тактики, направленной против социалистических стран, идеологической диверсии против ЧССР — делать еще больший упор на национализм и связанный с ним антисоветизм, на неклассовый подход к оценке общественного развития и достигнутых результатов в социалистическом строительстве, на распространение «идеологического либерализма», главной целью которого является извращение и отрицание основных принципов марксизма-ленинизма.

Многие факты свидетельствуют о том, что враг уделяет особое внимание определенным группам населения, в первую очередь тем, кто был причастен к антисоциалистической деятельности в 1968—1969 гг. Антикоммунистическая пропаганда пытается вынудить этих людей противодействовать политике КПЧ, стремится изолировать их от участия в социалисти-

ческом строительстве в Чехословакии, затруднить их включение в нормальную трудовую, общественную и культурную жизнь ЧССР, поддерживать и разжигать в них чувство социальной оторванности и неприязни. Согласно западным планам эти люди, их семьи должны служить антикоммунизму в качестве резерва, «пятой колонны» и орудия реакции.

Антикоммунистическая пропаганда продолжает ориентироваться на молодежь. Враждебное идеологическое давление на молодых людей, по мысли авторов этих планов, должно привести к ослаблению социалистической, политической и идеологической системы.

На XIV съезде КПЧ товарищ Густав Гусак заявил: «Главной опасностью, с которой мы должны бороться, является правый оппортунизм, пустивший у нас в результате исторического развития глубокие корни»¹. Эту опасность на будущее подтверждает и развитие антикоммунистической пропаганды против ЧССР. Идеологическая диверсия делает упор на соединение буржуазной идеологии с правым реформизмом. При этом главная надежда возлагается на мелкобуржуазные тенденции и пережитки, на стремление некоторых людей к нетрудовому обогащению за счет общества, на буржуазный национализм и шовинизм, на религиозные предрассудки и т. п.

Подрывное идеологическое воздействие против Чехословакии, точно так же как и против других социалистических стран, представляет собой широкую враждебную деятельность. Ее интенсивность все более возрастает. Враждебные центры составляют новые планы и готовят новые акции. На первый взгляд может показаться, что речь идет о весьма активном наступлении врага.

Но представлять дело таким образом значило бы принимать внешнюю сторону явления за его суть. Антикоммунизм является одним из наиболее ярких доказательств и проявлений кризиса современного капитализма. Со времени Великой Октябрьской социалистической революции, разорвавшей цепь капитализма, империализм потерпел ряд поражений и

¹ «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 86.

дал много новых трещин. Интенсивность антикоммунизма — это проявление его отчаянных попыток устоять перед натиском революционного движения, перед ростом влияния и авторитета марксистско-ленинской идеологии. Современный империализм, все силы мировой реакции не скрывают, что это развитие ставит под угрозу само их существование.

Однако империализм еще опирается на огромные материальные и человеческие силы и к тому же использует своего неизменного и верного союзника — косность, привычки, традиции буржуазного образа жизни и мелкотоварного производства, пережитки прошлого и просто психологическую боязнь социальных перемен, риска революции. «Никаких экспериментов!» — с таким лозунгом шла одно время на выборы западногерманская христианско-демократическая партия. Этим лозунгом спекулируют целыми столетиями все реакционные силы в борьбе против прогресса.

Даже самый интенсивный антикоммунизм не в состоянии остановить рост прогрессивных, революционных сил. Марксизм-ленинизм и международное коммунистическое и рабочее движение являются следствием и отражением объективного закономерного исторического развития и его качественного скачка, выразившегося в победе социалистических революций во многих странах мира.

Наш исторический оптимизм не имеет ничего общего с фатализмом. Историческую закономерность коммунисты рассматривают не как автоматическое действие; они видят в ней возможность для широкой активной деятельности. В мире идет острая классовая борьба, и не каждая битва должна обязательно приносить победу прогрессивным силам. Путь прогресса не прямолинеен, в нем много зигзагов и спусков. Исторические победы дела мира, демократии и социализма не исключают отдельных неудач и поражений.

1968 год со всей убедительностью показал, что классовый противник может достигнуть временных успехов и причинить ущерб делу социализма. Но именно уроки этого прошлого учат, как избежать подобных ошибок, как повысить действенность нашего идеологического влияния.

Для того чтобы вести успешное идеологическое наступление, мало знать механизм антикоммунистической пропаганды и разоблачать его.

Лучшим ответом на все спекуляции врага и его планы являются успехи в экономическом, политическом и культурном развитии Чехословакии, укрепление ее единства и братского сотрудничества с другими странами социалистического содружества, и прежде всего с Советским Союзом. Этот путь обусловлен, разумеется, успешной идеологической работой, усилением идейного единства партии, идейно-политического воспитания граждан страны. Социалистическое сознание — важная предпосылка успеха во всех звеньях деятельности партии.

Неотделимой составной частью марксистско-ленинского воспитания, развития сознательности трудящихся, глубокого понимания ими собственных интересов и путей их достижения является решительная борьба против враждебной буржуазной идеологии, против антикоммунистической идеологической диверсии. Распространение научного социализма и борьба против враждебной пропаганды представляют собой на современном этапе одно неразрывное целое.

Для того чтобы вести успешное идеологическое наступление, необходимо неуклонно сочетать практические успехи в деле строительства социализма с идейно-политической и теоретической деятельностью.

Марксизм-ленинизм и творческое применение его на практике является источником нашего превосходства над самым изощренным механизмом антикоммунистического воздействия. Марксизм-ленинизм — это идеология, которая верно отражает все основные закономерности развития общества. Это идеология, которая выражает объективные интересы трудящихся, ведет к осуществлению их стремлений и чаяний. Это идеология, которая соединяет революционность с дальнейшим развитием самых ценных и самых прогрессивных традиций человеческой культуры. Это идеология, которая является, прежде всего, программой дальнейшего развития человеческого общества, полного устранения социальной несправедливости и национального угнетения, идеология, которая создает необходимые общественные

условия для невиданного научного и технического расцвета, которая открывает широкие перспективы для творческого труда, просвещения и прогресса на благо людей без разрушительных войн, без эксплуатации человека человеком.

Борьба с антикоммунизмом — это дело, которое касается всего общества в целом. Ее нельзя понимать как борьбу, которую ведут только партийные, государственные и общественные деятели, тогда как простой гражданин может следить за ней как сторонний наблюдатель. Идеологическая борьба между буржуазной и социалистической идеологиями, борьба с антикоммунистической пропагандой и идеологической диверсией, их разоблачение и преодоление — это касается каждого.

СОДЕРЖАНИЕ

К советскому читателю	3
Предисловие	10
Годы оголтелого антикоммунизма	12
Идеологическая подготовка «тихой» контрреволюции	41
Изменения в послевоенной стратегии и тактике антикоммунизма	43
Новый этап идеологической диверсии против Чехословакии	58
Эмиграция как союзник антисоциалистических и ревизионистских сил внутри Чехословакии	74
«Эрозия социализма» и кризис общества в Чехословакии	79
Идеологическое наступление переросло в борьбу за власть	87
Этапы развития контрреволюции	90
О методах идеологического разложения	105
Правые и контрреволюционные идейно-политические течения	138
Классово-политическая ориентация контрреволюции	153
Антикоммунистическое влияние Запада	163
Новые перемены на пороге 70-х годов	181
Споры о новой глобальной стратегии антикоммунизма	184
Антикоммунистические планы, направленные против ЧССР после поражения контрреволюции, и роль идеологической диверсии	193
Новые идеологические кампании — свидетельство формирования новой тактики	201
Изменение в направленности антикоммунизма	204
Об идейном содержании современного антикоммунизма и ревизионизма	217
Анτισоветизм и спекуляция на лозунге суверенитета	232
Механизм идеологической диверсии	241
Чехословацкая политическая эмиграция на службе современного антикоммунизма	247
Перспективы на будущее	252

Милан Матоуш
ФРОНТ БЕЗ ПЕРЕМИРИЯ

В работе над переводом
принимали участие:
Г. А. Горелов, С. И. Прасолов,
П. П. Турпителько

Заведующий редакцией
К. Н. Сванидзе

Редактор
Т. Г. Климова

Младшие редакторы
Н. С. Коблякова, Л. В. Сидашенко

Художественный редактор
А. М. Ясинский

Технический редактор
Л. К. Уланова

ИБ № 390
Сдано в набор 31 декабря 1976 г. Подписано
в печать 25 марта 1977 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Условн. печ.
л. 13,86. Учетно-изд. л. 13,31. Тираж
100 тыс. экз. Заказ № 1394. Цена 66 коп.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.